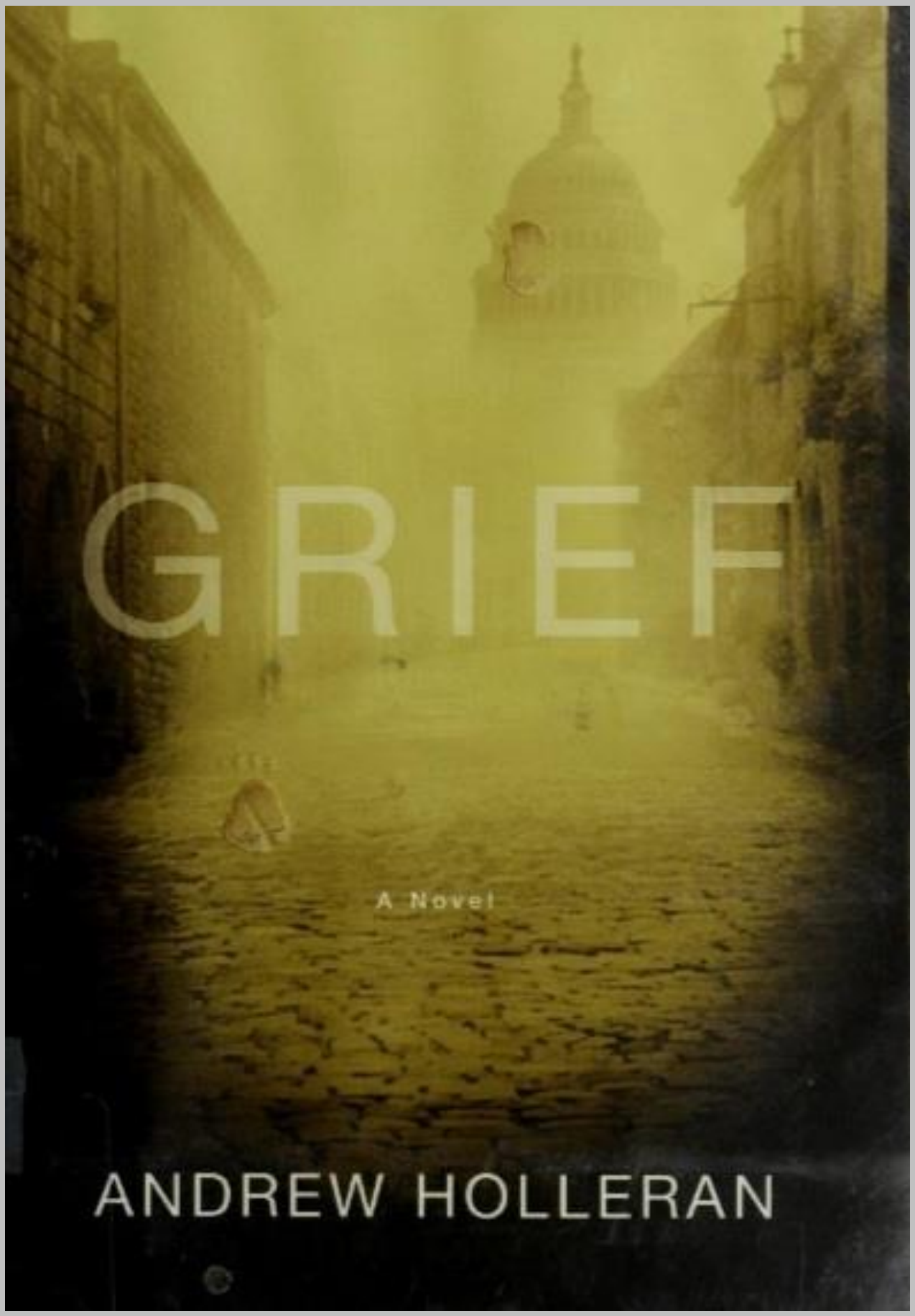
GRIEF
A Novel
ANDREW HOLLERAN

GRIEF

Andrew Holleran

ГОРЕ

Эндрю Холлеран

2006

перевод
Иван Иванов

2026

Потрясенный недавней смертью
больной матери, измученный,
одинокий профессор приезжает
в столицу нашей страны в попытке
сбежать из прежней жизни.
То, что он находит здесь, — красивого,
незанятого домовладельца; мрачную
атмосферу города и такую же мрачную
архитектуру; странные, страстные письма
и дневники Мэри Тодд Линкольн —
открывает ему неожиданные истины
об Америке и утратах в принципе.
Выстраивая взаимодействие с
окружающим его живым миром,
— дерзким и решительным студентом,
матерью умершего друга, даже
оставленной без внимания собакой
домовладельца, — профессор понимает,
что его отношение к своим горестям
совсем не такое, как он полагал ранее.
*В **Горе** Холлеран призывает голоса*
из прошлого, зловещим эхом отвечающие
и вступающие в диалог с нашими
собственными тревожными временами.
Этот роман - шедевр одного из подлинно
своеобразных американских писателей,
которого читатели ценят за глубину чувств,
юмор, элегантность прозы и неколебимую
честность.

*С тех пор как Холлеран впервые появился на литературной сцене в 1978 году со своим потрясающим романом **Танцор из танца**, он неизменно поражал критиков и читателей. **Горе**, книга о неожиданной природе скорби, возможно, является его действительно блистательной и незабываемой работой на сегодняшний день.*

ДОМ, в котором я жил той зимой в Вашингтоне, был меблированным строением на четырнадцать комнат, которые сдавались в основном наркоманам, когда мой домовладелец купил его в 1974 году. Друзья отговаривали его с тем, что это в целом плохая идея, но тот все равно купил, а его отец приехал из Алабамы, чтобы помочь перестроить все внутри практически с нуля. Как только появилась возможность, он сдал квартиру в цоколе. Комнаты на верхнем этаже он сдавал время от времени. Остальная часть дома была его.

Это был один из фасадных домов, мимо которых люди проходят осенними вечерами и останавливаются, чтобы рассмотреть архитектурные детали, лепнину, люстры, книжные полки, просматривающиеся через высокие окна, одним словом, разглядывают жизнь внутри. И особенно часто при этом домовладелец в темной гостиной сидит со своей собакой на коленях, в свою очередь поглядывая вниз на улицу. Сидит и

вспоминает вечера, когда сам также рассматривал дома, подобные этому, теперь наслаждаясь сменившейся ролью, пока не слышит, что квартирант сверху поднимается по ступенькам крыльца, — тогда уже я вижу, как он встает и с собакой в руке удаляется в кабинет, — самую красивую комнату в доме, с эркером на втором этаже, просторным столом и всеми своими книгами и бумагами. Однако в выходные, когда я приехал, моего домовладельца не было; он уехал проверить другой дом, принадлежавший ему, в горах, в трех часах езды к западу от города, где у него был небольшой магазин, продававший антиквариат, маски и прочую мишуру, а также разные безделушки. День был праздничным, в память Мартина Лютера Кинга-младшего*. Аэропорты настолько поражали пустотой, что казалось, будто я прохожу через Лимб — из одной жизни в другую. И на самом деле я оставлял позади жизнь, хотя скорее, не-жизнь, обычно складывающуюся у тех, кто ухаживал за тяжело больным, после смерти подопечного; в данном случае, после долгого периода безысходности, проведенного в основном в доме престарелых, — месте, от которого моя мать всегда просила оградить ее, что бы ни случилось; пока именно то, что случилось, не сделало это необходимым. К тому же, идея переезда в другой город**

* **Martin Luther King, Jr. Day** - общегосударственный выходной день, посвящённый борцу за права афроамериканцев, лауреату Нобелевской премии мира Мартину Лютеру Кингу. Отмечается каждый третий понедельник января и приурочен ко дню рождения Кинга 15 января.
** местопребывание душ перед дальнейшим распределением

показалась мне хорошей, поскольку старый друг предложил преподавать курс в местном университете, так как кто-то там у них собрался в отпуск, — а я согласился.
Но, теперь, в аэропорту, в субботу, я чувствовал себя лишь потерянным. Как человек, убирающий комнату вдруг открывает какой-то ящик и находит то, чего совсем не хочет, я понял, что выбрал для поездки день, когда чувствую себя хуже всего; ведь именно суббота была тем днем, когда последние двенадцать лет я ездил в дом престарелых, чтобы забрать мать на выходные, — день такой радости для нас обоих (за исключением дома престарелых), что омрачала его только толпа людей, остававшихся позади, когда я вез ее коляску по коридору, — освобождение заключенного на глазах у остальных. Или, возможно, подумалось сейчас, это и составляло часть той самой радости; все же я еще пребывал в сомнениях, что все это значило. Ясно было лишь то, что я привык появляться там по субботам; и среди незнакомцев вокруг меня в пустом, залитом солнцем зале ожидания аэропорта Атланты, — в этой утробе, в этой амниотической, околоплодной жидкости, в которой путешественник парит, оторванный от всех элементов своей личности, я точно также оторван от моей многолетней рутины, вошедшей почти в привычку.
По пути на небеса, как гласит известная шутка, пересадка всегда в Атланте. В день смерти матери, я улетал на север, словно в

загробную жизнь, в том же направлении, что и душа после смерти, как во сне, слишком потрясенный, чтобы чувствовать что-то, кроме странного; тишина в салоне, облака за окном, притихшие пассажиры, даже не подозревающие о ужасной для меня новости. Теперь, после ее смерти, спустя годы, я снова летел на север с тем же странным чувством. Никогда не знаешь, подумал я, наблюдая, как другие пассажиры устраиваются на пластиковых стульях вокруг, кто летит по траурной скидке. Да, невозможно сказать наверняка, — хотя большинство семей, которые я видел, посматривая на их оживленные разговоры и читая газету, казалось, всё ещё были вместе.

На этот раз я был одиноким путешественником; в день, будущим наполнением которого стала моя собственная эгоистичная тревога после смерти матери: что теперь делать каждую субботу? Как просыпаться утром, зная, что нет необходимости садиться в машину и ехать в дом престарелых? Только сейчас становились понятны масштабы установленной рутины.

- Именно семьи поддерживают жизнь пациента, — сказала мне однажды медсестра в доме престарелых. - Именно они не дают уйти.

Медсёстры — высшие реалисты, конечно, подумал я в этой пустой безликости аэропорта в выходные, когда, казалось, очень мало людей перемещается. Именно в аэропортах чувствуешь себя наиболее потерянным; именно в аэропортах скорбишь

по-настоящему. Поэтому, когда я приехал в Вашингтон, вышел на улицу, чтобы спуститься в метро, то почувствовал, будто впервые за несколько часов вдохнул воздуха.
Погода в тот день, когда я приехал, была ни теплой, ни холодной. Ключи мне отправили почтой неделей ранее; записка с приветствиями ожидала на столе в прихожей, — следующие два дня я был один в доме.
Но не только дом, весь район был пустынен. Однако, обрадовавшись возможности начать все заново, я вышел прогуляться. Несколько лет назад мой друг, который жил в Вашингтоне, на вопрос, почему вдруг уехал оттуда, ответил:
- Я решил не идти на очередной званый ужин, где люди только и говорят о своих домах, словно о детях.
Так я сразу понял, всего через несколько часов после прибытия в тот январский день, во время самой первой прогулки по району, причины его решений. Куда бы я ни посмотрел, я видел фасады домов. В отличие Манхэттена, они различались бОльшими вариациями дизайна. В них было что-то немецкое: это были маленькие замки. Во всех направлениях углы зданий усеивали башенки и башни, конические крыши укрывала черная черепица, мансардные окна напоминали полуоткрытые глаза, выглядывающие из-за дымоходов и балконов. Хотя они и меньше, чем коричневые особняки на Манхэттене, а также построены из камня разного цвета, но внушают наблюдателю то же успокаивающее

чувство комфорта и основательности, словно он прогуливается страницами романа Уильяма Дина Хауэллса* или Генри Джеймса.**
Это чувство лишь усилилось в тот первый день, когда я открыл дверь наверху лестницы и обнаружил, что смотрю в окно кабинета соседнего дома, довольно укромного уголка, наполненного книжными полками, африканскими фиалками, с пожилой парой на небольшом диване, казалось, вовлеченной в бесконечные разговоры. На лестничной площадке снаружи - несколько глиняных горшков, в которых еще оставалось немного лета, — засохшие побеги базилика и розмарина. Железные решетки, которые мне пришлось отпереть, перед старой деревянной дверью в мое пространство, подразумевали наличие какой-то преступности, но как только я открыл их, а также внутреннюю дверь в прихожую, то ощутил себя в полной безопасности, — словно погрузившись в серебристую, водянистую мглу самого дома: серый свет, проникал через две стеклянные двери в глубине, выходившие на деревянную террасу, откуда лестница спускалась в узкий, огражденный кирпичной стеной и высокими елями вдоль нее сад. Они придавали саду типично скандинавский вид. Интерьер же дома представлялся строго

* **William Dean Howells** (1837-1920) - американский писатель и литературный критик, представитель «нежного реализма» в литературе США.

** **Henry James** (1843-1916) - крупная фигура трансатлантической культуры рубежа XIX и XX веков. В своих произведениях развивал тему непосредственности и наивности представителей Нового Света, вынужденных приспосабливаться либо бросать вызов интеллектуальности и коварству клонящегося к упадку Старого Света.

американским — банкетки, точечное освещение, серые стены, эклектичная мебель: изящное кресло с обивкой в золотую и серебряную полоску, рядом пластиковый столик с лавовой* лампой, большое зеркало в стиле рококо, прислоненное к стене, и, у противоположной стены, одна из тех мертвенно-белых скульптур, которые в Америке XIX века считали шедеврами, а в этом столетии — китчем, — в данном случае, согласно массивным буквам подписи на постаменте, *Мальчик, вытаскивающий занозу*.**

Юноша, вытаскивающий занозу из ноги, был освещен лампой на потолке, которую я попытался выключить, щелкнув выключателями на панели рядом; но прикосновение к клавишам лишь переключало свет во всех частях первого этажа, что заставило меня задуматься: *свет — вот что было главным в семидесятых*. Все здесь выглядело как спроектированное кем-то в 1978 году, — более гедонистической эпохе, впитавшейся в стены этого глубокого, тесноватого, строгого, старого здания, где в тот первый вечер я сидел в темноте, рассматривая внизу, в сумерках, двоих парней в джинсах и клетчатых рубашках намывавших машину. Не в состоянии решить, был ли тот факт, что я мог свободно бродить в те первые выходные,

* представляет собой прозрачную стеклянную ёмкость (обычно цилиндр) с прозрачной жидкостью и полупрозрачным парафином, снизу которых расположена лампа накаливания.

** *Boy with a Thorn* - римская копия эллинистического греческого оригинала III–II веков до н. э.

приятным или не слишком; особенно когда, в поисках подсказок о жизни моего домохозяина, я ничего не нашел. *Давай, смотри*, — будто говорил дом, — *ты ничего обо мне здесь не найдешь*.

Но это казалось уместным. Прогуливаясь по дому, я чувствовал себя призраком или человеком, пролистывающим старые номера *Architectural Digest, — к стилистике которого, несмотря на свою самодельную простоту, дом, казалось, стремился. В столовой висела большая картина, выглядевшая не очень хорошей копией Караваджо**; эта подделка была немногим эффектнее, чем ручка посудомоечной машины в нише рядом с кухней, которая отвалилась под моим нажатием. Ящики не открывались, лампы не работали. В шкафчике над плитой нашлась ржавая банка паприки и одна маленькая баночка арахисового масла. Казалось, здесь никто никогда ничего не ел. В тот первый день дом походил на гробницу. Чем больше я осматривался здесь, тем более пустым он казался, и когда я случайно увидел свое отражение в огромном зеркале у стены гостиной, то сразу же остановился, — бледная серебристая фигура, взиравшая на меня в ответ, выглядела очень уж неуверенной и печальной.**

* **Architectural Digest** (**AD**) - американский ежемесячный журнал о дизайне и архитектуре. Основан в 1920г. Выходит по настоящее время. Тираж свыше 800 тыс. экз.

** **Микеланджело Меризи да Караваджо** (1571-1610) - итальянский художник-реалист, создавший оригинальный стиль светотени, акцентирующей сюжет, в своих работах.

Когда, наконец, поднявшись по лестнице в свою спальню на третьем этаже, я забрался в просторную низкую кровать, то лишь лежал и смотрел на одинокую поросль плюща, пробравшуюся на вершину кирпичной стены, за которой виднелись крыши и строящееся здание. Я был рад этому уединению и одновременно испытывал тревогу. Свет лампы рядом с кроватью придавал комнате антураж гостиничного номера где-то в незнакомом городе.

На столе у кровати, между двумя стеклянными клоунами, выполнявшими функции подставок, стояли три книги: детектив Рут Ренделл*, книга об арийской колонии Элизабет Ницше в Парагвае и *Мэри Тодд Линкольн: жизнь и письма* Джастина и Линды Левитт Тернер. Я взял среднюю книгу и долго рассматривал фотографии сестры Ницше и красивых мужчин с большими усами, ее спутников по путешествию в Парагвай, стоящих рядом с телегой на грунтовой дороге где-то в джунглях, пока дождь не начал выстукивать в стекла мансардного окна над лестничной площадкой, и я заснул.**

КОГДА я проснулся, взял письма Мэри Тодд Линкольн, — книга оказалась настолько захватывающая, что, увлекшись, в тот первый

* **Ruth Rendell** (1930-2015) - британская писательница, автор психологических детективов и триллеров, а также цикла о инспекторе Реджинальде Уэксфорде.

** *Mary Todd Lincoln: Her Life and Letters (1972)* - биография жены Авраама Линкольна, 16 президента США, составленная прежде всего из ее собственной переписки.

день в Вашингтоне, мне потребовалось несколько секунд убедиться, что я слышал звонок, прежде чем спуститься вниз, к двери и проверить. Какой-то худощавый чернокожий мужчина в грязной ветровке стучал в окно, склонившись вбок на лестничной площадке. Я открыл дверь и поздоровался. Он ответил мне, что знает моего домовладельца, живет несколькими домами ниже по улице и только что попал в аварию на площади Дюпон-Серкл, его жена в больнице Университета Джорджа Вашингтона, и ему нужно девяносто долларов, чтобы забрать свою, эвакуированную машину. Я решил, что сомневаться в его словах было бы расистским поступком, поэтому отдал ему все имеющиеся у меня деньги и закрыл дверь. Буквально через несколько мгновений звонок раздался снова. На этот раз это был белый мужчина, представившийся жильцом из цокольной квартиры, - он хотел знать, просил ли мужчина, только что отошедший от дверей, деньги из-за того, что попал в автомобильную аварию.

- Да, — ответил я, — сказал, что он мой сосед и знает нашего домовладельца.

Мужчина коротко рассмеялся.

- Он живет на скамейке на площади Дюпон-Серкл, и никакой аварии не было. Сколько вы ему дали?

- Двадцать баксов, — ответил я.

- Ну, вы не знали, — заключил он, разворачиваясь, чтобы спуститься по лестнице. - И сегодня же день рождения Мартина Лютера Кинга. Думаю, это можно

назвать.. репарациями! - он снова рассмеялся и исчез под лестницей в своей квартире.
На улице же стоял другой незнакомец — обветренный, красивый парень в синих джинсах и клетчатом пальто — нагнувшись, он собирал листья с тротуара в свете фонаря и один за другим клал их в карман. Когда я надел своё пальто и вышел, он не произнес ни слова и не посмотрел на меня. После одинокой жизни в маленьком городке я разучился распознавать людей на улице: смотреть ли на них — и как долго — кивнуть или поздороваться.
Одна из странных сторон долгой заботы о ком-то заключается в том, что ты привыкаешь к определенной ограниченности, — но, прохаживаясь по темной, обсаженной деревьями улице мимо одного дома за другим, точно таких же, как у моего домовладельца, со включенным светом внутри, горшками с засохшими цветами на крыльце, я понял, что теперь не принадлежу никому, как и никто не вверен мне.
Я стал подобен крабу, сбросившему панцирь, но не обретшему новый; и, вернувшись из продуктового магазина, сделал то, что должен сделать всякий ракообразный, обросший панцирем: вернулся к старым привычкам — распаковал продукты, отыскал радиостанцию классической музыки и засел читать газету, в коконе концерта для гобоя* Моцарта.

* духовой инструмент довольно тонкого звука

За входной дверью лежал не маленький городок, в котором я некогда жил, а город с барами, ресторанами и концертными залами, но это не имело значения; я лишь сменил комнату, в которой сидел, и газету, которую читал.

На первой полосе мое внимание привлекла статья о недавнем скандале в муниципальной администрации, - новый мэр-афроамериканец уволил белого, использовавшего слово *гомзила во время бюджетного совещания. Чернокожий референт демонстративно покинул совещание, заявив, что его оскорбили. Гомосексуальное сообщество призывало мэра вернуть на работу белого, который был геем, потому что слово *гомзила* — это очень старый термин, не имеющий никакого отношения к расе. Один обозреватель утверждал, что белый человек должен понимать, что, независимо от значения, такое слово может оскорбить. А в письме в редакцию утверждалось, что белые люди не должны учитывать семантические недостатки чернокожих. Во второй статье утверждалось, что возмущение чернокожего референта было фиктивным, инсценированным группой государственных служащих, которые чувствовали угрозу со стороны новой администрации; уже сложившейся бюрократии, которая была против любых реформ, потому что считала, что любые изменения просто позволят белым перехватить инициативу.**

* русск. устарев., жмот. В оригинале niggardly - дословно скупой. В силу особенностей произношения может напоминать слово "ниггер", "черномазый".

В понедельник, за столом я читал очередную часть этой продолжающейся истории, когда в дверь вошел мой арендодатель.
- Привет! — сказал он и бросил на пол свою дорожную сумку, а ко мне подошла маленькая коричнево-белая собачка, цокая когтями по полу. - Бисквит! Иди сюда! — тотчас позвал домовладелец. Пес замер, разглядывая меня своими сияющими глазами. - Добро пожаловать в Вашингтон! Рад тебя видеть! - провозгласил домохозяин.
Я поднялся, пожал ему руку, извинился за то, что так увлекся статьей *Пост* о мэре и не услышал, как он вошел. Он же вернулся к столу, на который я сложил почту.
- О, да ладно, — ответил он, поднимая конверты. - Не знаю, уже был ты в городе, но если да, то, возможно, ты заметил много скрытой и не очень расовой враждебности. Такие люди, как я, те, кто участвовал во всех маршах за гражданские права в шестидесятые, очень сильно разочаровались. Весьма разочаровались, — сказал он, вскрывая конверты.
- Большинство из нас, кто с самого начала поддерживал движение за гражданские права, почти совсем отчаялись. Я даже не сяду рядом с чернокожим в метро, потому что знаю, если я это сделаю, тот не подвинется ни на дюйм, — даже на полдюйма! Вот увидишь. В жизни этого города есть скрытый подтекст, молчаливый комментарий, сопровождающий почти всякий разговор: *Ты, глупый белый*. Но здесь я в своем,

вроде как, мыльном пузыре, — и все, что хочу сказать: Добро пожаловать в Вашингтон! Ко мне, Бисквит! — он взглянул на маленькую собачку, обнюхивающую мои лодыжки.
А я рассматривал мужчину моего возраста в зеленых вельветовых брюках, синей рубашке на пуговицах и темно-синей парке. Густые седые волосы, коротко стриженые, и — любопытный анахронизм — аккуратные усы. Глаза маленькие и глубоко посаженные. Две складки, скобки вокруг тонкого рта. Распространенное лицо в семидесятые из реклам сигарет.
Вероятно, сейчас он выглядел лучше, чем в молодости, хотя выражение его лица говорило о том, что внешность не привнесла душевного покоя, — в нем чувствовалось некое недовольство, беспокойство, заметное по тому, как он нервно теребил двумя пальцами аккуратные усы, вчитываясь в содержимое конверта в левой руке. Казалось, что он несколько похож на Джона Брауна*, аболициониста.
- Ваша комната в порядке? — поднял взгляд и спросил он.
- В полном, — ответил я.
- А ведь мне до сих пор приходят письма от людей, которые не живут здесь уже лет десять, — продолжил он, бросая конверты в мусорное ведро, рассказывая мне, кто были эти предыдущие жильцы: актер, у которого была собака, гадившая буквально всюду;

* **John Brown** (1800-1859) - радикальный сторонник освобождения рабов, не пренебрегавший и прямыми действиями, за что был казнен в шт. Вирджиния. Борьбу с рабством считал священной миссией.

студент, устроившийся в Сиэтле на работу в телефонную компанию; кларнетист, игравший в Белом доме, когда служил в морской пехоте; солдат по имени Леонард Матлович, уволенный из ВВС за гомосексуальную ориентацию и похороненный неподалеку от Дж. Эдгара Гувера* на кладбище Конгресса на Капитолийском холме (соседство, которое нравилось моему домовладельцу). Хотя он гордился тем, что Матлович жил здесь, и был чрезвычайно любезен со мной, но, наблюдая, как он сбросил письма в мусорное ведро, у меня возникло странное ощущение, что он привык к тому, что дом в его единоличном распоряжении. Понятно, что я нахожусь здесь только из любезности к общему другу, который обратился к нему относительно возможности для меня снять комнату, конечно же, с ежемесячной оплатой; но и все. Тем не менее, я настоял, чтобы он разделил со мной ужин.**

- О нет, не могу, — сказал он, удаляясь на кухню, где и занялся собственным. - Я всегда покупаю тонну куриных частей, варю их все сразу, чтобы питаться ими целый месяц и всегда иметь что поесть. Закончив выкладывать еду на подносе, словно для какого-то лежачего больного, он позвал свою маленькую собаку и пошел к лестнице, чтобы подняться наверх.

На полпути, я вспомнил, что хотел

* **J. Edgar Hoover** (1895-1972) - американский государственный деятель, занимавший пост директора Федерального бюро расследований (ФБР) на протяжении почти полувека — с 1924г.

** **Congressional Cemetery** - образовано в 1807г.

рассказать ему, что молодой человек постучал в дверь и попросил денег из-за автомобильной аварии на Дюпон-Серкл, в результате которой его жена попала в больницу.
- О, — ответил он, остановившись, — никогда так больше не делай. Раньше там был наркорынок. Люди постоянно проворачивают какие-то аферы. Есть женщина с пятью детьми, которая с коляской выходит на улицу. Она тоже может что-нибудь у тебя попросить. И делает это так давно, что, кажется, ее дети, наверное, учатся в колледже. Думаю, она просто берет всякий раз коляску напрокат. А еще есть алкоголичка совсем без зубов, а по лицу текут слезы. Ты, наверное, с ней тоже столкнешься.
Я упомянул и жильца снизу, заходившего сразу после *жертвы аварии*.
- А, это Джим. Его мать умерла и оставила ему много денег. Ему не нужно работать. Он просто ходит в музеи. У него есть парень, о котором он не говорит, чтобы такие чудовища, как я, не смогли его развратить.
Наконец, когда я спросил, кто тот мужчина, которого видел, собирающий листья один за другим в карман пальто, но домовладелец лишь рассмеялся:
- Ну, он ветеран Вьетнама, которого квартал нанял поддерживать чистоту, и он не совсем в себе. Добро пожаловать в район мистера Роджерса! — сказал он и продолжил подниматься.

Так, подумал я, *мы оба привыкли жить одни. У нас свои привычки, своя маленькая колея.* Через несколько мгновений я выключил свет и поднялся мимо закрытых дверей его кабинета на втором этаже в свою комнату на третьем, лег на огромную низкую кровать слушать, как дождь постукивает по мансардному окну над лестницей; приятный звук, который был последним, что я услышал в тот первый вечер в этом доме с владельцем, чья доброжелательность заставила меня почувствовать себя еще более одиноким, чем прежде. Что ж, Линкольн, кажется, вообще колесил по судебным округам и спал впятером на одной кровати в трактирах по пути, вот такая Америка — все еще большой постоялый двор.

НА САМОМ ДЕЛЕ, первое письмо жены самому Линкольну, которое я прочел в книге, лежавшей на тумбочке у кровати, было отправлено в апартаменты в Вашингтоне на Капитолийском холме, где Линкольн разместился как конгрессмен. Хотя и первое, но превосходно передавало общую стилистику ("Вы, наверное, подумаете, что *старость* наложила *свою печать* на меня, и в немногих или даже ни в одном из моих писем я не могу вспомнить день месяца, но должна признаться, это одна из моих особенностей: я чувствую себя утомленной и уставшей настолько, что лишь понимаю, что сегодня *субботний вечер и наши дети* спят…") — эта стилистика позволила мне на следующий день

легко оставаться наверху в своей комнате и читать, пока я не убедился, что мой домовладелец ушел. Только тогда я спустился вниз.

Когда я взялся за остальные письма, уже за завтраком, — письма, написанные, когда она была счастлива, а все еще были живы, — зазвонил дверной звонок. У двери стоял мужчина в униформе UPS; я сказал ему, что я не тот, кто ему нужен, но он ответил, что тогда посылки останутся не врученными и он унесет их обратно, если никто не распишется в получении, пришлось подделать подпись моего домовладельца с мыслью, что *он будет рад такому повороту*. Коробки я сложил в коридоре, а сам вышел на улицу, прошел через Дюпон-Серкл навестить друга, просившего меня подменить его коллегу в отпуске.

Фрэнк жил в старом многоквартирном доме на Шестнадцатой улице еще с семидесятых, когда, как рассказывал, это место было полно нелегальных иммигрантов из Центральной Америки, которые исчезли в один день, когда владельцы решили переоборудовать здание в кондоминиум, поскольку не имели законных оснований для защиты своих прав относительно проживания. Улица тогда была довольно обшарпанной, к тому же, с учетом беспорядков 1968 года, от которых город все еще восстанавливался; но сейчас Шестнадцатую улицу составляли отреставрированные многоквартирные дома и все их готические ажурные узоры и парадные

портики выглядели вполне величественно под высокими деревьями. Фрэнк встретил меня у двери в красном халате, — крупный мужчина с красивыми голубыми глазами и светлой челкой, но похожий на маленького голландского мальчика с банок краски, хотя в этих голубых глазах порой проскакивали искорки, веселые и озорные. Завязав пояс, он провел меня в свою спальню, где лег под массивным распятием на стене. Впечатления о его здоровье и бодрости, ярком и энергичном характере исчезло, когда он достал сигарету из пачки на столе, рядом с кроватью, закурил и сказал:

- Прости, я неважно себя чувствую. Но очень рад, что ты здесь. Устроился? Дом хороший?

- Прекрасный, — ответил я, - никогда раньше не жил в таком.

- Мало кому и доводилось. Это вообще роскошь — иметь дом в Вашингтоне. Или где угодно, если уж на то пошло. Я так обрадовался, что владелец согласился, когда я спросил, можно ли тебе снять жилье. Я не был уверен, что он захочет что-то сдавать. Но, думаю, перспектива шестисот пятидесяти в месяц, что, в принципе, дешево, переломила ситуацию. Рад, что тебе нравится. Теперь, что касается студентов. Это - в следующий четверг. Просто поезжай со мной, я познакомлю тебя со всеми и покажу тебе твой стол. А теперь — я. Хочешь пойти со мной и Лугом в кино сегодня, в семь?

- Кто такой Луг? — спросил я.

- Мой парень, — ответил он. — Не могу решить, является ли он Божьим даром за все мои страдания последних лет или демоном, посланным прямо из ада, чтобы свести меня с ума. Может быть, ты рассудишь, если пойдешь с нами в кино. Что думаешь?

По дороге я прочитал объявление о концерте камерной музыки в *Обществе Цинциннати* — особняке на Массачусетс-авеню, неподалеку от дома моего арендодателя, и сразу спросил Фрэнка, не предпочел бы он пойти туда.

- Нет, мне нужен большой, взрывной, остросюжетный фильм — я хочу увидеть, как Киану Ривз все взрывает вокруг, - заявил он. - Так что откажусь. А пока садись. Как я выгляжу?

- Замечательно, — ответил я.

- Заметил припухлость? — спросил он.

- Где?

- Живот. У меня был ужасный день.

У него было ужасное десятилетие: ухаживал, а затем похоронил любовника, чуть сам не умер после того, как ему поставили диагноз - рак. Через шесть месяцев после операции по удалению опухоли, похоронил мать, которая последние восемь лет провела в доме престарелых в Чикаго, - это мне вспомнилось потому, что он вдруг произнес странно изменившимся голосом, когда я сел на край кровати:

- Не мог бы ты сначала взбить мою подушку? И принести кольд-крем*? Мне кажется, кольд-

* **cold cream** - используется для ухода за кожей (например, в качестве маски для лица или бальзама для губ) благодаря своим увлажняющим свойствам. Изготавливается, как правило, на основе пчелиного воска.

крем очень успокаивает в такой день!
- Я не понимаю, как ты можешь так шутить, — вполне искренне удивился я.
- Это просто, — сказал он. - Она даже не узнавала меня последние два года. Кроме того, горе бесполезно после определённого момента, — ты согласен?
- Полагаю, да, — сказал я, — но у каждого своя точка зрения.
- Конечно, — ответил он, — но чем скорее ты это переживешь, тем лучше. Потому что ни у кого из нас нет времени тратить его впустую, понимаешь? Уверен, твоя мать не ожидала, что ты будешь сидеть в том доме всю оставшуюся жизнь, нянча ее фигурки. Нельзя вечно держать *шиву.**
- Можно.
- Что ты имеешь в виду?
- Ну, что единственное лекарство от горя — это время, но некоторым людям нужно больше, чем другим, — некоторым действительно никогда не будет его достаточно. Не все могут двигаться дальше, — сказал я.
- Почему нет? — отозвался он холодным голосом.
- Потому что горе — это то, что остается после смерти того, кого любил. Единственное, что осталось от него. Твоя любовь к нему, твоя тоска по ним. И пока у тебя есть это, ты не одинок — у тебя есть они.
- Но их больше нет! — воскликнул он.
- Не в том случае, если скорбишь, —

* shivah (шива) - неделя траура в иудаизме для близких родственников

продолжил я. - Твоя скорбь - замена их присутствию на земле. Это и *есть* их присутствие на земле.
- Нет, это не так — потому что их здесь всё ещё нет! — возмущался Фрэнк. - Если только ты не веришь в загробную жизнь. Ты же не веришь в загробную жизнь, правда?
- Не уверен.
- Не понимаю, как ты можешь верить, — бросил он.
- Почему?
- Это порождает слишком много вопросов, если верить. Например: сколько тебе лет в вечности? Сколько лет родителям? Нужно ходить в туалет? Где они там все, что делают по ночам? И где они сейчас, если они всё ещё существуют? Я знаю, трудно смириться с тем фактом, что люди распадаются на маленькую кучку химических веществ, стоящую около шестидесяти семи центов на нынешнем рынке, но, по всей вероятности, это так. Поэтому нет смысла скорбеть дольше, чем хочешь — или должен.
- Разве ты всё ещё не чувствуешь скорби по своей матери?
- Не совсем, — он выпустил струю дыма. - Возможно, потому что она уже и не знала, кто я, когда я входил в комнату. Или, может быть, потому что это был вопрос выживания, — в то время я ведь боролся за свою жизнь. Конечно, я всегда боролся за нее. Или, может быть, я еще совсем не оправился от этого, а должен сосредоточиться на других вещах. Горе — это роскошь, я думаю, которую

не могу себе позволить. Нужно двигаться дальше.
- Но я видел, как люди пытались, — возразил я, — и терпели неудачу.
- Кто?
- Ну, я видел, как многие друзья совершали ошибки — они теряли кого-то, пытались начать новую жизнь, — и делали один неправильный выбор за другим.
- Что в этом плохого? Всегда совершаешь ошибки, — сказал он. — Как можно не ошибаться?
- Но никто не *хочет* совершать ошибки, — сказал я. — Никто ничего не делает, полагая, что это будет ошибкой.
- Конечно, — согласился он. - Но всё-таки что-то да делают. Смысл в том, чтобы выбрать, — хотя бы что-то, — почти неважно что. Но выбрать! Нужно начать всё сначала!
- В чём смысл — начинать всё сначала? Генри Адамс*, после того как его жена покончила с собой, сказал, что слишком молод, чтобы умирать, но слишком стар, чтобы начинать сначала. В этом и проблема нашего возраста.
- А какое отношение к этому имеет Генри Адамс?
- Я думал о нём, когда вчера вечером, прогуливаясь по Лафайет-сквер, услышал церковные колокола.**
- Но почему?
- Потому что Адамсу пришлось столкнуться с горем.

* **Henry Adams** (1838-1918) - крупный американский историк и писатель.
** **Lafayette Square** - исторический парк-площадь в Вашингтоне. Организован в 1821г. Примыкает непосредственно к Белому Дому.

Ему было сорок семь, когда его жена покончила с собой. Она ухаживала за своим отцом, совсем недавно умершим. Затем вернулась в Вашингтон. Всё казалось в порядке. Но однажды, когда муж читал внизу, поднялась наверх, к себе, и проглотила один из химикатов, которые использовала для проявки фотографий. При том, она оставила записку, в которой говорила, что если бы у неё было хоть одно хорошее качество, она бы продолжала жить, но его не было. Конечно, у неё было много хороших качеств — она лишь недавно ухаживала за отцом во время прикончившей его болезни. Это была чистая депрессия, незамутненное чувство вины. Адамс был опустошен, но горе его приняло необычную форму. На следующий день после её смерти он спустился вниз из спальни, сорвал траурную повязку с руки и запретил кому-либо и когда-либо упоминать имя жены. Он даже не упоминает ее в своей автобиографии. В отличие от Мэри Тодд Линкольн. Она горевала до самой смерти — более демонстративно, — можно сказать, пыталась двигаться дальше, но не смогла.

- Потому что у неё было биполярное расстройство, — усмехнулся мой друг, откидывая светлые пряди со лба.

- Она была женщиной, пережившей череду ужасных бедствий, одно за другим, и вполне можно понять, почему она так и не смогла их преодолеть. Ничто не сравнится с тем, что случилось с Мэри Тодд Линкольн.

- А как насчёт Джеки? — спросил он. - Джеки

Кеннеди тоже видела, как застрелили её мужа. Но она справилась с этим. Второй этап её жизни был *вполне* достойным и продуктивным. И знаешь, почему?
- Почему?
- Социальный класс, — провозгласил он, притушивая сигарету. — Подозреваю, дело просто в социальном классе. Конечно, она ещё и лекарства принимала.
- Какое отношение горе имеет к социальному классу?
- Полное! — продолжал вещать он. — По крайней мере, это связано с тем, как ты себя ведёшь — как романтик или как кликуша*. Мэри Линкольн выбрала второй вариант!
- Но есть много людей, которые не могут смириться с определёнными вещами, — сказал я. — Что-то внутри них ломается — что-то, что привязывает их к жизни. Прошлое становится их домом. Мертвые становятся для них реальнее, чем живые, — потому что мертвых просто больше. Они тоскуют по мертвым, и когда это происходит, жизнь останавливается.
- Говори за себя, — протрубил он, вставая и завязывая пояс халата. Подошёл к окну и посмотрел вниз на Шестнадцатую улицу. — Для меня жизнь только началась! Я как та барменша из французского фильма, которая запихивает купюры себе в бюстгальтер. Я считаю каждую! Я хочу всё! И вот мой совет

* **banshee** в оригинале. **Банши** в ирландском фольклоре род печальных фей, предвещающих гибель.

тебе! — Я думаю, тебе стоит купить что-нибудь в Вашингтоне, — он развернулся. — Рынок никогда не упадет. Он может стабилизироваться, но ты не потеряешь деньги. И мы можем найти тебе кого-нибудь. Здесь все такие, типа, средний класс, даже педики* хотят брака. Я думаю, тебе стоит начать искать прямо сейчас!

Вместо этого я вернулся на свою улицу и еще сидел за обеденным столом, заканчивая ранний ужин, когда вернулся мой домовладелец. Когда он вошел в дом, я, по какому-то инстинктивному чувству вежливости, попытался встать, но остановился и лишь сказал ему, что расписался за коробки, которые все еще находились в прихожей. Он шумно выдохнул. Быстро объясняя, что у него возник спор с поставщиком товаров в тех коробках, — сувенирных часов, — и теперь, согласившись принять их, я ослабил его позицию, однако, можно не волноваться, он все уладит, есть возможность заставить их забрать часы, заблокировав кредитную карту.
Короче говоря, он был невероятно любезен, даже по поводу этой ошибки, скорее усложнившей, чем разрешившей ситуацию; на самом деле, как я понял еще до конца вечера, проблема заключалась в том, что мы оба были чересчур вежливы. Манеры контрпродуктивны, если заставляют вас сомневаться в истинных чувствах человека.

* fags в оригинале

В какой-то момент нашего разговора, — спора о том, кто из нас пользуется четвертой полкой холодильника — он рассмеялся и сказал:
- Стоп! У нас тут просто соревнование в вежливости!
В такие минуты его глаза сужались, а лицо принимало очень хитрое, почти дьявольское выражение. Но это разрядило обстановку, — хотя вскоре опять все вернулось к той же вежливости, не позволявшей мне понимать его истинные чувства, и поэтому я держал свои мысли при себе в последующие дни.
Я преодолел инстинктивное желание подниматься, когда он заходил в столовую. Мы оба вступали в непринужденную беседу. Но я чувствовал себя все-таки лучше вне дома. Именно поэтому подолгу гулял, — отчасти чтобы избегать своего домовладельца, отчасти чтобы избавиться от ощущения, что я заперт в доме, как это было до переезда сюда.
Большинство прогулок выводили к Белому дому: вниз по Коннектикут-авеню или Шестнадцатой улице, мимо отеля *Джефферсон* — где Дик Моррис* игриво сосал пальцы на ногах проститутки, — старого российского посольства, отеля *Хилтон*, постоянной толпы бездомных у входа в епископальную церковь, на Лафайет-сквер, где обычно единственным человеком была женщина, жившая в совсем маленькой палатке на южной стороне**

* **Dick Morris** - крупный политконсультант, писатель. Скандал случился в 1996г.
** протестантскую

площади в знак протеста против ядерного оружия. Часто поздним вечером экскурсионный автобус высаживал группу японских туристов, но они быстро делали фотографии и исчезали с тем же автобусом. В тот вечер даже на безлюдном, намертво перекрытом участке Пенсильвания-авеню, не было видно даже одинокого скейтера; лишь огромный фонарь под портиком Белого дома ярко сиял, а за окнами Восточного зала, россыпь сверкающих люстр лучилась янтарными оттенками цвета дорогого виски. Через пять минут после моего прибытия иллюминация погасла, особняк погрузился в тень, внезапно обернувшись печальным, будто всех внутри тотчас отправили, с молоком и печеньем, по кроватям. Ко мне подошел полицейский:
- Добрый вечер, - только сказал он, а я сразу понял, что приобрел образ убийцы президента, и двинулся дальше.
Телевизионные камеры и микрофоны, выстроившиеся вдоль подъездной дорожки к западу от портика, подготовленные на месте для очередной трансляции и укрытые черным брезентом от дождя, больше напоминали скопление надгробий на кладбище. С восточной стороны между Белым домом и зданием Казначейства змеилась длинная узкая дорожка. Молодой официант с белым пиджаком и черных брюках на вешалке в руке, стоял и разговаривал с человеком в караульном помещении, подобно какому-нибудь актеру, возвращающемуся домой после спектакля; как свидетель истории, о которой никогда не

доведется услышать.
Затем, сразу за памятником генералу Шерману*, Пенсильвания-авеню устремлялась далее. Весь ее тротуар был пуст, за исключением бездомных, спящих в глубокой тени на скамейках, — до зеркального, прямоугольного пруда чуть ниже Капитолия, где все было заставлено впритык машинами влюбленных парочек. С террасы Капитолия город казался странно тихим, как морской порт после наступления темноты, огни лишь окружали темную гавань — только здесь гаванью был не океан, а Национальная аллея**.
Уже рядом с домом, я остановился еще на другой стороне улицы, чтобы посмотреть на него: внезапно мрачного, таинственного, немного в глубине участка, отстраненного, возвышающегося над зигзагами лестниц, ведущих ко входу.
Когда находишься внутри, создается впечатление, что прохожие могут заглянуть с улицы и всё увидеть, но на самом деле, как я теперь понял, основной этаж находится выше уровня обзора любого пешехода, в стороне от улицы, скрытый и неброский.
Закрыв за собой дверь, снова погрузившись в водянистый полумрак, я прошёл по золотистому полу, стараясь не шуметь, и остановился взглянуть на своё отражение в

* **William Tecumseh Sherman** (1820-1891) - один из наиболее талантливых генералов Гражданской войны 1861–1865гг. со стороны Севера.
** **National Mall** - комплекс разнообразных памятников и музеев в историческом центре Вашингтона, около трёх километров длиной, от Капитолия США на востоке до Мемориала Линкольна на западе.

зеркале — высокий, стройный мужчина в пальто, седовласый, бледный, без всякой резкости. Я выключил свет, снял обувь и прокрался вверх по лестнице, мимо серых дверей спальни моего домовладельца. Глубокая тишина царила в доме. Следующим утром я снова дождался, когда он уйдет по делам, прежде чем спуститься вниз. Но был крайне удивлен, встретившись с ним за завтраком, — маскируя удивление, я сел рядом с чашкой овсянки и рассказал о своей прогулке.

Он вежливо выслушал меня и добавил, что в нашем районе есть несколько интересных мест, которые стоит посмотреть: дом Элис Рузвельт Лонгворт* на Массачусетс-авеню; дом, в котором Вудро Вильсон провел свои последние годы; особняк, построенный наследницей бриллианта *Хоуп****, чья жизнь обрушилась, когда ее единственный сын выбежал на Массачусетс-авеню и погиб под колесом экипажа (теперь драгоценный камень в музее на Национальной аллее, а особняк — посольство Индонезии).**

Ясно, что ему нравится история. Он даже поднялся наверх за объемной книгой под названием *Потери столицы** с фотографиями**

* **Alice Roosevelt Longworth** (1884-1980) - американская писательница и светская дама. Старшая дочь президента США Теодора Рузвельта.
** 28 президент США и лауреат Нобелевской премии мира 1919г.
*** голубой алмаз 45,52 карата (9,104 г; 0,3211 унции). Найден в 17в. на руднике Коллур в штате Андхра-Прадеш , Индия.
**** **James M. Goode** *Capital Losses: A Cultural History of Washington's Destroyed Buildings/Потери столицы: История уничтоженных зданий Вашингтона (1981).*

особняков в стиле бозар*, снесенных, чтобы освободить место для офисных зданий, которые теперь окружают кольцевые развязки, и оставил мне путеводитель *Мишлен*, сделавшийся ориентиром для моих прогулок, ставших ежедневными, — увидеть что-то новое и отвлечься.

Многие пытались объяснить Вашингтон, — это город одной компании, или огромное кладбище, или город постоянно проживающих здесь чернокожих и наезжающих белых, или город, куда люди приезжают только для улучшения своего резюме, или тот, который никто не может назвать домом, потому что он принадлежит нации, — но лучшее наблюдение я извлек, пересекая площадь перед Национальным театром, из цитат, выложенных там же на тротуарах: *В деталях он скромен, но в его очертаниях есть определенное величие*, Джеймс Фенимор Купер написал это в 1838 году.

Вот и все. В Вашингтоне все еще есть какая-то нерешительность, будто страна не может определиться с самим представительством — квартал за кварталом то блещет величием, то сражает обветшалостью. Даже это величие в основном обязано Гражданской войне. Ее генералы и герои повелевают каждым округом, их имена дают им название, как будто только война, а не правительственное представительство, сделала все это столицей.

* **Beaux-Arts** - опирался на принципы французского неоклассицизма, но включал Ренессанс и барокко, используя современные материалы, такие как железо и стекло, а позже — сталь. С 1830-х годов.

Именно здания, возведенные в разгар строительства, последовавшего после поражения Юга, являются самыми большими и важными.

Однажды днем я наткнулся на театр Форда*. Ложа, в которой был застрелен Линкольн, сейчас была закрыта, - как сказал рейнджер парка, чтобы могла восстановиться после тысяч ног, проходящих через нее каждый год. Так что, я спустился в небольшой музей в цоколе и стал разглядывать фрак от *Brooks Brothers*, который был на Линкольне в момент выстрела, окровавленный шарф и перчатки, — все эти несколько мрачные реликвии эпохи, когда траурный культ выдерживался более интенсивно, если не сказать мрачно, чем в наше время. Маленький пистолет (настолько крохотный, что его можно скрыть в ладони), которым воспользовался Бут, лежал на одной из полок стеклянной витрины с несколькими артефактами, о которых рассказывал гид в лекции для молодой супружеской пары:**

- Бут был Робертом Редфордом* своего времени! Такой красивый, что женщины *и* мужчины оборачивались, чтобы посмотреть на него на улице! — сказал этот американец азиатского происхождения.**

* **Ford's Theatre** - построен в 1833г., с 1861г., назван по имени владельца здания. Именно здесь в 1865г. был убит А. Линкольн.

* старейший американский бренд одежды. Основан в 1818г. После трагической гибели А. Линкольна бренд не отшивал костюмы черного цвета с 1865 по 1998гг.

** **Robert Redford** (1936-2025) - американский актёр, кинорежиссёр, продюсер и бизнесмен. Очень известен ролями драматических красавчиков в культовых фильмах.

Сквозь стены доносились звуки евангельского хора из Гарлема, вероятно, дневной концерт, - охранник покачивался в такт музыке. Мать какого-то подростка настаивала, чтобы сын встал у стены, где был отмечен рост Линкольна:
- Сделай это для меня! — просила она, зная, что нет другого аргумента, который заставил бы его сдаться. Он, почти такого же роста, как Линкольн, конечно, покорился, — я же, наклонившись и подавшись вперед, рассматривал шарф, на котором все еще виднелась темная, засохшая кровь, этот пережиток другого мира, когда конечности ампутировали без анестезии, на улицах валялся конский навоз, мертвых людей выкладывали в гостиной, чтобы убедиться, что они действительно мертвы, прежде чем хоронить их, и люди отрезали куски от окровавленного фрака президента на память. К тому времени, когда тело Линкольна достигло Нью-Йорка, после долгих путешествий на его родину, в Иллинойс, лицо начало деформироваться, но все, что можно было тогда сделать, это смахнуть пыль, а Мэри Линкольн просто лежала наверху, в своей спальне в Белом доме, в полной изоляции, тогда как люди, которым разрешалось посещать резиденцию в те дни, лишь отрезали куски от ковра и занавесок, которые она купила для комнат внизу, хотя именно ее обвинили в конечном итоге в мародерстве. Однако то, что такие артефакты скорби, такие сувениры несчастья, все еще

могут завораживать людей, было очевидно, когда я обходил зал, подростки хихикали, а чернокожий мужчина читал лекцию белой паре о рабстве, и азиатско-американский гид излагал не совсем точную информацию о Линкольне супружеской паре, пребывавшей в полном изумлении.

Еще больше было в доме через дорогу, куда Линкольна доставили смертельно раненого, — потому что врачи считали, что он не переживет поездку в карете в больницу по таким ухабистым улицам. Здание располагалось между двумя сувенирными магазинами, недалеко от гей-бара, который, как поведал мой домовладелец, предлагал бесплатные напитки по четвергам, если вы пришли без рубашки. Но гостиная и спальня на первом этаже этого доходного дома были тем более трогательными, потому что были маленькими и обшарпанными. В конце коридора находилась спальня, в которой президент возлежал по диагонали на кровати, для которой был слишком велик, в пансионе, все постояльцы которого в ту ночь отсутствовали, позволив истории кристаллизоваться в этой маленькой комнате, пока миссис Линкольн ходила туда-сюда между гостиной и спальней, поскольку, после того как она бросилась на тело своего мужа, ее сыну Роберту велели более не пускать ее внутрь.

Спальня, где умер Линкольн, походила на типичную комнатку студентов в университетских городках Среднего Запада:

комната в конце того, что когда-то могло быть фермерским домом, с неровным полом и окнами, выходящими на узкую заднюю веранду.
- Именно здесь он скончался, - сказал смотритель.
- А что сделала миссис Линкольн, когда он умер? - сразу же спросила женщина, стоящая рядом со мной.
- За ней прибыли, чтобы увезти обратно в Белый дом, и, выходя из того дома, она стенала: *О Боже, неужели я оставила своего мужа смерти!*
- Что же случилось с миссис Линкольн после того, как она вернулась в Белый дом? - снова спросила эта женщина.
- Она не вставала со своей постели больше месяца, - отвечал смотритель. - Легла в маленькой гостевой комнате, которую сама обустроила для Линкольна летом, потому что отказывалась заходить в любые комнаты на втором этаже Белого дома, связанные с прошлым, например, в спальню, где пребывал при смерти её сын Уилли, пока его родители давали вечеринку внизу, в Восточной зале. Она и так чувствовала себя достаточно виноватой: это же её амбиции, желания, чтобы муж стал президентом, она мечтала жить в этом доме.
На похоронах ее не было. Каждый удар молотков, когда в Восточной зале строили платформу для гроба её мужа, казался ей пистолетным выстрелом. Она оставалась наверху шесть недель, в то время как люди, — в том числе просто с улицы, и персонал

Белого дома — продолжали раскрадывать вещи, купленные ею, чтобы привести дом в порядок. К тому времени, когда она покинула это место, фарфор и хрусталь уже были в ломбардах Джорджтауна, японская чаша для пунша, используемая в качестве центрального украшения стола, ушла в салун в Балтиморе, — даже козы, которых любили Линкольн и ее сыновья, исчезли. Но после всего, как сказал рейнджер парка, миссис Линкольн обвинили в том, что это она ничего не оставила здесь. Она же уехала 23 мая с двадцатью сундуками и пятьюдесятью коробками. Когда уезжала, армия Потомака проходила парадным строем мимо генерала Гранта и президента Джонсона перед Белым домом. Почти сорок дней она оставалась в Белом доме после убийства мужа. Потом отправилась в Чикаго. В Чикаго она купила дом, но решила, что не может себе позволить в нем жить, поэтому переехала в пансион; и это определило ход всей её дальнейшей жизни, проведённой в отелях и пансионах, на курортах и гостиницах, пока она не умерла семнадцать лет спустя, в 1882 году, у своей сестры в Спрингфилде, штат Иллинойс, такая же бездомная, как и разного рода обитатели скамеек в парках этого города.

После этого монолога внезапно воцарилась тишина; затем женщина рядом сказала:

- Интересно, была ли она когда-нибудь снова счастлива?

Возможно, однажды во время поездки в Шотландию со своим сыном Тэдом, - ответил

смотритель; но в основном он так не думал.
- В основном она скиталась, переезжая с места на место. В конце концов, - заключил он, - она потеряла большую часть своей семьи. Потеряла одного сына в младенчестве, сына Уилли в Белом доме, сына Тэда после их возвращения из Европы. Затем единственный выживший сын, Роберт, считая сумасшедшей, отправил ее в психиатрическую лечебницу. Хотя, - сделал паузу смотритель, - больше напоминающую все-таки пансион для душевнобольных, - довольно милое местечко в пригороде Чикаго.
- Ни одно место не будет по душе, если твой сын идет на такое, — сказала женщина. - Что осталось в Вашингтоне, связанное с ней, что можно увидеть?
- Ее платье, - ответил гид, - выставлено в Музее американской истории.
- Спасибо, — сказала она, и мы вышли. В Вашингтоне существует необычная вещь, самый быстрый способ покинуть его, — смешаться с толпами туристов, постоянно курсирующими мимо памятников и музеев. Рассказывая какому-нибудь уставшему путешественнику, в поисках Белого дома или Верховного суда, а, возможно, встретив компанию из Нью-Гэмпшира, Айдахо или Флориды, вы мгновенно выходите из странного настроения, с которым живете в этом городе. Было приятно пройтись вместе с женщиной в брючном костюме клюквенного цвета с черной поясной сумкой из Сидар- Рапидс*, штат Айова.

* **Cedar Rapids**, население ок. 138 тыс. человек. Основан в 1838г.

Она только что отвезла свою дочь в колледж Франклина и Маршалла*. Муж ее умер прошлой осенью от меланомы. В Музее американской истории мы остановились в полутемном зале перед платьями первых леди.

Самым простым из них было белое платье с вертикальными черными линиями и маленькими вышитыми розами: платье, в котором Мэри Линкольн на фотопортрете Мэтью Брэди, где изображена в шиньоне** и повязкой на голове, расшитой розами же, со сложенным веером в руках, женщина, которая не была по-настоящему красива, но одевалась в полном соответствии с этим статусом, и чья легкая улыбка выражала ее старания с некой обнадеживающей проницательностью. Платье, как отметила моя спутница, очевидно, принадлежало женщине, любившей наряжаться.**

- Вот почему ее сын Роберт отправил ее в психиатрическую клинику, - добавил стоящий рядом с нами экскурсовод, — из-за ее иррациональных привычек в покупках.

(Действительно, я прочел ее письма модисткам и портнихам, в которых с поразительной точностью прописывались используемые ткани, ширина каймы, качество кружев.) К моменту ее смерти, - продолжал экскурсовод, - кровать, на которой она спала лишь на одной стороне, оставляя

* **Franklin & Marshall College** - частный гуманитарный университет в г. Ланкастер, шт. Пенсильвания. **Колледж Франклина** основан в 1787г., в 1853г. к нему присоединен **Колледж Маршалла**, основанный в 1836г.

** **Mathew Brady** (1822-1896) - один из самых знаменитых американских фотографов XIX века. Считается родоначальником журналистики.

*** женская причёска с использованием волос, собранных на затылке

другую покойному мужу, окружали шестьдесят четыре сундука, в которых находилось четыре тонны тканей и разнообразной одежды (ткани, потому что таможенные пошлины на нее были значительно меньше, чем на платья).
Я же подумал, что она была своего рода бездомной, ее жизнь разошлась надвое, как и жизнь этого города, — из-за войны, — как и жизнь всей страны, которая из аграрного общества до нее сразу шагнула в индустриальное, городское после.
Поблагодарив экскурсовода, мы вышли на аллею. Там моя спутница сообщила, что едет в Джорджию, пройти по Аппалачской тропе*; ее муж всегда мечтал об этом. Я, конечно, пожелал ей удачи.
- Спасибо, — отозвалась она. — Я, правда, не знаю, куда пойти сейчас, но просто хочу пройтись пешком. Мне тоже хотелось прогуляться, и я был благодарен за все те места, до которых можно было дойти пешком — на одной только Национальной аллее их было больше, чем можно обойти за день: Национальная галерея, галерея Фрира***, галерея Саклера****, Хиршхорна*****,**

* **Appalachian Trail** - пешеходный туристический маршрут в горной системе Аппалачи. Проходит через 14 штатов от горы Катадин (штат Мэн) на севере до горы Спрингер (штат Джорджия) на юге.
** **National Gallery of Art** - художественный музей. Открыт с 1941г. Основа экспозиций - коллекция финансиста Эндрю Меллона.
*** **Freer Gallery of Art** - основана промышленником из Детройта Чарльзом Лэнгом Фриром. Открыта с 1923г.
**** **Arthur M. Sackler Gallery** - музей специализируется на азиатском искусстве. Открыт с 1987г.
***** **Hirshhorn Museum and Sculpture Garden** - открыт с 1974 года на средства предпринимателя и мецената искусства Джозефа Хиршхорна.

Национальный архив, Музей американской истории, Музей естественной истории*. Неподалеку, в старом центре города, расположился Национальный музей строительства, где Клинтон давал свой инаугурационный бал, а также Национальный музей американского искусства, где Линкольн организовал свой. Город был вместилищем богатств, хотя чем больше я обозревал, тем яснее становилось, сколь многое не выставлено в залах. И лишь когда прогуливался однажды в компании историка по площади Лафайет, я узнал, что Генри Адамс жил в таунхаусе на северной ее стороне, в нескольких домах от того, который выстроил недалеко от угла Шестнадцатой улицы, где сейчас отель *Хей-Адамс*. В этот дом, спроектированный Х. Х. Ричардсоном*** его жена так и не переехала, потому что незадолго до завершения строительства утром ушла в свою комнату и, пока ее муж сидел внизу, читал, проглотила цианид. Другими словами, истории, связанные с определенными кварталами Вашингтона, были не слишком известны, если только вы не с кем-то, кто случайно знает, что Национальная галерея находится на месте железнодорожного вокзала, где был убит президент Гарфилд**

* **Smithsonian National Museum of Natural History** - включает более 146 миллионов образцов растений, животных, ископаемых, минералов, горных пород, метеоритов, а также культурных и археологических артефактов. Это крупнейшая в мире коллекция по естественной истории. Открыт с 1910г.
** 42 президент США
*** **H. H. Richardson** (1838-1886) - американский архитектор, один из главных представителей чикагской школы архитектуры и движения романского возрождения в Америке.

(второй президент, рядом со смертным одром которого Роберту Линкольну пришлось находиться как военному министру в то время), или что в здании напротив Казначейства Уолт Уитмен* работал клерком, или что на восточной стороне площади Лафайет жил Марк Ханна, *босс* Огайо. И, конечно, никаких мемориальных досок, никаких знаков, связанных с этими людьми или моментами американской истории. Помимо платья в Музее американской истории, связанных с Мэри Тодд Линкольн предметов и вещей, — как и любой другой женщины из президентской резиденции, было мало. Жемчужное ожерелье, несколько ее писем в Библиотеке Конгресса — вот все, что осталось; нигде не было ничего, что напоминало бы о том месте, где застрелили ее мужа (она никогда в жизни больше не заходила в театр Форда), ни о том доме, где он умер (*то ужасное место*, — говорила она). Несмотря на музеи и памятники, город Вашингтон был пустой оболочкой, своего рода военной казармой или правительственным зданием, используемым бесчисленным множеством людей, которые приходили и уходили, подобно резавшим занавески в Восточной комнате после убийства Линкольна на сувениры. Все жили настоящим. По всему**

* **Walt Whitman** (1819-1892) - американский поэт, публицист, новатор свободного стиха (верлибра). К концу жизни обрёл славу первого общенационального поэта США.

** **Mark Hanna** (1837-1904) - бизнесмен и политик, сенатор от шт. Огайо. Особо известен как руководитель президентской кампании У. Маккинли, 25 президента США.

городу, как я заметил из газеты, проходили бесплатные концерты и лекции, культурные мероприятия всевозможных и мыслимых видов. Музеи столь многочисленны, что можно было провести несколько дней на Национальной аллее, переходя из одного в другой. Однако делал я это один; Фрэнк не интересовался музеями.

- Музеи — это морги! — заявил он.

Конечно, музеи — это морги, гробницы, заполненные произведениями искусства. А мрачная атмосфера - часть их очарования — приглушенный свет, тишина, туристы, бродящие из зала в зал, словно призраки. Трудно было решить, какой музей больше отражал заявление Фрэнка — галерея Саклера, расположенная под землей, подобно пещере, в которой монгольские разбойники укрыли свои сокровища, или галерея Фрира, больше походившая на виллу богача, отбывшего за границу и там умершего. В Национальном архиве царил такой же холодный свет, как, например, в гробнице Наполеона, а в Национальной галерее, когда вступаешь в гулкую ротонду и проходишь ее темными мраморными колоннами, создается впечатление, что попал в чертоги Плутона. Все они словно извлекали из внешнего мира, а строго в пять выталкивали обратно, когда я уже совсем неспешно вышагивал по аллее, мимо служащих офисов, игравших в футбол на Эллипсе* и проносившихся по траве с раскрасневшимися лицами.

* **The Ellipse** (Южный президентский парк) - парк к югу от Белого дома.

- Вот что тебе нужно, — изрек Фрэнк, когда я зашел к нему вечером перед тем, как отправиться домой. - Эти не тусуются в Национальной галерее, они пробиваются через футбол, — как Кеннеди! Найди себе сообщество и займись чем-нибудь еще. После работы приятно заняться каким-нибудь спортом.

- Тогда почему ты сам вне этого? — спросил я.

- Потому что у меня нет сил. Я как Сэмми, — сказал он, указывая на потрепанную коробку у кровати, в которой обычно путешествовал его кот, с приклеенной скотчем табличкой: *Привет! Я Сэмми! Я люблю людей! Я очень стар и легко обезвоживаюсь, поэтому, пожалуйста, дайте мне немного воды!*

- Это подходит почти всем, кого я знаю, — ответил я, вставая и поворачиваясь к нему.

- Но вместо того, чтобы признать, — грустно произнес Фрэнк, — что как и Сэмми, — мы просто обезвожены и нуждаемся в воде, что делают люди? Пытаются казаться компетентными, успешными, самодостаточными! Хотя на самом деле мы ничем не лучше этого кота! Который, боюсь, скоро умрет, - он снял пиджак и галстук, облачившись в красный шелковый халат, в который переодевался, как только возвращался с работы, чтобы отстраниться от длительных дискуссий на заседаниях преподавательского состава, студенческих конференциях и занятиях. - Вот мой подход, — продолжил он немного изменившимся, повышенным голосом. -

Просите воды! Потому что всем нам нужно немного воды. *Немного любви!* А пока давай твою куртку, — эту маленькую нейлоновую штучку. Никто больше не носит пуховики! — пророкотал он, забирая куртку-бомбер из моей протянутой руки. - Возьми-ка это, — сказал он, подходя к шкафу. - Это моего лучшего друга Ханса, который умер два года назад. Я хочу, чтобы оно было у тебя. В Нью-Йорке можно носить что угодно. В Вашингтоне дресс-код значительно строже — ты либо выглядишь как бездомный алкаш, либо как государственный секретарь. Середины нет! И ради Бога, выпрями плечи. Как твоя мать, я не устану повторять о важности осанки!

По дороге домой, с расправленными плечами, в просторном синем пальто, я буквально чувствовал, что моя мать и обращалась ко мне, — кому еще важна твоя осанка? Впервые я сливался с толпой: я принадлежал Вашингтону, был одним из многих, наполнявших Коннектикут-авеню в шесть часов вечера, мужчин в пальто с портфелями , возвращающихся домой из офиса после долгого дня или только что прибывших на такси в отель *Мэйфлауэр*, посыльные забирали их багаж, а я продолжал идти мимо витрин универмага *Filene's, заполненных одеждой, свитерами и золотыми часами, затем мимо индийского ресторана, и наконец, близ самых окраин Дюпон-Серкл, а затем, срезав путь**

* американская сеть универмагов, основанная в 1881 году Уильямом Филеном. С 2005г. **Macy's**.

через Нью-Гэмпшир-авеню, вышел на улицу Н. Мой домовладелец был из тех, кто каждый день выходит из дома, набросив плащ или пальто, в начищенных до блеска ботинках и не возвращается до вечера. После работы он из офиса отправлялся в спортзал. А там, как он утверждал, теперь все захватили чернокожие, — гей-спортзал переехал, — и не очень дружелюбные; но он оставался, из-за размеров оплаты, очень низких. После этих активностей он часто выбирался ужинать с друзьями; поэтому возвращался, почти всегда, в кромешной темноте. Но потом уже не уходил никуда. В полуквартале от дома работали четыре бара, но он никогда туда не ходил. Один был безраздельным владением хастлеров, как говорил он, которые скорее перережут тебе горло, чем посмотрят на тебя; другие же напоминали ему о жизни, которую он вел много лет назад и которая теперь его совсем не интересовала.

- Раньше я часами оставался в *Омеге, — говорил он, — а теперь даже войти не могу. Не знаю, как люди это делают...**

Казалось, все то же относилось ко всему городу. Каждый раз, когда я предлагал куда-нибудь сходить, он говорил, что пусть мне даже в голову не придет идти пешком, - ограбят, а если я вообще захочу куда-нибудь поехать, - этот район города очень опасен, Вашингтон — столица убийств в стране, здесь полно людей, которые не могут

* **Omega** (с 1997г.) - популярный гей-клуб. Открылся в 1976г. под названием *Fraternity House* в районе Дюпон-Сёркл, проработав до 2012г.

контролировать свои эмоции, повторял он. Дома он обычно разговаривал по телефону; даже когда ничего не слышно было за закрытыми дверями его кабинета, я старался не шуметь, поднимаясь по лестнице. Когда я поднимался на крыльцо и видел его за обеденным столом, разбирающего почту, то, если он меня не видел, инстинктивно разворачивался и спускался обратно. Иногда разворачивался и возвращался на площадь, где занимал первую попавшуюся на скамейку. Однако, когда он пребывал в своем кабинете, при закрытых дверях, я мог приходить и уходить; и вскоре его расписание стало понятным для меня: уходит около восьми тридцати, возвращается с работы или из спортзала около восьми же, но вечера, выгуливает собаку. Затем наполняет поднос ужином — из того большого количества куриных частей, сваренных впрок, хранившихся в холодильнике (*Вот что выходит из всех моих ухищрений!* — сказал он однажды, открывая дверцу), поднимается наверх, смотрит телевизор, а затем через лестничную площадку проходит в кабинет, чтобы перезвонить людям, оставившим сообщения в течение дня, и поработать с бухгалтерскими книгами, в которых ведет учет всех покупок и продаж в своем магазине. Голос за дверью его кабинета — громкий, бодрый, смеющийся — угнетал меня, когда я его слышал. Так как напоминал мне, что у него есть друзья, с которыми он видится, когда хочет, что в его жизни есть

и другие люди, помимо меня. Я же проводил большую часть своих дней в одиночестве. И эти его возвращения домой после рабочего дня были одновременно и неожиданностью, и удовольствием. Примерно в восемь часов я обычно лежал на кровати, прочитывая работы студентов, когда слышал, как он входит внизу, поднимается в свой кабинет, приветствует собаку, которую держал там весь день.

- Привет, Бисквит, как дела? — говорит он одновременно восторженным и нежным голосом. (Что часто заставляло меня задуматься, не стоит ли мне тоже спуститься вниз, за подобным приветствием.)

Затем ведет собаку на прогулку. Потом они возвращаются. Поднос и телешоу в продолжение. У него ведь дом, у него друзья, *Уилл и Грейс, — но на этом все. В пятьдесят пять лет, как я и подозревал, с ним перестало что-то происходить. С ним больше ничего не происходило. Или, скорее: все, что происходило, уже происходило когда-то раньше, — много-много раз. Другими словами, мой домовладелец, как и большинство из нас, выработал набор привычек — рутину, составлявшую основу его дня, распорядок своего рода, что заканчивалось, когда он убеждался, что двойные двери его кабинета закрыты, садился за стол сверять счета, работая уже на себя, а не на правительство. Должно быть, ему**

* Will & Grace - популярный гей-сериал. Транслировался с 1998 по 2006гг., а затем с 2017 по 2020гг.

каким-то образом доставляло удовольствие перечитывать эти цифры. Он напоминал мне старую Америку, никогда не менявшую своих ценностей: бережливости, чистоты и порядка; единственное отличие заключалось в том, что он был гомосексуалом, и поэтому вел жизнь, отличную от той, которая от него ожидалась. Однако гомосексуальная сторона теперь была неактивна. Теперь он был своего рода почетным гомосексуалом. Секс остался в прошлом.

Как человек, сплавлявшийся по бурным рекам, но наконец нашедший бухту, тихую заводь и остановившийся там, чтобы перевести дыхание, — он через некоторое время осознал, что это не просто остановка, а место, где оказался выброшенным на песок под солнцем, измученным, больше не в силах снова вернуться в ту холодную и бурную реку.

Однажды в субботу я обедал внизу, раздумывая о том, как кормили мою мать, когда у нее, должно быть, не было ни малейшего аппетита, когда вдруг взглянул в окно и увидел домовладельца на улице, пытающегося выгружать комод из своего фургона. Я мгновенно выскочил на улицу, чтобы помочь.

- Нет, нет, не стоит, все в порядке, — заверил меня он; но потом, через несколько мгновений, кряхтя и отдуваясь, когда мы, запыхавшись, поднимались по лестнице со шкафом, заметил:

- Это очень мило, конечно.

Здесь я разглядел, что лестничная площадка уже была заставлена мебелью, которую он притащил до того — стульями, лампами, канделябрами, картинами, которые, по его словам, он только что купил на распродаже имущества на Нью-Гэмпшир-авеню.
- Каждую субботу находишь какие-нибудь сокровища, — воскликнул он с детским восторгом в голосе, когда мы остановились на площадке перевести дух. - По всему Северо-Западу проходят распродажи, вещи, которые, как кто-то решил, больше не отражают его нынешнее настроение! Геи такие непостоянные! — засмеялся он. - Они меняют обстановку чаще, чем спортзал! И знаешь, я очень это ценю, — сказал он. - Правда, очень приятно.
- Ничего особенного, — ответил я, когда мы вернулись за каким-то еще сундуком.
На следующий день на лестнице я обнаружил конверт с моим именем и внутри — официальную открытку с самой вежливой благодарностью за помощь.
Но, казалось, ничего больше из помощи не требовалось, так что, я лежал у себя наверху, читая все те долгие, тихие утренние часы перед тем, как идти в колледж, слышал редкие звонки, вызывавшие бодрые раскаты приветствий из автоответчика голосом моего домовладельца. Я вообще много времени проводил в этом доме, а мои учебные обязанности были довольно лёгкими. По вторникам я читал лекции, по четвергам проводил консультации (никто не приходил),

по субботам иногда ходил туда же, чтобы воспользоваться копировальным аппаратом, когда никого не было, или просто чтобы создавать у домовладельца впечатление, что у меня дела. Но большую часть времени у меня не было реальной причины выходить из дома. Мой же домовладелец, напротив, отсутствовал каждый день. У него была насыщенная и активная жизнь, казалось, организованная с завидной эффективностью. Единственным элементом, похоже, исключенным из ее формул, была собака. Она проводила долгие утренние и дневные часы в одиночестве, в его кабинете за закрытыми дверями. Однажды, совершенно импульсивно, возвращаясь в свою комнату после обеда, я открыл двери и заглянул, чтобы посмотреть, как там она. Она лежала на выцветшем участке ковра, свернувшись калачиком за стулом у стены, — так привыкшая ко всему этому, что лишь подняла голову, чтобы посмотреть на меня своими печальными темными глазами, а затем снова опустила мордочку на лапы со скорбным выражением, вновь принимая позу бесконечной покорности. Не желая вмешиваться, я вышел из комнаты и закрыл двери. В конце концов, она была не моей, — я заботился когда-то и о ком-то из моих, но эта собака принадлежала все-таки домовладельцу.

И всё же меня удивляло, как собака могла лежать там весь день — как проводила часы — какое у неё представление о времени, если оно вообще было, угнетало ли её

одиночество, или же для собаки всё было просто явлениями, которые не оценивались, без всякого контекста, без прошлого и будущего. На следующий день, посреди ещё одного тихого послеполуденного часа, лежа и читая на кровати, я снова подумал о ней — спустился, открыл двери и на этот раз оставил их открытыми. Поднимаясь обратно наверх, я ждал, что она последует за мной, но нет. Затем, когда я вернулся, чтобы закрыть двери, собака даже не подняла голову посмотреть.

Собака, как мне однажды пришло в голову, была чем-то похожа на миссис Линкольн, застрявшую в глубинах верхних этажей отелей, где номера дешевле. Возможно, именно это ее письмо (*Мне очень хочется* тишины, дома, чтобы *там* оставаться и больше не скитаться... Меня угнетает то, что в *этой* стране, за которую была принесена в жертву драгоценная жизнь моего любимого мужа, я не могу в своей тоске укрыться под собственной крышей...) заставило меня размышлять о собаке, которая тоже оставалась совсем одна, у которой было слишком много свободного времени, которое нужно было чем-то заполнять этими зимними вечерами. *Конечно*, подумал я, *собака поймет связь между открытыми дверями и свободой*. Но она не поняла. Она оставалась там, где была, на своем куске ворсистого ковра, пожелтевшего от времени и пользования. Однако всякий раз, когда я приходил к ней в гости, я задерживался в кабинете надолго,

чтобы осмотреться. Здесь было два высоких окна, книжные полки, глубокие кресла, красивый письменный стол из вишневого дерева и небольшой столик, на котором помещался маленький пластиковый радиоприемник, откуда очень тихо звучала музыка, чтобы, как я предположил, составить компанию собаке, подобно телевизору, оставленному работниками дома престарелых включенным в комнате пациента, которого в остальном игнорируют. Кабинет был настоящей кладовой книг — исторических трудов, путеводителей, детективов, романов. Исторические в основном об Америке: Генри Адамс, мемуары Гранта*, биографии Линкольна, *День, когда был застрелен Кеннеди*. Одну стену заполняли фотографии в рамках: люди, пожимающие руку моему домовладельцу, он же на прогулках и пикниках, в храме майя в джунглях, на острове посреди бирюзового моря. *Настоящая американская жизнь*, — подумал я, — *включая путешествия*. На столе расставлены фото членов семьи. На одной полке книжного шкафа только альбомы — фотографии домовладельца на гей-параде, на пляже, на площади в Риме. Однажды, просматривая фотографии моего домовладельца в молодости, я заметил, что собака встала. Медленно подошла к моим ногам, остановилась, посмотрела на меня, словно спрашивая о чем-то. Затем вернулась на свой маленький потрепанный пожелтевший**

* **Улисс С. Грант**, 18 президент США.
** **Jim Bishop** *Day Kennedy Was Shot (1984)*

коврик и легла.
На следующий день она поднялась, когда я только вошел в кабинет, будто ждала меня; затем вышла за мной на лестничную площадку и, наконец, спустилась вниз. На лестничной площадке замерла, остановившись, чтобы посмотреть вниз на дом, который так редко видела в это время суток. Затем начала спускаться по лестнице, с трудом, осторожно, останавливаясь, чтобы посмотреть вниз, и немного *оттаяв* только тогда, когда ее когти наконец коснулись золотистого дерева пола первого этажа, как будто этот звук убедил ее в реальности происходящего. В тот день и во все последующие я давал ей возможность побегать по дому, — хотя, когда открывал двери в сад, думая, что это даст ей наибольшую свободу, она удивляла меня, останавливаясь у двери и поглядывая наружу — будто даже не могла понять, что вообще происходит. У нее не было никакого желания выходить на улицу.
Она разворачивалась и возвращалась в гостиную. Больше всего ей, похоже, нравилось то же, что и мне: сидеть на спинке дивана внизу и наблюдать за проходящими по улице людьми.
Кто-то всегда шел мимо, но как бы то ни было, она никогда не лаяла. Тихая собака — маленький, изящный, умный на вид зверек, выведенный в Африке, как говорил мой домовладелец, для ловли крыс. Казалось, она была так же заворожена проходящими мимо людьми, как и я, включая потрепанного,

обветренного мужчину в клетчатой куртке, собирающего палые листья один за другим в свои карманы — ветерана Вьетнамской войны, нанятого жителями квартала для поддержания порядка, и, по словам моего домовладельца, *пребывающего не совсем в себе*. Он ни разу не посмотрел на дом.

Когда мы не сидели на диване, наблюдая за улицей, мы с собакой играли в игру, которую я случайно запустил однажды, наклонившись перед ней: в тот же миг она тоже наклонилась, опустила грудь к полу и вытянула лапы так, что ее задние распрямились, как в позе йоги *Собака мордой вниз*, — а затем, когда я отступил назад, она начала кружиться, как *вращающиеся дервиши. Наконец, гавкнула и с лаем побежала за мной. Затем, после этого всплеска активности, мы возвращались к дивану у окна, где она устраивалась лежа на животе, неподвижная и изящная, как египетская статуэтка, и наблюдала за улицей, пока не темнело, что означало возвращение домовладельца, — после чего я отводил ее обратно наверх, возвращая в темный кабинет, закрывая двери.**

В комнате напротив я узнал, что читает мой арендодатель перед сном. Иногда - серьезную книгу — о глобальных демографических проблемах, распространении ядерного оружия, проблемах Ближнего Востока, — а иногда просто детектив. Как-то странно, что двери

* **мевлеви** - учение, в основе которого откровения персидского поэта и мистика Джалаладдина Руми. Ритуалы сопровождаются музыкой и кружащимся, вращающимся танцем.

спальни никогда не закрывались днем: в комнате, которую большинство людей держат приватной. Декор, который казался ультра передовым в семидесятые (хром, стекло, серые стены и ковер), теперь выглядел, невероятно (поскольку мы всегда представляем себе вкусы нашей эпохи классическими), устаревшим. Темно-серое одеяло, покрывало на низкой кровати, аккуратно прикрывает подушки в серых, в мелкую крапинку наволочках, кубообразный столик рядом с кроватью под регулируемой лампой для чтения с лежащей на нем книгой, — все предельно аккуратно, почти аскетично; На другом конце комнаты нечто более гедонистическое: джакузи с зеркальными стенами и кучей бутылок с серебряными крышками, ваза с одиноким гладиолусом (цветок семидесятых), а на стене — несколько фотографий в серебряных же рамках, на которых карнизы зданий, разнообразно освещенных солнцем.

Все это было шикарно тридцать лет назад, но теперь оно было просто семидесятыми. И все же это, должно быть, отражало его представления о городской изысканности.

- Что за люди живут там, где ты рос? — спросил я его однажды вечером, когда каждый из нас готовил себе ужин.

- Злые и глупые! — тотчас ответил он.

В его городе, объяснил он, был баптистский колледж, который он и окончил, прежде чем приехать в Вашингтон на стажировку; там все были гомофобами. Как и многие геи,

рассказывал он, в Вашингтон он приехал по той же причине, по которой сюда стекались рабы после Гражданской войны.
- Федеральное правительство! — заключил он.
И вот он, стажёр, работает в офисе, из которого открывается вид прямо на офисы другого здания, точно такого же, как это, где можно разглядеть людей, сидящих за столами и читающих газеты.
Поэтому он сразу же спросил своего начальника, чем они там занимаются, а тот ответил:
- Получают зарплату.
Конечно, это было то, чем именно он и хотел заниматься, что и заявил своему начальнику. Так у него появился офис без окон. Затем он, естественно, захотел узнать, как сделать так, чтобы в офисе было окно, и начальник ответил:
- Нужно выучиться в юридической школе.
И он пошел в юридическую школу.
- Теперь я получаю зарплату в офисе с окном, — точно так же, как те люди, которых я тогда видел, — улыбнулся он. - Не представить, насколько это всё глупо. Но меня не могут уволить. Всё правительство, знаете ли, держится на геях и евреях.
Он, казалось, относился ко всему, чем занимался, с лёгкостью — пока, когда я стал расспрашивать его, не признался, что работал в Министерстве труда над правилами, касающимися безопасности в угольных шахтах. Но хотя ему удалось сбежать из маленького городка, где все были злыми и глупыми,

устроившись правительственным юристом, что-то из прошлого он никак не мог забыть, видимо, потому что по-прежнему был очень чувствителен к осуждению гомосексуализма. Даже соседи его беспокоили. Когда дом в квартале сменил владельца, он, казалось, даже обрадовался, познав, что купили его стюард и его любовник-юрист, словно опасался, что район становится слишком уж гетеросексуальным.

Остальной мир представлял еще большую угрозу. Он всегда оставлял *The Washington Post* на обеденном столе, для меня, — и был настолько аккуратен, что, даже после его прочтения, она выглядела новой, хотя иногда какая-нибудь статья в газете могла так разозлить, что он вырывал ее и писал мне извинения на полях. Потом, когда приходил домой, он говорил мне, что там было о Джерри Фолвелле* или Пэте Робертсоне. Мой домовладелец, насколько я мог судить, как и многие геи определенного возраста, был довольно воздержан — из-за СПИДа, неспособности привлекать того, кого хотелось бы, или просто из-за снижения интереса. Но все еще злился на среду, в которой вырос. Несмотря на работу, жизнь в городе, дом, он все еще сохранял опасения, — как человек программы защиты свидетелей,**

* **Jerry Falwell** (1933-2007) - американский пастор и телепроповедник, общественный деятель.

** **Pat Robertson** (1930-2023) - американский религиозный и политический деятель ультраконсервативных взглядов, известный телевизионный проповедник.

полагающий, что даже в новом городе риски есть.
Он больше не занимался сексом, но еще больше злился, когда кто-то оспаривал его право на это. Однажды вечером он остановился на лестничной площадке, повернулся и сказал:
- Ты видел, что Фолвелл высказал сегодня в газете, эта жирная свинья? Говорит, что мы все будем гореть в аду. У его дочери есть друзья-геи, я знаю некоторых из них. Но он все еще возвещает нам Ад?
Да, мой домохозяин не выглядел как человек, который будет гореть в аду, что бы это ни значило; как и многие на северо-западе Вашингтона, он источал благопристойность среднего класса, - утром выходил из дома в черном пальто, с мобильным телефоном, при зонте и портфеле, один из легионов обитателей больших безликих офисных зданий в центре города. По выходным надевал брюки цвета хаки и выцветшие фланелевые рубашки, скрывавшие его увеличивающийся живот — усилия в спортзале с куда большей эффективностью саботировали привычки к арахисовому маслу прямо из банки.
Он любил искусство. Часто бывал на каких-нибудь культурных мероприятиях. У него был абонемент в Центр Кеннеди* и на постановки парочки репертуарных трупп, хотя большинство театров, которые он посещал, его разочаровывали, а пьеса о Южной Африке

* **Kennedy Center** - (Центр исполнительских искусств имени Джона Ф. Кеннеди) — расположен на берегу реки Потомак в Вашингтоне, недалеко от Мемориала Линкольна. Открыт в 1971г.

(*Остров* Атола Фугарда)*, в тот вечер, когда он вернулся домой, а я сидел в гостиной, всё ещё могла повергнуть его в шок:

- Это было невероятно, — восклицал он с изумлением, остановившись по пути наверх, — самое ужасное, что я когда-либо видел. Но зрители — все белые, конечно же, — устроили овацию стоя.

Театр, как и гомосексуальность, по-видимому, был чем-то, во что все еще хотелось верить, но что больше не приносило удовлетворения его первоначальной страсти; тем не менее, подобно Линкольнам, он ходил как минимум на один спектакль в неделю. На самом деле он хотел стать сценографом, декоратором сцены, но, по его словам, передумал в выпускном классе. Теперь единственной декорацией, над которой он работал, был его дом. Я спускался вниз и обнаруживал, что мебель с распродаж расставлена так, чтобы превратить гостиную в веранду в стиле Южных морей — вся из белого плетеного материала — или даже что-то из Прекрасной эпохи. Однажды утром, выйдя на лестничную площадку, я увидел сверкающую полосу синей ткани, выпущенную из рулона у слухового окна за окнами моей комнаты до пола двумя этажами ниже.**

* **Athol Fugard, John Kani, Winston Ntshona** *The Island (1973)* - драматическая пьеса эпохи апартеида , основанная на реальных событиях, сюжет которой разворачивается в неназванной тюрьме, явно созданной по образцу печально известной южноафриканской тюрьмы Роббен-Айленд , где Нельсон Мандела провел двадцать семь лет.

** **Belle Epoque** - период европейской истории конца XIX — начала XX веков (до Первой мировой войны). Считается временем мира и прогресса.

В том же духе он каждый вечер подсвечивал дом для прохожих, для той анонимной публики, которая зимним вечером заглядывает в окна и видит *Мальчика, вытаскивающего занозу* в узком луче света или более рассеянное свечение над зеркалом в стиле рококо, или вазу с тюльпанами на обеденном столе под маленьким бра. Иногда он восседал внизу на небольшом диване, поглаживая собаку на коленях, и наблюдал за проходящими мимо, словно драматург, изучающий свою публику. В другие вечера убегал, увидев меня на ступенях крыльца, и к тому времени, как я входил в дом, гостиная уже была пуста. Однажды я вошел и застал его на диване смеющимся.

- Ты не поверишь, что только что произошло, — проговорил он сквозь смех. - Я сидел здесь, глядя в окно, когда четверо потрясающих парней в кожаной одежде остановились на тротуаре и начали смотреть на меня, снизу вверх — прямо-таки пялиться. Я не мог поверить своим глазам. Потом, как раз когда я собирался уже пригласить их, Бисквит начала махать хвостом, и я понял, что смотрят они не на меня, а на мою собаку! Да, нелегко быть стареющей звездой, — продолжал посмеиваться он.

- Нелегко, конечно, жить, — сказал мне Фрэнк на следующий день, когда мы заняли лавочку на площади Дюпон-Серкл. - Давай посмотрим правде в глаза — как и все мы, твой арендодатель, я уверен, понятия не имеет, почему он до сих пор жив, — что

делали другие, чего не делал он? Это проблема твоего арендодателя, понимаешь?
- Что именно?
- Ну, он один из тысяч геев, переживших СПИД, только чтобы понять, что они совершенно одиноки и им не для чего жить, — ответил он.
- Я спросил его на днях, сколько друзей он потерял из-за СПИДа, — сказал я, — и знаешь, сколько?
- И?
- От трехсот до шестисот. Должно быть, это преувеличение.
- В его случае — нет, — тотчас парировал Фрэнк. — Ты просто не знаешь, каким был Вашингтон в восьмидесятые. Похороны, похороны, похороны! Я загорел дочерна одним летом, просто выстаивая на кладбище Рок-Крик. Это был кошмар. Я всегда думал, что восьмидесятые похожи на очень приятный званый ужин с друзьями, только некоторых из них уводили на расстрел, а от остальных ожидали, что они продолжат разговоры за столом.
- Но тогда весь город, должно быть, напоминает тебе о людях, которых здесь уже нет.
- Именно поэтому *ты* должен жить здесь, — у тебя нет воспоминаний. Нет прошлого. Здесь.
Он встал.
- Значит, он действительно потерял много друзей.
- Конечно.
- Но почему он... такой жизнерадостный?

- Жизнерадостный! Веселый? Он просто вежливый! - Фрэнк раскурил сигарету. - Боюсь, ты неправильно истолковываешь нашего общего друга, учитывая твои собственные довольно отчаянные желания и потребности! А как вам, в конце концов, живется, когда вы оба дома? — спросил он.
- Мы живём очень тихо, как два старых холостяка. Вот что самое приятное. Он работает в своём кабинете, просматривая бухгалтерию, а я лежу наверху и читаю письма миссис Линкольн.
- Не совсем, — хмыкнул Фрэнк. - Тебе действительно нужно спросить себя, почему ты так одержим этой женщиной.
- Знаешь, что было написано на внутренней стороне её обручального кольца?
- Что?
- *Любовь навеки*, — сказал я.
- Ах, — вырвалось у него. - Как мило. Интересно, смогу ли я уговорить Луга на такое же? Он хочет, чтобы мы заключили брак, понимаешь?
- Полная преданность одному человеку, — подытожил я.
- Мне, — сказал он.
- Верно, — подтвердил я.
- Но все равно остаешься ты. Ты пробовал быстрые свидания? Это когда тебя сажают в комнату с сорока другими мужчинами, и у каждого есть три минуты, чтобы вы обменялись вопросами? Конечно, это сопряжено с большим риском, — что никто не захочет с тобой встречаться. В этом-то и

твоя проблема, понимаешь?
- Что? — удивленно переспросил я.
- Ты хочешь, чтобы в тебе нуждались! Но твой арендодатель не в доме престарелых. Однако, ты мог бы помочь мне нанести кольд-крем, — проговорил он изменившимся голосом. - Или посидеть со мной немного, пока я не засну.
- Прекрати.
- Это значит «нет»?» — продолжал он, удерживая интонацию. - Я не удивлен. В твоем возрасте у тебя, наверное, есть дела поважнее. Я просто подумал, может быть, тебе захочется помочь. Подумал, может быть, ты даже, осмелюсь сказать, позаботишься обо мне. Но вижу, что это была иллюзия. О, смотри, — глухо воскликнул он, когда на площади показался, в обтягивающих синих джинсах и бейсболке, человек нашего возраста. - Еще один случай неподходящей из-за возраста одежды! Это одна из ошибок, которую твой домохозяин не совершает, в отличие от тех *придурков*, которые вынуждают думать, что это все - лишь задержка в развитии, — продекларировал он, когда тот мужчина нашего возраста прошел мимо, - как будто они все еще считают себя двадцатипятилетними. Нет, твой домохозяин очень хорошо одевается. Не пытается играть роль, для которой слишком стар.
Его, на мой взгляд, роль, открылась мне совершенно случайно, однажды в галерее Фрира, когда я внезапно увидел китайский свиток с изображением озера, окруженного

высокими заснеженными горами, и маленького домика, в котором, если присмотреться, были различимы две фигуры. Надпись рядом со свитком гласила: *В хмурый зимний день ученый сидит в элегантном павильоне, а коленопреклоненный слуга готовит горячий чай.* Это мой домовладелец, сразу подумал я, особенно когда он каждый вечер после работы закрывает двери своего кабинета. Казалось, у него все, что только можно пожелать, кроме одного — компаньона, — и проблема, как он сказал, когда мы однажды обсуждали этот вопрос, заключалась в том, что мужчины его возраста уже не испытывают влечения друг к другу:

- Они все ищут кого-то помоложе, — сказал он. — Совсем как обычные мужчины.

Вот так он и жил один, за исключением своего жильца, в доме, таком же тихом и спокойном, как павильон в зимнем пейзаже на китайском свитке.

- Он - *это* его дом, — объяснил я однажды, когда Фрэнк зашёл в гости, пока мы сидели внизу, ожидая, пока мой домовладелец наденет на собаку поводок и мы все вместе пойдём прогуляться на Дюпон-Серкл. - Посмотри вокруг, — Фрэнк огляделся, комментируя то одно, то другое, пока мой домохозяин не спустился с Бисквит. Хотя он яростно тянул поводок, удерживая её рядом, лишь только мы сели на скамейку на площади, она начала скулить при виде другой собаки, которую выгуливали в парке.

- Она никогда так не делает, — заметил мой

домовладелец. Протяжный звук был даже не лаем, а чем-то настолько полным тоски и несбывшихся желаний, что невозможность удовлетворить свою потребность к той, другой собаке, казалась действительно жестокой, с учетом поводка, прочного поводка в руке мужчины, который сам не более свободен в своих желаниях, чем она. Я невольно подумал, что, хотя из его горла не вырывалось бы ни звука, он просто мог сказать:
- Я хочу этого, - когда мимо проходил бы его типаж (коренастый, мускулистый, широкогрудый, темноволосый парень лет тридцати).
- Именно здесь у меня проходят собеседования с теми, кто откликается на мое объявление в разделе "Знакомства", — сказал мой арендодатель, кивая в сторону отеля на Девятнадцатой улице. - Там приятное, безликое лобби, откуда всегда можно быстро уйти, если нужно.
- Я сам пользовался этим лобби, — подключился Фрэнк, — по той же причине. Только я не опрашивал их — они опрашивали меня. И если вдруг удача сопутствовала, то сначала хороший коктейль, прежде чем мы поднимались наверх, если вы понимаете, о чем я.
В этот момент мимо нашей скамейки прошли несколько молодых парней.
- Хотя бы посмотрели, что ли.. — заметил мой домовладелец. - Не понимаю. Меня, что, птицы обгадили?

- Нет, — ответил Фрэнк, — но если бы на тебе была симпатичная шляпка-клоше* от *Lily Dache*, думаю, это могло бы привлечь их внимание.**

Домовладелец рассмеялся.

- В этом городе много симпатичных мужчин, — сказал он, — многие из них травмируют шеи, когда видят меня на улице, - так быстро отворачиваются. Например, парни с вечеринки, на которой я был вчера вечером — премиум-лист Вашингтона! Каждый красивее предыдущего. Некоторые из них даже заговорят с тобой, хотя, как только начнешь болтать, сразу слышишь, как включается счетчик. Они даже уделят несколько секунд, чтобы не думали, что они высокомерны, а потом это увлекательное тарифицируемое путешествие закончится!

- На бумаге он идеален, — сказал я Фрэнку, пока мы наблюдали, как мой домовладелец пробирается домой через стоящие в пробке машины. (Он никогда не задерживался надолго; казалось, будто его срочно зовет какое-то неотложное дело, хотя что именно, я не мог себе представить). - Он привлекательный, одет подобающе, владеет собственным домом, почти полностью оплаченным, плюс еще несколько объектов недвижимости, сдаваемых в аренду, у него хорошая работа, и он говорит, что хотел бы

* **cloche** - досл.*колокольчик*. Тип женской шляпки, особенно популярной в России в годы НЭПа, например.

** **Лили Даше** (1898-1989) - модистка, создававшая шляпы, ставшие частью индустрии моды и кино. Ее ассистентом был культовый американский дизайнер Рой Холстон.

кого-нибудь. Но он один! Что здесь не так?
- Скажи сам, — отозвался Фрэнк.
- Ну, я могу судить только по собственному опыту, — продолжил я, — но подозреваю, что случайные сексуальные связи ему сейчас не по силам. Потому что для мужчины, который думает о проблеме страхования на случай длительного пребывания в доме престарелых, в сексе не может быть ничего случайного. Размышляющего, кто же отвезет его в больницу, когда помощь понадобится? Удивляющегося тихими вечерами дома, почему он *здесь* один, и слышащего, кажется, голос: *Да потому что секс всю твою жизнь сопровождался негласной и взаимной гарантией полной отстраненности от любых эмоциональных или социальных привязанностей.*
Я конкретизирую: скольких вообще когда-либо могли по-настоящему интегрировать секс с остальной частью своей жизни? Теперь понятно, что больше интересует ведь не столько секс — сколько верность. Нежность! Интимность! Так что, именно потому он собирается разместить объявление в разделе *Знакомства*.

- КОГДА Я ДЕЛАЛ это десять лет назад, — сказал мой домовладелец, поднимая взгляд от планшета, на котором составлял объявление, когда я уже вернулся домой, — мне было сорок пять, и я получил почти сто откликов. Два года назад, в пятьдесят три, я получил восемь. Так что на этот раз я должен

получить... два, - он улыбнулся. - Но я все равно сделаю — и посмотрю, что это будет за парочка счастливчиков!
Вместо ответов от счастливчиков я следующие несколько недель оставлял на столе в прихожей лишь открытки от его друзей из Сиднея и Бангкока, Таормины и Рио-де-Жанейро, с завуалированными намеками (считываемыми моим опытным глазом *почтальона*) на их сексуальные отношения с местными жителями; мой домовладелец, вернувшись домой, забирал их со стола в прихожей, клал на поднос, поднимался наверх, чтобы поужинать в одиночестве. Этот *былой* гомосексуал был именно таким: хотя размещение объявления в газете, казалось, на первый взгляд, подразумевало наличие у него надежд, так как таковое (распространенное явление в семидесятых) скорее походило на жест ради самого жеста, поскольку большинство в наши дни все же пользуются компьютером.
По ночам за компьютером подспудная похоть, разочарования, обиды одиноких мужчин выплескивались в сообщениях на веб-сайтах, что выглядело как письма мисс Одинокие Сердца, или, точнее, непристойные граффити — требования настолько порнографичные, что их невозможно удовлетворить в этом мире (вероятно, в том и заключался смысл). В реальной жизни все сложнее. Однажды днем, когда я выходил из Национальной галереи, бородатый мужчина, поднимавшийся по ступенькам с фотоаппаратом через плечо,

устремил на меня взгляд — взгляд, которого я так ждал, что он поверг меня в ярость, и к тому времени, как я добрался до дома, где бурно выложил домовладельцу случившееся, оно стало больше походить на какой-то уличный инцидент, чем на что-то вообще приличное.

Но он меня прекрасно понял.

- А как реагировать? — ухмыльнулся он. — Остановиться, повернуться и спросить: *Ты в каком отеле?* Не думаю! Думаешь, кто-нибудь еще так делает? Будто прошлого и не было. Будто не все умерли!

Он заявил, что ему надоели бары, *мясные лавки и те, кто все еще ходят в секс-клубы, как и многое другое: грубость продавцов в аптеках, массажист, к которому перестал ходить, потому что тот вечно рассказывал о размерах пениса других своих клиентов, тщетность романов между людьми разного возраста, заблуждения белых, ищущих азиатских бойфрендов на двадцать лет моложе, конформизм и статусный снобизм геев в Вашингтоне, где на каждой вечеринке все, как правило, в одинаковых свитерах и обуви, и все ищут того, кто вообще не существует. И добавил, что злится, когда к нему не проявляют интереса, а когда проявляют, приходит в ярость.**

- Все в депрессии, — сказал он как-то однажды вечером. - Каждый день я узнаю, что ещё один мой друг принимает Паксил или**

* meat markets - места встреч для спонтанного секса

** **Paxil** - антидепрессант

Велбутрин*. Это буквально *Вторжение похитителей тел*! Что за страну мы создали? Затем, час спустя, он тихонько постучал по стене рядом с моей открытой дверью и сказал:**

- Извини, что беспокою тебя, но завтра вечером в шесть тридцать будет собрание квакеров неподалеку, которое, как говорят, очень хорошее место для знакомств. Хочешь пойти? Я заеду после работы и заберу тебя.

- О, только не собрание квакеров! — живо отреагировал Фрэнк, когда я по телефону рассказал ему, куда мы намеревались пойти. — Собрание квакеров - последнее прибежище, место, куда отправляешься, когда все остальные попытки терпят неудачу, кладбище надежд, грязная лавка старьевщика! Но иди, может быть, кого-нибудь и встретишь!

- ЛЕТИ, ЛЕТИ, ПОДОБНО ВЕТРУ! - продекламировал мой домовладелец, когда мы пробирались через поток машин на Дюпон-Серкл следующим вечером. Но едва ступили на противоположный тротуар, он вдруг остановился и сказал:

- На самом деле нет нужды спешить. Вероятно, вообще нет смысла сюда идти. Если это до сих пор не сработало, то вряд ли сработает сейчас.. Я имею в виду, после многих лет действительно следует прийти к выводу: что-то здесь просто не работает! Мы бьемся головой об стену. Но раньше это

* **Welbutrin** - антидепрессант психоактивного действия

** The Invasion of the Body Snatchers (1956) - научно-фантастический фильм ужасов, реж. Дон Сигел.

место было очень хорошим, если ты в поиске. *Место* оказалось джорджианским* особняком на Флорида-авеню; на входе нас проводили в небольшую приемную, где другие сидели, уставившись на свои ботинки, как в метро, пока дворецкий не подошел и не проводил нас к темной деревянной двери в длинную комнату с высокими потолками и палладианскими окнами в сад, окаймленный кустами рододендронов. Там не было ни креста, ни кафедры — ни пения, ни благовоний, ни церемонии. Все сидели тихо, ожидая, словно спутниковые антенны, сошествия Святого Духа, слушая, как дождь шумит в зарослях рододендронов. Здесь люди собрались в комнате — как у постели больного — в ожидании, когда Бог вдохновит их заговорить; подобно Мэри Линкольн, проводившей спиритические сеансы в Белом доме после смерти сына Уилли, а затем и после, когда она покинула Белый дом и потеряла мужа. Наконец, поднялся какой-то мужчина, затем женщина, затем еще один мужчина. Их устами, казалось говорил сам Вашингтон: вежливо, вдохновленно и интеллектуально.**

* *Georgian* - архитектурный стиль, доминировавший в Великобритании и колониях с 1714 по 1830 год, во время правления четырёх королей по имени Георг (Георг I, Георг II, Георг III, Георг IV). Вдохновлён классической архитектурой Древней Греции и Рима, а также идеями Возрождения.
** т.е из трёх проёмов: большого центрального, завершающегося полукруглой аркой, формирующей своеобразный антаблемент, и двух боковых малых проёмов, отделённых от центрального колонками или пилястрами. Такие окна - характерные составляющие *Палладианского* стиля, течения раннего классицизма, на основе идей итальянского архитектора Андреа Палладио (1508—1580), согласно античных традиций в архитектуре.

- Этот такой классный, — прошептал мой домовладелец, кивая в сторону парня в двух скамьях от нас. - Его любовник умер пару лет назад и оставил ему много денег, которые он потратил на путешествия и наркотики. Потом заболел и выглядел ужасно, но медицина вернула его к жизни, и теперь он снова великолепен!
- Ну, как дела? — спросил мой арендодатель у двух мужчин, державших за руки маленького ребенка, когда мы выходили. - Как поживаете?
- Не выспался, — ответил один.
- Но оно того стоило, — отозвался другой.
- Отлично, — воскликнул домовладелец. - Это действительно здорово! Удачи!
Затем, когда они завернули за угол, он понизил голос и сказал:
- Говорят, что дети из России не слишком устойчивы с точки зрения психики. Думаешь, все и заканчивается с усыновлением? Как-то странно все это.
Каждый раз, когда мы останавливались, чтобы поговорить с его знакомыми, он представлял меня, объясняя, что я буду жить с ним до 20 апреля — даты, которую мой арендодатель, казалось, запомнил наизусть, как комбинацию от замка в спортзале или дату платежей по ипотеке. И всякий раз я чувствовала своего рода упрек: будто все мои представления по поводу совместного проживания в одном доме сводились лишь к тому, что я буду там ограниченный и очень определенный срок.
-Ты знаешь так много людей! — сказал я,

когда мы шли обратно к дому.
- Раньше гораздо больше, — ответил он, поглаживая усы кончиками пальцев. - Но даже сейчас не угнаться. В таком городе все просто ходят туда-сюда, думая, что *кто-то*, кого они вдруг встретят, принесет им любовь, успех или связи. — Ну что ж, дружище, — повернулся ко мне он, когда мы дошли до угла, — не знаю, как ты, а я иду домой. Завтра у меня долгий день, я буду изучать поправку к закону о диаметре колес и размере осей грузовиков, которые горные инспекторы могут использовать под землей при проведении инспекционных осмотров. Действительно важные вещи, — заключил он, бросив взгляд через улицу на людей на площади Дюпон-Серкл.
На мгновение я подумал, что он предложит нам посидеть здесь, но, похоже, он решил лишить себя этого удовольствия, и, поскольку в одиночестве не было смысла, я ответил ему, что тоже иду домой. На самом деле, я бы сделал все, что он захочет. Сам факт возвращения с ним домой создавал ощущение близости — даже если, оказавшись там, мы расходились по разным этажам. Когда я лежал у себя наверху, мы были словно пауки одной паутины; я ощущал малейшие нюансы тишины, малейшие нюансы атмосферы. Было приятно читать в этом тихом доме, зная, что он находится этажом ниже. Первый месяц, когда он уезжал на выходные, я наслаждался уединением; теперь же, когда его не было, дом представал одиноким.

Однако даже когда он был дома, я заставлял себя уходить. Я был здесь, чтобы начать жизнь заново, а чтобы начать жизнь заново, нужно было выходить.
Незадолго до выхода, после того, как надел пальто, я смотрел на себя в зеркало — и иногда возвращался наверх из-за того, что видел. Но я должен был сделать это, прежде чем выходить, — будто, подобно зеркалу в сказке, все было ложным, и лишь отражение - истинным. *Бедняжка*, думал я, потом возвращался в свою комнату, снимал пальто и ложился; или так и падал на кровать, в одежде, раздумывая о том, что бы я делал, если бы вообще сюда не приходил. Я думал, что буду в собственном доме, в безопасности, подобно собаке в кабинете, где меня никто не увидит, и не нужно будет смотреть в зеркало перед выходом, потому что на улице никого не будет, когда я выйду, тем более что дома я всегда ждал наступления темноты, чтобы выйти на улицу. Именно это я и перенес сюда — потому что в том маленьком городке я выжидал темноту, чтобы выйти, — но и здесь я также дожидался ночи; потому что ночью меня никто не видит. Когда мой домовладелец возвращался домой вечером, мне не нужно было выходить. Что может быть лучше, чем просто читать в одной комнате или в одном доме с кем-то ночью? Чтение — одновременно и коллективное, и индивидуальное занятие. Зажженные лампы, тишина, мой домохозяин внизу, — все это делало меня счастливым: мы вдвоем,

казалось, составляли что-то вроде семьи; тот дом, который все ищут. По правде говоря, конечно, в такие моменты я еще острее осознавал свой статус квартиранта. Именно это чувство иногда заставляло меня одеваться и уходить на прогулку даже по вечерам, когда мой домовладелец был дома; хотя даже тогда, прежде чем уйти, мне нужно было знать, чем он занимается. Закрыты ли двери кабинета, когда я спускаюсь вниз, разговаривает ли он по телефону и смеется, или же он в своей спальне с закрытыми дверями на лестницу, смотрит телевизор или читает — это все нужно было выяснить. Внизу я даже раздумывал насчет света, который он оставлял включенным. Свет тоже был формой общения. Я анализировал это как подсказки о сущности наших отношений. Например, когда я возвращался с прогулки поздно вечером, дом всегда был освещен, поскольку он не знал, когда ложился спать, вернулся ли я; а я, не зная, ушел ли он, оставлял свет включенным, когда поднимался к себе. Возможность того, что кто-то из нас все еще вне дома, означала, что ни один же из нас не выключал свет, который иногда так и горел до утра, — что наводило на мысли о ночной социальной жизни, которой ни у кого из нас больше не было.

Эти маленькие любезности усиливали чувство близости. И всё-таки, когда я лежал наверху, наполовину читая, наполовину рассматривая комнату, столь приятно освещённую, некая тревога всегда портила

удовольствие от пребывания в этом уютном доме — потому что это был его дом, а не мой. Даже мой домовладелец предложил мне купить дом — как будто хотел, чтобы я поселился в Вашингтоне, где все в конце концов начинали говорить о недвижимости, и главное разделение между людьми, казалось, заключалось в том, собственность это или найм.

Мэри Линкольн, как я теперь знал, купила дом в Чикаго вскоре после убийства и некоторое время жила там, но исполнитель завещания Линкольна удерживал причитающиеся ей средства из наследства до такой степени, что она посчитала себя неспособной продолжать выплачивать залог; поэтому съехала и сняла другой дом. То, чем обернулось убийство для леди Макбет*, казалось, обернулось страстью к покупкам для Мэри Линкольн. Да, шопингом, и его оборотной стороной — страхом бедности. В этом отношении она была иррациональна.

- Трудно, — сказал ее сын Роберт, после того как отправил ее в клинику, — иметь дело с человеком, который в здравом уме во всех отношениях, кроме одного, — хотя лично я не мог решить, была ли это паранойя по поводу бедности или что-то более глубокое (например, ощущение, что нет смысла иметь собственный дом без мужа), что заставило ее так скоро после покупки отказаться от дома на Вест-Вашингтон-стрит. Затем последовал

* в трагедии **У. Шекспира** *Макбет* - жена главного персонажа, от чувства вины утратившая разум и покончившая с собой.

провал собрать деньги, продавая свои платья и украшения в Нью-Йорке; наконец, бегство и долгие странствия по Европе — об отчаянной безнадежности чего я вспомнил, когда Фрэнк однажды утром увлек меня просмотрами сдающихся квартир.

Любопытно, что Вашингтон — город, предназначенный для всей нации, — не может быть востребован ни одним отдельно взятым гражданином, многие из которых, тем не менее, считают его своим домом.

Фрэнк, похоже, действительно знал планировки половины всех тех домов, мимо которых мы проходили; не говоря уже о людях, которые там жили, и о том, какое место они занимали в структурированной ткани города, где все помешаны на статусе:

- Обрати внимание, например, как она одета, — заметил он, когда седовласая женщина в темных очках и серебристом шарфе вошла в здание на Скотт-Серкл. - Это же ясно показывает, что внутри. Я почти могу сказать, как выглядит двухкомнатная квартира, лишь только по тому, как женщина, которая там живет, драпирует шарф.

Я мог бы прямо сейчас отвести тебя на Коннектикут-авеню и показать женщин, живущих в одиночестве, при всех мыслимых уровнях гигиены и стиля! Моя мать жила на Коннектикут-авеню в шестидесятые годы, и после смерти отца мне приходилось ездить туда играть с ней в бридж каждую среду и субботу вечером. Она хотела, чтобы я переехал к ней, но я отказался. Я хотел

жить в Мирамаре*. Это по-испански, знаете ли, означает *вид на море* — хотя никакого моря там нет. Это Вашингтон, — заключил он, даже слишком гламурный для своего родного города: в темных очках, с растрепанными на ветру светлыми волосами. - Моя мать никогда не переехала бы в Мирамар, — сказал он, остановившись перед большим кирпичным зданием на Пятнадцатой улице. - Но это может быть именно то, что ты ищешь — квартира с электрической плитой, место для всякого рода интрижек!

Как мы узнали, войдя внутрь, в Мирамаре был список ожидания и анкета, которую нужно заполнить, с чем мне помог Фрэнк, пока мы не добрались до графы *Планы или цели в Вашингтоне*. Здесь мы оба остановились. Затем Фрэнк, повернувшись ко мне, сказал:

- Почему бы тебе не написать *Стареющий гомосексуал стремится заново выстроить жизнь*?

Вместо того мы оставили это поле пустым и передали анкету женщине за стойкой. Затем я вернулся в дом на Н-улице. Мне не терпелось раскрыть свой ноутбук, чтобы посмотреть, не пришло ли сообщение от афроамериканского дантиста, с которым я познакомился в чате. Он был очень конкретен в том, чего хотел; мне нужно было только прийти. Но мы всегда разговаривали так поздно, что я говорил, лучше подождать до завтра.

Одна из причин, почему я никогда не мог

* **Miramar** - исторический жилой комплекс на 15 улице. В 1970-е довольно криминальный район. Здание 1924г. постройки.

дойти к нему, заключалась только в том, что мой домовладелец жил этажом ниже — его уединение, казалось, дополняло мое. Теперь мы были словно семья: он, я и собака. Мне особенно нравилось, когда собака появлялась в дверях, забредая наверх из любопытства или от скуки; она казалась мне посланницей — отправленной узнать, как у меня дела. Однажды утром за завтраком я набрался смелости и спросил, почему собака взаперти в кабинете весь день.

- Потому что, когда меня нет, — ответил мой домохозяин, — она забирается на мебель и портит стулья своими большими, *предназначенными* для ловли крыс, когтями.

С одной стороны, подумал я, он был реалистом, и на этом все; с другой стороны, такое заключение для собаки казалось слишком высокой ценой благополучия мебели.

- Он держит все под строгим контролем, — заметил Фрэнк однажды вечером, когда мы сидели на площади Дюпон-Серкл. - Некоторые в этом преуспевают. Кто-то создает себе дом. Другие, — сказал он, оглядывая мужчин, развалившихся на скамейках вокруг нас, — обречены плыть по Реке Жизни, как ветви, отломанные от деревьев — вроде мусора и обломков в прибое, если ты понимаешь, о чем я.

Они, Фрэнк и мой домовладелец, оба хотели, чтобы я купил квартиру; хотя я лишь делал вид, что ищу. На самом деле просто гулял. Иногда по вечерам один лишь довольный смех моего домохозяина в кабинете заставлял меня

покинуть дом, даже если мне приходилось придумывать для себя задачу, например, посмотреть Белый дом. Пустое пространство на Лафайет-сквер ночью всегда успокаивало. В том и заключалось удовольствие от города после наступления темноты: он был пуст и безлюден. Большинство пребывали дома. Часто, возвращаясь с прогулок по Национальной аллее, когда пересекал площадь, а колокол епископальной церкви начинал гудеть, я чувствовал себя в другом столетии — тогда церковные колокола были более распространены — и пытался представить себе Генри Адамса, читающего в своей библиотеке на северной стороне площади, убежденного, что Соединенные Штаты рухнут в 1951 году, — и вся наглость строительства жилого здания напротив Белого дома становилась очевидной. Но представить его горе, стоя там, у отеля *Hay-Adams*, было невозможно, так же как невозможно общаться с мертвыми, стоя на кладбище. Большую часть времени я просто гулял. Некоторые маршруты за пару месяцев, стали настолько привычными, что я перестал замечать что-либо по пути. В конце концов, я пересекал площадь Лафайет-сквер так много раз, что перестал думать об Адамсе или о том, что Сьюард* жил на восточной стороне парка и его чуть не убили в ту же ночь, когда был застрелен Линкольн. Меня продолжала успокаивать безлюдность города после

* **William Henry Seward** (1801-1872) - государственный секретарь в период президентства А. Линкольна, в ночь покушения на которого было совершено покушение и на него.

наступления темноты. Город был идеален для скорби: подобно прогулкам по кладбищу. Ночью Национальная галерея выглядела огромным мавзолеем: вроде того храма, к которому держат путь лодочники *острова Мертвых Бёклина. По обе стороны от ее огромных бронзовых дверей торшеры создавали странный свет на гладком камне облицовки — тот бесцветный его вариант, который хочется назвать желтым или зеленым, но это не так, и который можно увидеть в Национальном архиве, который используется для того, чтобы предметы, на которые он падает, не разлагались — свет, сохраняющий документы и напоминающий о Подземном мире. Но никто этого не видел. Это выглядело как храм какого-то древнего города накануне битвы — города, рядом с которым тысячи солдат; хотя на самом деле единственным человеком поблизости был изредка выходивший на обход по гравийной дорожке одинокий морской пехотинец, широко раскрывающий глаза и вспотевший, несмотря на темноту.**

Однажды вечером звук моих собственных шагов на Национальной аллее заставил меня остановиться. Нет, не из-за физической усталости. Просто звук этих шагов — и тот факт, что это прогулки в никуда. В тот момент мне даже показалось, что если я сяду на поребрик, то больше не сдвинусь с места. Я был совершенно один — Капитолий сверкал белизной в ночи, а зубчатые крыши зданий

* легендарная живописная работа в шести вариантах (1880-1901) Арнольда Бёклина. Шестой ее вариант, совместный с сыном автора, Карло, с 2022г. находится в Государственном Эрмитаже, г. Санкт-Петербург, РФ.

Смитсоновского института прочерчивали грязно-серое небо. Физическая энергия — не единственное, что позволяет идти; должен быть и дух. Когда наконец вернулся домой, по пути наверх, к себе, я заметил собаку, лежащую рядом с моим домовладельцем на его кровати, единственное существо, которое теперь что-то для меня значило, хотя она посмотрела на меня сквозь открытые двери спальни с отсутствующим видом.

На следующее утро я зашел в кабинет, выпустил собаку, а затем вернулся в свою комнату, куда вскоре пришла и она, легла рядом со мной, пока я читал. В доме стало настолько тихо, что я отложил книгу, чтобы прислушаться к тишине, наблюдал за голубями на парапете высокой кирпичной стены за домом, и сразу позади нее - за краном, перемещающим строительные материалы с земли на десятый этаж стального каркаса еще одного отеля, строящегося в противоположном квартале. Затем, когда плющ перевернулся светло-зеленой изнанкой на ветру, я снова открыл книгу и прочитал еще одно письмо от женщины, считавшей, что любые попытки быть счастливой бессмысленны, поскольку ждала она лишь воссоединения со своим мужем и детьми в загробной жизни.

Подобно тому, как книги могут влиять на саму жизнь, письма миссис Линкольн стали для меня отправной точкой для всего, что я отмечал вокруг. Сейчас она в отеле во Франкфурте. ("Здесь останавливается вся знать, графы, герцоги и герцогини в

изобилии населяют этот дом, и на моем столе часто лежат их визитки. Однако, учитывая плохое здоровье и глубокий траур, я, конечно же, не принимаю приглашений на ужин и сохраняю молчание. Попп, самая очаровательная из всех портних, получающая множество заказов из Америки и отшивающая для королевской семьи Пруссии и всей знати, только что соорудила для меня несколько тяжелых траурных шелковых платьев, богато отделанных крепом. Самый *плотный* черный английский креп* здесь стоит всего 1,50 доллара за ярд, только представь! Когда-то я во времена войны платила даже десять долларов за ярд *такого*.") Сначала она, казалось, взволнована тем, что находится здесь. ("Мне очень нравится Франкфурт, истинный секрет, пожалуй, в том, что я наслаждаюсь покоем, которого мне не доставало в моей глубочайшей, душераздирающей скорби в моей родной стране!") Но вскоре в голосе ее стали заметны нотки тоски. ("Я нахожу, что здесь так же дорого, как и в Америке, и мои врачи настоятельно рекомендуют мне как можно скорее отправляться в Италию — по крайней мере, я рассчитываю выехать примерно 22 января и оставаться там до 1 апреля. *Этот* страшный, полный печали месяц я проведу здесь, по возвращении, в полной тишине.) Наконец, приходит облегчение от того, что ей удалось избежать критики американских**

* плотная, тяжелая, бархатистая на ощупь ткань
** 90см.

газет по поводу попытки продать свой гардероб, но ее восторг от пребывания в Европе, среди аристократов и знатоков моды, омрачен демонами, которых она привезла с собой: слезами от того, что она не может позволить себе отель или избежать взглядов окружающих, ее безутешным горем, в котором, облаченная (до конца жизни) в траур, она, казалось, оказалась как в ловушке. Чем дольше она задерживалась во Франкфурте, тем выше, дальше от парадного входа, меньше и дешевле становились ее комнаты, - к тому времени, когда ее подруга миссис Орн, богатая женщина из Филадельфии, изо всех сил пытавшаяся добиться пенсии для миссис Линкольн от Конгресса, — не нашла ее, она уже, казалось, обитала на чердаке. Напротив моей как раз располагалась комната, напоминавшая мне ту, где миссис Орн и нашла свою подругу, они провели вместе три дня, плача и стеная настолько громко, что гость из соседней комнаты постучал в дверь, чтобы попросить их замолчать. Эта свободная комната моим домовладельцем использовалась для хранения вещей, которые он закупал для своего магазина в горах: здесь было все — от головных уборов с перьями, манекенов до громоздких предметов мебели. Время от времени он поднимался по лестнице, чтобы осмотреть содержимое этого помещения; Однажды он продемонстрировал мне комод, принадлежавший дочери Гровера Кливленда*,

* **Grover Cleveland** (1837-1908) - 22 и 24-й президент США.

женщине, которая, по его словам, умерла в местном доме престарелых. В этой комнате с тесным потолком, видом вниз на улицу, было легко представить себе номер в отеле Франкфурта — тот самый номер, в котором миссис Линкольн в конце концов оказалась, потому что он был дешевле остальных и, несомненно, еще более неброским.

Иногда по вечерам я приходил домой с моих прогулок и заставал моего арендодателя за обеденным столом, все еще в пиджаке и при галстуке, читающего газету, пока размораживалась его куриная тарелка, и думал о столовой в отеле, где миссис Линкольн также ужинала в одиночестве, игнорируя взгляды других постояльцев и их шепот: *Миссис Линкольн, миссис Линкольн, миссис Линкольн*. Подобно письмам из Европы, настроение моего домовладельца, казалось, колебалось между импульсами душевной широты (*Я должен устроить вечеринку, пока ты здесь*) и желанием уединения. Меня удивило, сколько вечеров он проводил в одиночестве. После того, как истёк абонемент в театр, он почти не выходил из дома. Когда однажды вечером, по пути наверх, я остановился и сказал ему, что подумываю прогуляться до одного бара, и спросил, не хочет ли он пойти со мной, он вскинул голову и воскликнул:

- Боже, нет! Там же одни сутенеры и проститутки. В прошлом году там убили парня. Плюс, знаешь ли, новая вспышка сифилиса — об этом писали в газете.

Спасибо, но я остаюсь.
А я снова подумал о ней там, на верхнем этаже отеля, в номере в задней части здания, где наконец-то стало легче в одиночестве...
- Помни, это не наш город, это их город! - подытожил мой домохозяин.
Я не был уверен, имел ли он в виду расовый апартеид, о котором упоминал в ночь нашей встречи, или снобизм молодежи, проходившей мимо него, как мимо призрака; но мой домовладелец был так же насторожен по отношению к миру, как и миссис Линкольн. Он велел мне держаться подальше от Логан-Серкл*, еще совсем недавно квартала красных фонарей, или от *Eagle* и саун — рядом с этими местами избивали и убивали геев, — хотя, когда я упомянул об этом Фрэнку однажды вечером, тот лишь заметил:**
- О, это чушь. Там было плохо, когда Мэрион Бэрри* был у власти, но сейчас все прекрасно. На самом деле, это то же самое, что и вот этот район в семидесятые, когда люди начали приводить в порядок дома. Если бы я был двадцатитрехлетним геем, только что переехавшим в Вашингтон, я бы хотел жить именно там.**
Единственная причина, по которой мой арендодатель однажды выбрался туда со мной и Фрэнком, заключалась в том, чтобы

* **Logan Circle** - сквер и площадь с конной статуей Джона А. Логана, генерала северян и героя Гражданской войны США.
** **D.C. Eagle** - гей-бар любителей кожаной одежды. С 1971 по 2020гг.
*** **Marion Barry** (1936-2014) - чернокожий американский политик, мэр Вашингтона с 1979 по 1991гг.

посмотреть на магазин *Whole Foods, открывшийся к западу от Четырнадцатой улицы.**

Логан-Серкл действительно стал тем же, чем был район моего арендодателя много лет назад: местом, которое геи спасли от упадка. Я предположил, что это тоже стало частью изоляции моего арендодателя — странное ощущение, что он уже в стороне от жизни. Центр гей-жизни перемещался на восток, оставляя моего домовладельца и его дом в пережитках прошлого. Эти улицы совершили полный оборот: место, где миллионеры девятнадцатого века строили особняки, демонстрируя свое богатство, теперь, после десятилетий нищеты, снова напоминало район Бэк-Бэй в Бостоне на рубеже веков — изящная дуга особняков и таунхаусов вокруг парка.**

В Вашингтоне не было ничего приятнее, чем гулять по таким районам и домам, рассматривая как и где живут другие люди. Эти камины, люстры, сады, кварталы с густой чередой деревьев вдоль линий дорог и фасадов, особенно зимними ночами очень нравились даже моему домовладельцу. Странно было лишь то, что человек, владеющий одним из таких домов, все еще завидовал другим владельцам, хотя, подозреваю, больше всего

* Сеть супермаркетов органических продуктов. Основана в 1980г.

** **Back Bay** - исторический район Бостона. Застройка по большей части сохранена.

он завидовал, конечно, не только недвижимости.
- Фрэнку так повезло, что у него есть Луг, — сказал мой домовладелец однажды вечером, когда мы проходили мимо дома Фрэнка, и я взглянул на его окно, заметное высоко в деревьях.
Часто, когда мы вели непринужденные беседы на кухне, он задумчиво расспрашивал меня о Фрэнке и его парне — очевидно, эта пара была для него своего рода идеалом. Он знал парня Фрэнка много лет, всегда находил его привлекательным, говорил, что когда Луг жил по соседству, кто-нибудь запросто мог пойти к нему сразу из продуктового магазина, настолько тот был красив. Фрэнку потребовалось шесть лет, чтобы вообще заговорить с ним. Теперь они были вместе, - манящие звезды над безбрежным морем идеализма моего домовладельца.
По пути вниз по Четырнадцатой улице, мы остановились у стеклянных дверей секс-клуба, куда я ходил по четвергам (входная плата для мужчин от 35 лет и старше вполовину меньше).
- В прошлый раз, когда я здесь был, — сказал мой домовладелец, — я стоял внизу, в подвале, в луже слизи, и какой-то парень жевал мой сосок, когда словно бы услышал чей-то тихий голос: *После стольких смертей ты все еще этим занимаешься?*
Да, в том-то и вопрос, но я все еще ходил в клуб по четвергам, хотя бы для того, чтобы посмотреть на мужчин в полотенцах, так

искусно расположившихся (в совершенно порнографических позах) в маленьких кабинках, словно экспозиция картин в Национальной галерее. Я подозревал, что он не ходил в секс-клуб, потому что там его все еще достаточно часто узнавали; у меня же не было подобного ограничения. И все-таки, хотя я все еще заходил, у нас с домовладельцем было много общего: возраст, одиночество и мы пережили то, чего не пережили многие наши друзья. Это, несомненно, была как раз одна из причин, почему я просто бродил по коридорам, но никогда ни к кому не прикасался: присутствие умерших. Я продолжал ходить в клуб, но никогда не говорил об этом своему арендодателю. Затем однажды, просматривая альбомы с вырезками в его кабинете, я вдруг увидел фотографию человека, которого знал в Нью-Йорке, но который умер, моего друга из Вашингтона. На следующий вечер, когда мы с домохозяином пересеклись в столовой, я спросил, знал ли он того человека.

- Конечно! — сказал мой арендодатель. - Все знали Ника.

- Он был, — проговорил я. - Он был таким…

- Настоящим, — сказал мой домовладелец.

Это слово поразило меня; не только потому, что оно было столь уместным, но и потому, что, как и подозревал, это было единственное, чем мы с моим арендодателем не были, и не только потому, что я не говорил ему, что хожу в клуб на Четырнадцатой улице.

- Я до сих пор общаюсь с его матерью, — сказал он. - Она пришла ко мне, когда Ник умирал, я тогда работал в Управлении социального обеспечения. Она пришла ко мне, чтобы оформить Нику пособие. Помню, она ждала весь день, и наконец-то попала ко мне. Как только она назвала свое имя, я ответил:
- Я знаю вашего сына, и ее лицо озарилось.
- Вы знаете моего сына? — удивилась она. И так обрадовалась — она встретила друга в бюрократии. Я ей время от времени звоню, и мы ходим в кино. Она живет в Вестчестере, в огромном жилом комплексе по дороге в твой колледж. Ты, наверное, проходишь мимо, когда идешь на занятия. Кстати, как проходят занятия? — он был явно в своем обычно жизнерадостном настроении.
- Весьма своеобразно, — ответил я ему. Возвращаясь обратно, я чувствовал себя прилично вымотанным семинаром по литературе и СПИДу, так что все, чего мне хотелось, это добраться домой и лечь. Причина же была следующей: раз в неделю я сидел в аудитории за длинным столом, рассказывая о том, что для студентов - лишь историческое событие, изучаемое на семинаре, но ровно это же заставляло меня, вспоминать всех тех, кого уже нет в живых. И вот я, часто приходила мысль, сижу на семинаре в Вашингтоне, округ Колумбия, двадцать лет спустя, обсуждая как историческое событие то, что убило моих друзей.
Студенты смотрели на меня со своих мест,

и я предположил, в силу того, что я был старше, повидал многое в жизни, знал что-то, чего не знали они, — но часто, посреди зимнего дня, я наблюдал за тем, как шевелятся их губы, с таким сюрреалистическим чувством внутри, когда они обсуждали тексты авторов, которых уже нет на земле, что ловил себя на мысли: *интересно, когда они вновь поднимут взгляды и обнаружат, что их учитель тоже в общем-то умер.*

- Именно, — сказал мой домовладелец.

Их открытые, блестящие лица казались настолько далекими от реальных событий, что я задавался вопросом, зачем они вообще записались на этот курс. Некоторые включались в обсуждение с энтузиазмом, словоохотливостью, свойственной тому времени, когда все, что нужно делать, это распеваться, как птица на ветке, о прочитанном, пока папа оплачивает счета. Некоторые едва ли могли проронить хотя бы слово, — как мне казалось, им было неловко из-за гомосексуального содержания прочитанного, хотя никогда не знаешь причину скучающего, тягостного выражения на лице студента. У него могла просто сломаться машина, возникнуть проблема с компьютером, выгнал домовладелец, бросила девушка, - студенты вовлечены в свои собственные драмы. Но я предполагал, что это всё из-за учебного материала. Однако меня шокировала бесстрастная манера, с которой большинство студентов обсуждали

гомосексуальные истории, не моргнув и глазом. Гомосексуальность была связана с либеральными традициями просвещения и терпимости; теперь это стало общепринятой частью американской культуры — продолжающееся расширение свободы, включающее всё больше и больше групп, комплекс образования, который колледж предоставлял студентам из среднего класса, чтобы они могли успешно жить в условиях *многоообразия*, — хотя я никогда не переставал подозревать, что они лишь проявляют корректность. *Их истинные мысли связаны с отвращением*, всегда думалось мне по дороге домой в зимних сумерках. Я же стремился вернуться в свою комнату наверху в доме на Н-улице, к письмам женщины, ищущей излечения от болей в спине в спа-салоне.

- СПИД закончился, — сказал я студентам однажды. - По крайней мере, в этой стране, — у того времени был свой культурный момент, и он породил искусство, которое, вероятно, просуществует не дольше, чем агитпроп тридцатых годов. Он на короткое время сплотил нацию, но этот момент прошёл. Лекарства до сих пор нет, люди всё ещё умирают, и это всё ещё мешает сексу, но когда общественность узнала, что это не коснётся их, что это в основном болезнь геев, всё пошло своим чередом.

Лица вокруг отвечали мне непроницаемым выражением — я не знал, понимали ли они, что я иронизирую, или это понимал лишь

я сам. Пока я говорил, то разделился надвое: голос, исходящий из моих губ, и всё остальное моё *я*, наблюдающее за ними. Прямо напротив сидел симпатичный студент с густыми каштановыми волосами, ниспадавшими на лоб челкой. Его губы все более сжимались, а выражение лица становилось все холоднее, пока я не упомянул роман из семидесятых, отвергнутый в рецензии, где утверждалось, что его гомосексуальные персонажи мотивированы исключительно похотью.

- Да, а разве не так? - тотчас сказал он.

- Нет, — ответил я. - Каждый раз, когда они встречались, даже если казалось, что это связано с сексом, дело никогда не ограничивалось только им. Они искали Любовь. Возможно, они этого не осознавали или думали, что осознают, но в конце концов, именно это и было причиной, я так полагаю.

- Но тогда почему они были такими распутными?

- Они думали, что могут приобрести Любовь через секс!

- Но секс стал для них заражением СПИДом! — воскликнул он.

- Но они этого не знали, — сказал я. - Он распространялся, когда никто не знал о его существовании.

- Им стоило знать!

-Ну, это всё равно что сказать, что Линкольн шёл в театр Форда в ночь, когда его застрелили, зная, что так и будет, —

сказал я. - На самом деле он прекрасно понимал, что это может произойти. Но всё равно пошёл. И это случилось. Но и вынудило всех остальных разбираться с этим, — именно о том и рассказывает литература о СПИДе.
Студент посмотрел на меня ещё более холодно:
- Не понимаю, как можно сравнивать убийство Линкольна и СПИД, — проговорил он.
- В какой-то степени это были несчастные случаи, — ответил я. - С точки зрения пострадавшего — человека, не желавшего такой участи. Вот и всё.
- Линкольн только что спас Союз, — возмущался студент. - Люди же, умершие от СПИДа, лишь занимались сексом!
- Тогда давайте сравним СПИД, — парировал я, — с испанским гриппом, *испанкой*, убившей миллионы людей после Первой мировой войны.
- От секса гриппом не заразишься, — лишь заметил студент.
- А я всегда заражаюсь, — ответил мне Фрэнк, нанося бальзам для губ, когда мы вместе ехали обратно после занятий тем вечером. - Вот почему тебе следует сделать прививку от гриппа. Что касается его взглядов на СПИД — они меня нисколько не удивляют. Я сам задавал себе эти вопросы, и ты тоже. На самом деле, я высказал Лугу, что ему нужно сдать анализы, и я должен увидеть результаты — в письменном виде! Он был очень обижен. Но мне не до шуток, — хотя я все еще сомневаюсь, стоит ли вообще продолжать эти отношения, — сказал он,

повернувшись ко мне на светофоре. - Знаешь, что он подарил мне на день рождения на прошлой неделе? Геологическую хронологию Соединенных Штатов от *Time-Life! Он надевает вязаную шапку, когда ложится спать, независимо от того, жарко или нет. Плюс он встает каждое воскресное утро, пока я еще сплю, и идет в Музей естественной истории. Он восемь лет прослужил сержантом-инструктором в армии. Тунца ест прямо из банки. Читает путеводители, но никуда не ездит. Одержим Гражданской войной и рабством. Он делит людей на, собственно, людей, шимпанзе и собак.**

- Почему именно так? — спросил я.

- Ну, он говорит, что люди похожи на шимпанзе, потому что они сплетничают — ты знаешь, что сплетни, как теперь считают ученые, — это всего лишь человеческая версия ухода за собой, вычесывания вшей друг у друга, социального действия, которое нас сближает? — и потому что шимпанзе такие же непостоянные, эмоциональные, быстро свирипеют и обожают яркие, блестящие предметы, — да и вообще, они злобные. Что же касается собак, то дело в том, что некоторым людям для жизни необходима иерархия. Им нужен вожак, они живут стаями, становятся агрессивными в группах! Луг обожает психологию животных, — сказал он, когда мы свернули на Род-Айленд-авеню.

А Луг иногда ждал нас в квартире Фрэнка,

* американская компания, основанная в 1961 году как дочерняя структура издательской компании Time Inc. Название происходит от двух флагманских журналов **Time** и **Life**.

когда мы возвращались — сидел в кресле, читая один из многочисленных путеводителей. Он ни разу не поздоровался; как будто мы вообще никуда не выходили.

- Я решил, куда тебе следовало бы отправиться при случае, — сказал мне он, когда мы зашли к Фрэнку тем вечером. - Монголия, - и поднял на меня свои голубые глаза с тонкими веками. - Там есть яки. И масло яка. Можно подняться на высоту до пятнадцати тысяч футов, заночевать в хижине с видом на Эверест. Там не так много туристов, как в Тибете. И у меня есть для тебя ещё одно, — продолжал он. - Венесуэла. Полностью песчаное побережье, чередуется с покрытыми джунглями островами Лос-Рокес*. Эти странные плато, возвышаются над землей отвесными скалами и называются *тепуи*. У.Г. Хадсон написал *Зеленые особняки**** после того, как увидел *тепуи*.**

- Так почему же ты сам туда не поедешь? — спросил я.

- Потому что до сих пор мне не с кем было, — вздохнул Луг. — И я отказываюсь путешествовать один. И боюсь летать. Серьезно, на твоем месте я бы съездил в Венесуэлу. После того, как увидишь *тепуи*, можешь отправиться к водопаду Анхель.

* **Los Roques** - архипелаг в Карибском море в 160 км к северу от побережья страны. С 1972 года - Национальный парк.

** **W.H. Hudson** (1841-1922) - англо-аргентинский писатель, натуралист и орнитолог.

*** *Green Mansions: A Romance of the Tropical Forest/Зелёные особняки: Роман тропического леса (1904)* - повествование о путешественнике, побывавшем в джунглях Гайаны на юго-востоке Венесуэлы, и его встрече с лесной девушкой по имени Рима.

Затем - *льяно*, обширная травянистая равнина, приграничная территория с Бразилией. Эти места быстро меняются, — произнес он требовательно, — голосом сержанта, которым когда-то разговаривал со своими курсантами. — Туризм, массовый туризм, сейчас является отраслью номер один в мире. Тропические леса ежедневно уничтожаются беспринципными лесорубами и бедными фермерами, использующими подсечно-огневое земледелие, выращивая коку для жаждущих наркотиков американцев. Но всему скоро придет конец. Люди уничтожают планету — как саранча.
- Я думал, ты говорил, что они похожи на шимпанзе, — вмешался Фрэнк. — Или на собак.
- И на них тоже, — ответил он.
Позже, после того как мы вернулись с ужина, он снова поднял эту тему в квартире Фрэнка, собираясь уходить, взявшись за дверную ручку.
- Не забудь про Венесуэлу, — напутствовал он. — Ты можешь посетить озеро Маракайбо, мелководное внутреннее море, из которого там добывают большую часть их нефти. А еще *тепуи*, Каракас и водопад Анхель. Я бы сам хотел увидеть водопад Анхель.
- Ну, а почему нет? — спросил я.
- Потому что нужно работать! Я наемный работник, — сказал он, открывая дверь.
- Прежде чем уйти, не мог бы ты ответить на вопрос? — поспешно сказал я. - Ты думаешь, что гомосексуалами движет исключительно похоть?

- Нужно об этом подумать, — сказал он, переступая порог, и ушел.
Фрэнк вздохнул:
- Я задал ему тот же вопрос в воскресенье. И знаешь, что он ответил?
- Что?
Но лишь только он хотел сказать, дверь снова открылась.
- Это зависит от того, кто этот гомосексуал — шимпанзе, собака или человек, — ответил Луг. - Если человек, у него потребности выше, чем просто оргазм. И дверь вновь закрылась.
Фрэнк снова повернулся ко мне и сказал:
- В прошлое воскресенье он спросил меня, брошу ли я его когда-нибудь, а я высказался в том смысле, что, думаю, он, вероятно, скорее бросит меня, но он сказал, - никогда. Это, конечно, моя главная тревога — быть брошенным.
- Но ты не бросишь, — сказал я.
- Хотелось бы тебе верить, — вздохнул он, — потому что я ужасно боюсь. Я, должно быть, особенный — для одного человека. Иначе, честно говоря, не вижу смысла. Я чувствую себя так с тех пор, как умерла моя мать. Когда умирают родители, понимаешь, твоя аудитория исчезает. У тебя действительно нет никого, кому было бы дело до того, что ты вообще делаешь. Но думаю, кто-то должен заботиться о тебе, — кто-то, кому ты важен.
- Разве нельзя жить, зная, что ты кому-то был важен? — спросил я.
- Нет, нельзя жить прошлым. У тебя есть

только сегодняшний момент — хотя американцы почему-то, кажется, не способны жить настоящим. Я даже не думаю, что им нравится жизнь. А геи особенно не позволяют себе быть счастливыми. Геи постоянно наказывают себя.
- За что?
- За то, что геи! Иногда я смотрю на Луга, когда он лежит рядом со мной в постели, и думаю — как я его заполучил? Я же этого не заслуживаю, — он такой красивый.
- Мой домохозяин, конечно, согласился бы с тобой, — заметил я.
- Замечательно, — сказал Фрэнк. - Если твои друзья не хотят твоего парня, какой в том смысл? А теперь поцелуй маму на ночь, она устала.
И мы обменялись двумя представительными воздушными поцелуями, на расстоянии друг от друга, так как Фрэнк боялся микробов и даже носил с собой бутылочку дезинфицирующего средства, которым сразу же опрыскивал руки после ухода от кого-либо.
Когда вернулся домой, я сделал то, что часто делают люди, у которых не было секса, им требуется что-то сладкое, - в тишине и полумраке сел за обеденный стол и взялся за мороженое. Я все еще сидел и ел, когда, к моему удивлению, мой домовладелец спустился вниз в своем сине-белом халате и тапочках. Я рассказал ему, что сравнивал СПИД с убийством Линкольна, но безрезультатно, на семинаре, а он лишь спросил меня, читаю ли я еще письма миссис Линкольн.

Я ответил, что только что прочел письмо, которое она написала миссис Кекли (ее лучшей подруге в то время, швее и бывшей рабыне, которая отшивала ей платья) в поезде на Чикаго после провальной попытки продать свою одежду, - я взял книгу и открыл ее, чтобы прочесть вслух. Она путешествовала, уточнил я, как иногда делала после убийства, под вымышленным именем ("Я назвалась миссис Кларк; не обращайтесь *ни в каком ином виде*"). Газеты пестрели обвинениями в отношении нее за продажу одежды, и когда она наконец нашла место в переполненном поезде ("Я обнаружила, что после того, как вы меня оставили, я не могла продолжать ехать в том вагоне, где вы меня оставили, потому что все места были заняты; поэтому, будучи простой *миссис Кларк*, мне пришлось согласиться на менее удобный вагон"), она оказалась позади двух мужчин, которые, пока она сидела там, начали спорить о ее попытках продавать одежду. Один из них утверждал, что она сумасшедшая, другой возражал, что она не виновата, ей нужно продолжать жить, она многое пережила. ("Я и не виню ее за то, что она продает свою одежду, если хочет. Полагаю, *после продажи* она переведет вырученные деньги в облигации*, чтобы у нее были средства на похороны," - сказал первый. "Эта женщина еще не умерла," - с особой манерой ответил

* five-twenties (в оригинале) - облигации Соединенных Штатов (со ставкой 6%), выпущенные в 1862, 1864 и 1865 годах, подлежащие погашению через пять лет и выплате через двадцать лет.

ему второй).
А она затем прошла в вагон-ресторан, ее проводили к столу, "где за столом сидел очень элегантный джентльмен... Плотная черная вуаль скрывала мое лицо. Я села рядом - он напротив меня, я несколько слева от него. Я сразу почувствовала, что на меня смотрят. Я взглянула ему прямо в глаза, он ответил самым серьезным взглядом. Я отпила воды и сказала: «Мистер Самнер, это действительно вы?» Его лицо стало бледным, как скатерть... "Как странно, что вы едете в этом поезде, а я об этом не знаю! - произнес он.
- Как действительно странно, — пробормотал мой домовладелец.
- Учитывая, что это сенатор от Массачусетса, часто посещавший Белый дом, — уточнил я, оторвавшись от книги, — из ближайшего окружения миссис Линкольн, не видевший ее со дня убийства.. Конечно, встреча была столь болезненна, — на самом деле, миссис Линкольн притворилась, что ей нужно безотлагательно вернуться к больной подруге, чтобы сбежать от него. Но, вернемся к письму, - я продолжил читать миссис Линкольн: "Как только я смогла отойти от стола, я тотчас сделала это, со словами: «Мне нужна чашка чая для подруги, у которой болит голова». И едва я успела вернуться в вагон, как он вошел туда с чашкой чая, в его собственных аристократических руках».
- Его собственных аристократических руках,

— эхом отозвался мой домохозяин.
"Я была очень раздражена, увидев его, — прочитал я, — и он был так взволнован, что пролил половину чашки уже на мои, *элегантно облаченные в перчатки,* руки. *Он* выглядел очень грустным... В его глазах я увидела искренность, несмотря на вуаль, скрывавшую мое лицо. Боюсь, жалость ко мне как-то связана со всем этим. Я никогда не видела его таким обходительным и печальным... Какой злой дух овладел мной, чтобы уйти с этой чашкой чая и выпить ее? Когда он ушел, я, *по-женски* выбросила чашку чая в окно, опустила голову и залилась *горькими слезами*..." Я поднял глаза:
- Он был очень расстроен, что пролил чай, — сказал я, - и она разрыдалась после того, как он вышел из ее купе.
- Какая сцена из этого получилась бы для фильма! — воскликнул мой домовладелец. Он взглянул на сад за окном. - Почему никто не напишет оперу об этой женщине? Знаешь, что было написано на внутренней стороне её обручального кольца?
- Да, — ответил я.
- *Любовь навеки*, — сказал он.
- Её присутствие в мире после убийства было действительно странным, — сказал я. — Она была призраком, напоминанием о чём-то, что страна не хотела вспоминать. В глубине души она не знала, что ей делать, — продолжил я, когда мой домохозяин встал и начал расхаживать по комнате. - Казалось, она хотела и жить, и умереть. Казалось, она

одновременно ненавидела и любила внимание. Однажды, как я уже рассказывал, она возвращалась из Европы, когда корабль накренился, и она чуть было не упала с лестницы, но женщина рядом протянула руку, спасая ей жизнь в последний момент.
- Это была Сара Бернар*! — очень серьезно заметил мой домовладелец. - Которая сказала, что после того, как миссис Линкольн представилась, она задалась вопросом о необходимости своего вмешательства! Такова была та скорбь, которая, должно быть, исходила от неё. Наконец, он вспомнил, что корабль пришвартовался в Нью-Йорке, репортёры окружили Бернар и полностью проигнорировали миссис Линкольн; так она и стояла в тени, наблюдая за суматохой, пока Бернар и репортёры не ушли:
- *Колесо фортуны!* — подвел итог мой домовладелец. - Убийство погубило её — оно погубило всех, кто был в ложе театра в тот вечер — так или иначе.
- Настоящие катастрофы, ужасные несчастные случаи, всегда такие, — сказал я. - Они влияют не только на того, кто непосредственно пострадал, но и на окружающих. Когда случается какое-то ужасное несчастье, страдает не только жертва. Возникает цепная реакция. Все вокруг оказываются затронуты.
- Вот что случилось с ней, — медленно

* **Sarah Bernhardt** (1844-1923) - легендарная французская актриса и сценаристка.

проговорил он, остановившись перед стеклянными дверями и глядя во двор. - Когда Сара умерла, священник высказался так, что они с Линкольн были как две сосны, корни которых переплелись, — когда молния поразила одну, другая, казалось бы выжила, но, нет. Погибла. Вот почему слова Авраама Линкольна, в день смерти, столь печальны.
Они ехали в карете на военно-морскую верфь и начали разговор о том, что будут делать теперь, когда война окончилась, и тот сказал, что темные времена пережиты и нужно попытаться быть счастливыми сейчас.
- И получил пулю, — заключил домовладелец.
- И ее жизнь была окончена. Остальное же оставалось лишь ожиданием, — это ожидание, по ее словам, было действительно долгим.
Именно так чувствуют себя люди, когда умирают любимые, — сказал я. — Они лишь топчутся на месте. Жизнь закончилась.
Подобно Генри Адамсу — после того, как жена покончила с собой, а он продолжал жить. Путешествовал, переехал в дом, который они только что построили, писал книги. Но когда спустя годы его попросили выступить перед историческим обществом, он только взглянул в ответ и сказал:
- А разве вы не знали? Я ведь умер пятнадцать лет назад.
- *А разве вы не знали? Я ведь умер пятнадцать лет назад!* — повторил мой домохозяин.
- И все эти годы никому не разрешалось даже упоминать ее имя! Когда наконец кто-то это

сделал, — молодая женщина, которую наняли, чтобы она ухаживала за ним в конце его жизни, — он снова заметил:
- Дитя мое, ты нарушила безмолвие тридцати лет.
- *Ты нарушила безмолвие тридцати лет!*
- А потом, когда он умер, — продолжал я, — эта молодая женщина решила поискать инструкции на случай похорон, и что она обнаружила в ящике его стола? Капсулу с цианидом, аналогичную той, которую его жена использовала, чтобы покончить с собой! Кстати, мне следует посмотреть на тот памятник*, который Адамс воздвиг в её честь, авторства Сент-Годенса. Он часто бывал там с молодой женщиной, которая нарушала молчание, расспрашивая о его жене.**
- Памятник на кладбище Рок-Крик? Я бывал там неоднократно, — сказал мой домовладелец. - Элеонора Рузвельт приходила туда одна после того, как узнала, что у Франклина* любовница, вероятно, думала, что её мир рухнул?**
- Жизнь такая, да, — вздохнул я.

* **Adams Memorial** - представляет собой аллегорическую скульптуру из литой бронзы работы Огастеса Сент-Годенса (он называл работу *Тайна загробной жизни* и *Мир Божий, превосходящий всякое понимание*, но в газетах получивший название *Grief/Горе*).
Изображает драпированную фигуру у гранитного блока, занимающего одну сторону шестиугольной площади, спроектированной архитектором Стэнфордом Уайтом. Напротив - каменная скамья для посетителей. Все это окружено густым пологом хвойных деревьев.
** **Augustus Saint-Gaudens** (1848-1907) - американский скульптор поколения бозар (см. прим. стр. 34), воплотивший идеалы американского Возрождения (1876-1917гг.)
*** 32-й президент США.

- Да, это так, — поддержал он. - Вроде боксёрского поединка — выходишь на ринг, мечешься, уворачиваешься, тебя бьют, потом ещё, и ещё, - к тому времени, когда раунд заканчивается, думаю, большинство уже готовы сдаться. Но именно поэтому мы обязаны сделать жизнь как можно приятнее — несмотря ни на что! Мы обязаны жить настоящим — быть счастливыми сейчас!
- Обязательство, которое легче нарушить, чем соблюдать, - высказался по этому поводу Фрэнк. Хотя открытие в том, что мой домовладелец знает о миссис Линкольн даже больше, чем я, и глубоко ценит её, ещё больше укрепило нашу связь, а я продолжал каждый вечер ходить к Белому дому, выстаивая на площади Лафайет и возвращаясь домой по удивительно пустым улицам. При хорошей погоде Фрэнк звонил и просил встретиться на площади Дюпон-Серкл — у внутреннего круга скамеек, близ фонтана, хотя я предпочитал внешний, где чувствовал себя менее заметным, — и мы долго сидели там, наблюдая за людьми. (- Ты настолько стар, насколько старые твои волосы, — постоянно повторял Фрэнк. - Боюсь, это печальная правда.) Но мы не только наблюдали; часто к нам подходил кто-нибудь из друзей Фрэнка, чтобы поболтать.
- Приятно познакомиться, — говорил я, когда друзья уходили, а Фрэнк тотчас доставал из кармана маленькую бутылочку антибактериального лосьона, которым опрыскивал руки. (- В этом городе нужно

быть осторожным, понимаешь?)
Но по правде говоря, я обычно был слишком мрачен, чтобы долго сидеть и наблюдать бесконечное шествие людей. Только прогулки в одиночестве поднимали мне настроение. Самый длинный путь был до колледжа и обратно. Когда наше расписание совпадало, Фрэнк подвозил меня в одну или обе стороны, но в основном я ходил пешком. Днем приходилось идти при довольно оживленном движении, но когда я возвращался домой после лекций, все было только в моем распоряжении — подъем к Национальному собору*, затем вниз по Массачусетс-авеню к Шеридан-серкл, мимо площади перед ирландским посольством, где был убит чилийский дипломат Орландо Летелье**, вниз по Девятнадцатой улице до Н-улицы: продолжительное, неспешное сошествие вниз, в город. У входа в резиденцию вице-президента, — постоянно заблокированного припаркованной машиной, — индикатор, указывающий час, минуту, секунду и сотую долю секунды по Гринвичскому времени***. И очень протяженный участок его поместья, окаймленный елями, за ним - британское посольство, потом бразильское, японское, на

* **The Washington National Cathedral** - (**Кафедральный собор святых Петра и Павла**) — главный собор англиканской Епископальной (Протестантской) церкви США. Открыт в 1907г.
** **Orlando Letelier** (1932-1976) - чилийский экономист и дипломат, министр иностранных и внутренних дел в правительстве Сальвадора Альенде. Главный оппозиционер диктатору Аугусто Пиночету, который и отдал приказ о ликвидации Орландо.
*** **Number One Observatory Circle** - резиденция вице-президента США в Вашингтоне находится на территории Военно-Морской Обсерватории.

заднем дворе которого его сотрудники жгли документы после Перл-Харбора, Корея, Мексика, Кот-д'Ивуар, Египет, Ирландия, Греция и Люксембург, и вот, наконец, дом на Н-улице, закрытые двери кабинета моего домовладельца, окаймленные пробивающимся по кроям светом.

Как-то вечером я сказал Фрэнку, что приятно возвращаться в дом, где живешь не один.

Фрэнк согласился:

- Когда Нуреев вернулся в Россию, - поведал он, к нему подошла старушка и спросила:

- Где дом для тебя?

- Дом? Что такое дом? - ответил Нуреев.

- Там, где тебя ждут, - сказала *babushka.*

Фрэнк повернулся ко мне:

- Бах! Бам! Прямо в лицо! — воскликнул он.

- Вот уж *babushka* умеет сразу докопаться до сути!

Конечно, мой домовладелец не ждал меня, но он был там, за дверями своего кабинета, когда я поднимался по лестнице к себе. Мне показалось, этого даже почти достаточно. И вот, как-то утром, спустившись вниз, я обнаружил, что он оставил на обеденном столе местную гей-газету с объявлением, обведенным красным.

Веселый, общительный, лет пятидесяти с небольшим, — гласило объявление, — *считаюсь привлекательным, не курю, финансово обеспечен, старомоден, но чудаковат, люблю обсуждать политику и бродвейскую сцену, ищу ровесника или моложе с похожим чувством юмора, в районе Дюпон-Серкл.*

- Веселый! Общительный! Лет пятидесяти с небольшим! — отреагировал Фрэнк, когда я прочитал это вслух в машине по дороге на работу. - Пожалуйста! Стандартный шаблон для объявления о знакомстве: *Неистовая любительница больших размеров ищет большего, лучшего!* Именно подобного текста следует ждать от баптиста. А чего на самом деле хочет баптист? Антихриста! Но, конечно, он никак не может впустить такого человека в свой дом! Отсюда и объявление, — всего лишь жест, чтобы развеять его растущий страх, что он мог бы просто сидеть у окна со своей собакой и махать прохожим. О, прости, — произнес он, — но ведь ты так и делаешь.

- Как думаешь, ему повезет? - спросил я.

- Кто знает? — сказал Фрэнк. - Люди такие снобы! Я всегда пытаюсь свести своих одиноких друзей с совершенно привлекательными мужчинами, но как только я говорю им, кого именно имею в виду, они вскрикивают:

- Эта старушка? Да он старше меня!

Я думаю, замечательно, что он разместил объявление вообще.

Мой домохозяин встречался с откликнувшимися на его объявления в отеле на Девятнадцатой улице — в холле, где стулья у стеклянной стены казались настолько близко к тротуару, что сидящие там люди выглядели, как насекомые в террариуме. По вечерам, возвращаясь домой из колледжа, я видел, как он с судьбоносным видом слушает, а в кресле

напротив излагает свою точку зрения его собеседник, - словно два бизнесмена, ведут переговоры о сделках с нефтью и газом. Час спустя, уже дома, я слышал, как он возвращается и открывает холодильник, чтобы посидеть в темноте и погрызть немного куры. Однажды вечером я спросил у него, как прошло последнее собеседование. Он остановился по пути наверх:

- Там практически нужны ходунки! — ответил он.

В следующий раз:

- Все было в порядке, за исключением того, что он не одобряет Клинтонов, а я не собираюсь встречаться с республиканцем! - последовало сообщение.

И наконец, однажды ночью, остановившись на лестнице:

- А, знаешь, — сказал он усталым голосом. - Этот знал мою историю, а я знал его! - он рассмеялся и поднялся в свою комнату.

Однако двери кабинета больше не закрывались, пока мой домовладелец работал, — казалось, он смирился с моим присутствием — а я мог по пути наверх поболтать с ним об его попытках прямо в дверях.

- Очевидно, проблема в том, — как обычно вещал Фрэнк, закуривая сигарету, когда мы оба ехали на работу, - что он все еще ищет очередного красавчика, — но красавчики все от тридцать пяти здесь.

- Ах, да, — ухмыльнулся я.

- Но, как и все мы, он стареет. Клапан начинает деградировать! И знаешь, к чему

это приводит — к полной атрофии! Забвению и тьме!
Однажды утром я спустился вниз и, к своему удивлению, застал домохозяина все еще за обеденным столом в халате, с кругами под глазами и растрепанного.
- Я не сомкнул глаз прошлой ночью, — сказал он. - Вообще.
- Почему?
- Думал о родителях. Им обоим только что сделали операции на глазах, катаракта. Мама начала падать и все забывать, у отца шумы в сердце, и он начинает глохнуть. Вчера вечером по телефону я говорил о здании *Pan Am* в Нью-Йорке, а он подумал, что я о *Canned Ham. Думаю, возможно, придется перевезти их сюда, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Они будут рядом со мной, а я буду рядом с ними. Я им нужен. Я им нужен, — повторил он.**
Он встал, поставил стакан апельсинового сока у раковины, посмотрел в сад. Затем повернулся ко мне и сказал:
- Знаешь, ты многому научился, чему не научит гей-жизнь, заботясь о своей матери.
Он поднялся и пошел наверх. Однако, через несколько мгновений вдруг спустился, одетый в костюм, момент интимности испарился.
- Мне нужно в офис, — произнес он бодро.
- Но сегодня же воскресенье! — воскликнул я. - Знаю, — ответил он, — но завтра у меня дедлайн — этот раздел правил о том, какие размеры шин на грузовиках корпорация может

* банка с ветчиной дословно

использовать для проверки уровня воды в шахтах, понимаешь, имеет решающее значение для будущего Америки!
Затем он спросил меня, куда я намерен пойти сегодня.
- На Аллею, — сказал я. - В полдень в Национальной галерее лекция.
- О чём?
- О двух морских пейзажах французского художника XVIII века.
- Раньше я часто ходил на эти лекции, — вздохнул он. — А потом перестал.
- Почему?
- Потому что однажды я посмотрел на людей вокруг. А ты когда-нибудь смотрел?
- Не особо, — ответил я.
- Ну, в следующий раз посмотри, — сказал он. — Посещение этих лекций как-то влияет на внешний вид, лицо, - он рассмеялся. - А ты был в *Ренвике*?
- Что это? — удивился я.
- Свадебный торт в стиле Второй империи*, который находится напротив административного здания Эйзенхауэра, —**

* также стиль Наполеона III или Османа , — эклектичный стиль архитектуры и декоративно-прикладного искусства, зародившийся во времена Второй Французской империи (1852-1870). Характеризовался элементами, заимствованными из многих различных исторических стилей, а также новаторским использованием современных материалов, таких как железные каркасы и стеклянные световые люки.
** **Executive Office Building** (**Исполнительный офис Эйзенхауэра**) - правительственное здание, в настоящее время часть комплекса Белого дома. В здании размещаются различные ведомства, входящие в состав Исполнительного Офиса Президента, такие как Офис Белого дома , Офис вице-президента, Управление по бюджету и администрированию и Совет национальной безопасности. Получило имя Эйзенхауэра, 34 Президента США, в 1999г. Построено в 1888г.

сказал он. - Его построил в 1861 году очень богатый человек по имени Коркоран, внутри до сих пор царит атмосфера, которая заставляет чувствовать себя на одном из приемов миссис Линкольн, — добавил он. - Горшечные пальмы и пуфы. Очень в стиле XIX века. Или стоит пройтись до Национального музея американского искусства — где ее муж проводил свой инаугурационный бал, а Уитмен* ухаживал за ранеными во время Гражданской войны солдатами. На втором этаже, в северо-восточном углу, зал, который стоит осмотреть. Там два витража работы Джона Ла Фаржа, картина Эббота Тэйера***, известного своими изображениями ангелов, и портрет мужчины в белом льняном костюме с кошкой на коленях, который выглядит совершенно по-гейски. Весь зал напоминает поминальную часовню. Очень в стиле прерафаэлитов, очень в стиле конца века. Все они были увлечены Средневековьем, лилиями, ангелами и Смертью — и не без причины. Они пережили Гражданскую войну.**
Я посмотрел, как он провел кончиками пальцев по усам, а снаружи привлекательный ветеран с обветренным лицом подбирал листья с тротуара, один за другим складывая их себе в карман.
- Почему нас так волнует прошлое? — спросил я домовладельца.

* см. прим. стр. 44
** **John La Farge** (1835-1910) - американский художник-монументалист, витражист и декоратор.
*** **Abbott Thayer** (1849-1921) - американский художник, первооткрыватель принципов военного камуфляжа

- Потому что оно придает хоть какое-то достоинство нашим жалким жизням, — ответил он. Затем отвел взгляд. - Ну, хорошего дня! — воскликнул он своим бодрым, веселым голосом и ушел.

В Ренвике я нашел именно то, что и было обещано: пальмы в горшках, мягкие диваны, статуи, вроде *Мальчика, вытаскивающего занозу*, картины, развешанные от пола до потолка, как это было принято в девятнадцатом веке. Несколько картин - большие пейзажи таких художников, как Бирштадт*, изображающие ту часть страны, где Линкольн, возможно, хотел бы жить после ухода из Белого дома, ее Запад. Можно было на мгновение представить себе, как в Белом доме собирался щеголеватый салон миссис Линкольн, всегда благосклонно относившейся к европейским титулам и сплетням о европейских дворах, — некоторые из членов которого предали ее, когда начались проблемы. Затем я прошел мимо большого белого дома, который они оба в итоге возненавидели, и направился к Национальной аллее. Там предстояло несколько вариантов. В Музее естественной истории можно было посмотреть на серьги Марии Антуанетты и гигантского кальмара; в Музее американской истории — на платье Мэри Линкольн; в музее Саклера — на персидские рукописи и серебряные кувшины династии Сасанидов; в музее Фрира — на китайскую бронзу и свитки;

* **Albert Bierstadt** (1830-1902) - один из наиболее известных американских пейзажистов XIX века, представитель неоромантизма.

а в музее Хиршхорна — на современное искусство, но в тот день я предпочел Национальную галерею.
Как только я вошел в Национальную галерею, я почувствовал спокойствие. Ничего плохого здесь не могло случиться, подумал я, ничто безобразное не могло проникнуть внутрь. Все, что делало жизнь ужасной, было изгнано. Никто даже не старел. Цветы на датских натюрмортах, несмотря на множество символов, напоминающих о смертности — разлагающийся хлеб, муха в варенье, череп, дохлая рыба — цвели всегда. Никто не разлагался, не болел и не умирал — единственным органическим элементом (помимо людей, обозревающих картины) были цветы вокруг бассейна. Все похоже на храм — в конце концов, здание и выстроено по образцу Пантеона в Риме, так что, сидя на скамейке в ротонде, наблюдая за проходящими мимо людьми, словно оказываешься в каком-то идеализированном месте, которое ждет нас по ту сторону жизни.
В тот день я ушел из музея, когда он закрывался, посидел на скамейке на Национальной аллее, чтобы скоротать время, и вернулся, когда двери вновь распахнулись, через час, на концерт, который давали каждое воскресенье вечером в семь часов. Воскресным вечером Национальная галерея действительно напоминала гробницу: вход через огромные бронзовые двери на Массачусетс-авеню, когда уже стемнело, подъем по лестнице в тихую ротонду.

Даже свет стал тусклее; цветы вокруг бассейна печально сникли в пустынной темноте, единственный звук лишь скрип обуви в пути по длинному коридору во внутренний двор западной части. Мой домовладелец рассказывал мне об этих концертах: я гулял по Вашингтону, от которого, по-видимому, он давно отказался. Но без него я бы никогда не узнал, что после закрытия музей может открываться для посещений. Незабываемый опыт. Просмотр картин не допускался, и в ротонде стоял охранник, чтобы никто и не пытался. В галереях выставили деревянные перегородки, чтобы картины не тревожили, подобно детям, которых уложили спать. Внутренний двор, куда я наконец вышел, был столь же сонным. В приглушенном свете, в окружении высоких, тонких, похожих на перья пальм, почти касающихся вогнутого светового фонаря, колонн, неподалеку от журчащего фонтана, буквально можно было ожидать увидеть женщин в длинных белых платьях, отдыхающих на кованых стульях, подобно женщине на картине Джона Сингера Сарджента* *Отдых*, выглядящих скучающими и утомленными. Однако, здесь собралась разношерстная толпа людей в самых разных нарядах — от футболок до пиджаков и галстуков — занявших складные стулья, изучающих программу вечера.**

* **John Singer Sargent** (1856-1925) - американский художник, один из наиболее успешных живописцев периода *Прекрасной Эпохи (1871-1914).* Считал себя американцем, но большую часть жизни прожил в Европе, в основном во Франции и Великобритании.
** *Repose (1911)*

Люди, пришедшие на концерт, особенно те, кто расположился на скамейках вдоль стены, более походили на лурдских* паломников или на бледные растения, стремящиеся к свету в тропическом лесу, где в разгар зимы цветут лилии, — хотя здесь пальмы несли похожие на гигантские перья ветви в пространство, лишенное птиц и тем более, никогда не угрожавшее им бурей или ветром, а лишь естественным ограничением объема, в котором они росли, поскольку некоторые из них вот-вот должны были уже коснуться прозрачных стекол светового фонаря: метафора Вашингтона, подумал я, где жизнь столь комфортна именно потому, что она столь же искусственна, будто мы все живем здесь под стеклянной крышей или в какой-то гостиной, где среди лилий возлежит тело.
Только исполнители, казалось, обладали энергией, — хотя большинство вечеров, похоже, они тратили ее на совершенно малоизвестные произведения, исполняя все, кроме музыки, которой славился композитор, — как будто, учитывая, что это бесплатный концерт, и они могут играть музыку, которую нет возможности исполнять в другом месте. Особенно часто пианист или скрипач просил автора, — профессора, у которого он или она учились, — встать и показаться публике после премьеры какой-нибудь сонаты. Однако почти на каждом концерте, каким бы раздражающим он ни был, было одно

* **Lourdes/Лурд** - небольшой город на юго-западе Франции. Основан в во времена Древнего Рима. Получил особую известность явлениями Пресвятой Девы Марии в 1858г.

произведение — иногда всего лишь отрывок — которое внушало мысль, что прийти сюда было верным решением; что кто-то другой (композитор) понимает, познал вашу скорбь, что вообще-то стоит жить, хотя бы из-за музыки. В то же время она же, или часть ее, также давали понять, что попытки привычно жить дальше, - самообман; то, что случилось с любимым человеком, никогда не пережить; что все это носишь в себе; оно - подо всем; и лишь эта музыка — эти несколько нот — признание, что дальнейшее, просто наполнение времени чем-то, действительно бессмысленно. Но вдруг звук стихает, и ты оглядываешься, смотришь на других слушателей, и наконец, на одинокого молодого человека в нескольких рядах впереди, грызущего ногти, или на мужчину рядом с ним, посматривающего на часы.
По дороге домой, после концерта, в одиночестве через всю Аллею, эти полчаса, очищающие душу, заканчивались сожалением, когда приходилось сворачивать на Четырнадцатую улицу и вступать в город бетона и асфальта, — но лишь, чтобы вновь окунуться в полумрак Лафайет-сквер, услышать плеск фонтана Белого дома, и, наконец, вновь пройти пустынной Коннектикут-авеню воскресным вечером. Большинство городов пустынны в такие воскресные вечера; все уже спят. И если по пути наверх я заставал своего домовладельца в кабинете с открытыми дверями, я рассказывал ему о концерте; он слушал,

улыбался, но никогда не ходил туда. Все, что я делал, он проделал столько лет назад, что оно уже не подлежало возрождению. Однако я продолжал возвращаться в музей каждое воскресенье вечером; потому что это одновременно углубляло и облегчало мое одиночество — да и в будние дни тоже. Иногда я видел того же охранника, который работал сверхурочно на концерте, в галереях музея на следующий день, и чувствовал себя неловко, как будто только анонимность позволяла мне быть таким отчаянно постоянным посетителем. По выходным здесь могло быть настолько многолюдно, что воздух сразу после входа казался влажным. Однако в будние дни царила такая тишина, такое отсутствие кого бы то ни было, что безмолвие в этих залах странно утомляло, и чем дольше, тем более, словно изматывающее пребывание в постели для пациента клиники. Но я приходил почти каждый день, часто лишь посмотреть на что-то, о чем мне рассказывал мой домовладелец, чего я сам бы никогда не заметил: маленький зал с американскими *обманками, еще меньший - голландских картин с цветами. Той зимой ремонтировали световые фонари, и картины в залах не соответствовали плану этажа в брошюре, которую раздавали на стойке при входе. Из-за этого я часто терялся и оказывался в залах с картинами, которые в ином случае**

* **trompe l'oeils** (франц) - *тромплей* - разновидность изобразительного искусства, способ изображения и совокупность технических приёмов, которые создают визуальную иллюзию, заставляя зрителя поверить, что двухмерное изображение — трёхмерный объект.

смотреть бы не стал. Наверху лишь итальянские картины оставались на своих местах, — включая зал работ Тициана, где расположились два небольших дивана, спинками друг к другу, частое место отдыха для меня, так как я обычно уставал, когда уже добирался туда, — хотя не только диваны обеспечивали продолжительное пребывание напротив этих картин; это были и сами картины, красота которых, казалось, дарила такое же успокоение, как и случайные музыкальные фрагменты в воскресных концертах.
Этот зал, по сути, поощрял сексуальное тщеславие — не только по части любовных утех, которые заставляют людей (дожа, кардинала, генерала, даму) являть себя во всех их одеждах, доспехах и атрибутах богатства, но и специфической потребности быть желанным. На одной из работ Венера рассматривает себя в зеркале; на другой - она пытается удержать Адониса, чтобы тот не покидал её ложе, — хотя это не совсем оно, а скорее красная мантия, на которой Венера сидит на открытом воздухе в лесу, её обнажённые ноги, ягодицы и спина увлекают взгляд к центральному изображению сюжета, её руки обнимают грудь возлюбленного, в то время как гладкокожий Адонис, уже одевшись, шагает прочь, с посохом в правой руке, что поможет ему как можно быстрее выйти за пределы картины, а в левой держит поводки его больших тёмных собак. Довольно безрадостная картина, чья мрачность

усиливается, стоит лишь присмотреться к лицам этой пары: Венера в тени торса своего возлюбленного, взирает на него с отчаянием и паникой, отражающихся в самих белках её глаз, в то время как Адонис смотрит на неё сверху вниз с некоторым раздражением и презрением. Хотя на картине радуга, Купидон и распространяющееся из правого верхнего угла сияние, белая кожа пары контрастирует с преимущественно темно-зелеными и коричневыми цветами, работа не может быть более зловещей: это тот момент, которого мы все страшимся, момент расставания, когда даже после самых интимных действий ты остаешься с мучительным чувством неудовлетворенного желания, — тоской по тому блаженству, которое только что вкусил, блаженству, дарованному тебе тем, кто переходит к чему-то или кому-то другому. По крайней мере, так я раньше интерпретировал эту сцену, — пока однажды, здесь же, когда я изучал лицо Адониса, в комнату не вошел тот самый молодой человек, который на семинаре по СПИДу спросил, не все ли гомосексуалы мотивированы похотью. Я даже не успел поздороваться, как он подошел к дивану, сел и сказал:

- Итак, расскажите, почему вам нравится эта картина.

- Наверное, — ответил я, — потому что перед ней стоит диван.

- Нет, правда! — воскликнул он.

- Ну, — продолжил я, — это не сказать, чтобы моя любимая картина в этом зале. Но,

думаю, дело в ситуации, — это очень человеческий момент, не так ли? На самом деле, я всегда полагал, что под этой картиной должна быть подпись *Не оставляй меня — ты знаешь эту старую песню из семидесятых? Или *Ты хотя бы свой номер телефона оставишь*?**

Я повернулся к нему и улыбнулся, но в ответ получил лишь самый хмурый вид.

- Не только это, — сказал он, опершись руками о край и наклоняясь вперед. - Дело не в том, что ее бросили. В конце концов, она — Венера, она — Бессмертная.

- Боги тоже могут страдать, — ответил я. - Могут влюбляться в смертных.

- Это правда, — согласился он. - У Овидия Венера любит Адониса гораздо больше, чем он её. Для него же охота предпочтительнее. Поэтому она предупредила его избегать опасных животных, таких как кабаны и львы, потому что знала, что они могут его убить. Но он не слушал. И вот, однажды, кабан всё-таки убил его, она нашла его лежащим в лесу, истекающим кровью, и превратила его кровь в цветок, который мы называем анемоном. Вот настоящая причина, по которой она его удерживает — не потому, что не хочет, чтобы её бросили, а потому, что

* *Don't Ieave me this way (1975)* - изначально вышла синглом (виниловой пластинкой на 45 оборотов) группы **Harold Melvin & the Blue Notes**. Но особую популярность приобрела в исполнении американской певицы Тельмы Хьюстон, получившей премию *Грэмми* именно за лучший вокал с этой песней. В 1986г. синт-поп-дуэт **The Communards** также имел широкий успех с этим же произведением. Авторы оригинального текста: Кеннет Гэмбл, Леон Хафф и Кэри Гилберт.

боится за него. Но несчастье произошло. Урок в том, что Адонис отверг Любовь — ради охоты, — произнес он, откидываясь назад. - Как и мой брат.
- Брат? — удивился я.
- Мой брат умер от СПИДа, — ответил он. - Заразился от первого мужчины, с которым переспал, — врача в Берлине. В то время он жил в Германии, танцевал в труппе. Я ухаживал за ним всё лето. Он ни разу ни на что не пожаловался, — проговорил он, и его глаза вдруг заблестели, как бывает, когда внезапно вторгается горе. Потом он рассказал мне о том лете в Берлине: о том, как ходил по городу, будучи уверенным, что у него глисты, потом проверялся в разных клиниках каждые несколько дней, о том, как его брат отказывался жаловаться, а отец отказывался оплачивать похороны, о том, что его мать до сих пор каждый день ходит на могилу за городом, в Торонто. - В музее в Берлине есть версия этой же картины, — продолжил он, собираясь с духом. - Я ходил туда, когда мой брат болел, чтобы посмотреть на неё. Он продолжал смотреть на картину:
- Мой брат был как Адонис, — сказал он. - И был похож на Адониса с этой картины. Но не к концу.
- Мне очень жаль.
- Да, ну что ж, — он посмотрел на меня, — следует идти вперед.
- Но тебе нет, — ответил я. — Тебе не нужно.

- И тем не менее. Мой брат хотел бы, чтобы я так и сделал, я уверен. Мой брат любил жизнь. Потому и погиб.
С этими словами он встал, попрощался и вышел из зала. Охранник музея в углу — эти необъяснимые символы! — объявил о закрытии музея через пять минут. Я поднялся, прошел через галереи к ступеням, выходящим на аллею. Но студент исчез. Поэтому я шел домой один, думая обо всем, что должен был ему сказать. Когда вернулся, то обрадовался моему домовладельцу за обеденным столом с газетой, и сразу спросил его, как поживает очередной откликнувшийся на его объявление.
- О, — откликнулся он, — слишком молод. Проблема с молодежью в том, что все они ждут, что ты будешь им *папиком*, - он подошел ко французским дверям, выходящим в сад, и глубоко вдохнул влажный воздух.
- Но я не хочу быть ничьим *папиком* — ни малышу из Узбекистана, ни молодому парню, ищущему тренера, какого тот видел в каком-то порнофильме. Я не хочу быть *папиком*. И когда наступает такой вечер, *я* чувствую себя молодым. Разве эта погода не напоминает тебе, как ты себя чувствовал, когда впервые переехал в город? Когда все, чего ты хотел, это быть заметным, вроде белой футболки в полумраке? Знаешь, думаю, я так и сделаю. Я иду на площадь, чтобы быть футболкой в полумраке — хочешь пойти со мной?
Я ответил, что мне нужно сделать кое-какую работу для колледжа, и поднялся наверх,

чтобы подумать о том, чем заняться днем. Как только мой арендодатель ушел, я прошел в кабинет и выпустил собаку. Она последовала за мной и легла у моих ног, рядом. Потом я уснул. Когда же проснулся, собаки уже не было, а я услышал голос внизу, вышел на лестничную площадку и увидел, что собака приветствует моего домовладельца.

- Как она выбралась из кабинета? — спросил он, когда я спустился вниз.

- Я выпустил её, чтобы она посидела со мной, пока читаю, — ответил я, надевая пальто, как ни в чём не бывало. - Потом я уснул. Собаки — удивительные существа. Я подошел к двери и открыл её ключом. - Я даже не слышал, как ты вошел, но она услышала!

Домохозяин лишь покачал головой, как родитель, разочарованный поведением ребёнка, - он с раздраженным видом и вместе с собакой поднялся наверх.

Я был так расстроен, что, когда пришел на в Дюпон-Серкл и увидел Фрэнка, сидящего на скамейке с сигаретой, то сразу сел рядом и рассказал, что произошло. Он ничего не отвечал, но я продолжал защищаться:

- Ведь это плохо, что собака должна оставаться там весь день, пока он на работе, — сказал я, — но ночью, когда в этой комнате кромешная тьма, я считаю это жестоким. Почему какое-либо живое существо должно оставаться в темной комнате в полном одиночестве?

- Потому что собака портит мебель, — отрезал Фрэнк, стряхивая пепел с сигареты. — Он же говорил тебе. Мебель есть мебель! Кроме того, собакам нравится ощущение порядка. В прямом смысле. Им нравится быть в замкнутом пространстве, они чувствуют себя в безопасности, в своем маленьком уголке. Им нужны границы.
- Я знаю, но...
- Нет, это *я* знаю, — оборвал он. - Ты думал, как было бы здорово — вы вдвоем в этом доме, как хорошо вы ладите, какой он внимательный, как похожи ваши жизни. Я понимаю, твое сердце подобно маленькому кораблю, ищущему безопасную гавань. Понимаю, что у тебя выработались привычки к близкому человеку рядом с матерью, которые ты теперь хотел бы перенести на другого. Полагаю, ты хочешь быть нужным, полезным для кого-то другого. Понимаю, что жилец может считать себя чем-то большим, чем просто арендатором. Но, дорогуша, возьми себя в руки! Двери кабинета всегда будут закрыты!
С этими словами он бросил сигарету и ушел. Бездомный напротив меня, возможно, сидел, размышляя о событиях дня, прежде чем занять горизонтальное положение, что уже сделали его собратья на соседних скамейках. Я вскочил со скамейки и пошел обратно по Нью-Гэмпшир-авеню к О-улице, мимо особняка, который часто снимали для вечеринок и приемов, деревья перед ним всегда были украшены белыми гирляндами независимо от

времени года, затем мимо таунхауса, в котором, как говорят, жил Джесси Джексон-младший*, мимо переулка, по улице с маленьким кинотеатром, ведущей к кварталу моего домовладельца. К моему ужасу, когда я завернул за угол, дом был совершенно темным. И похож на тот, в который я вернулся в день смерти моей матери: пустой, как никогда прежде.

На следующий день я снова взялся читать письма Мэри Линкольн ("Тебе следует выбираться куда-нибудь *каждый день* и наслаждаться жизнью — ты еще *так молода* и должна быть веселой, как жаворонок. Беды рано или поздно случаются, моя дорогая, и ты должна наслаждаться жизнью, когда можешь."), когда мой домовладелец поднялся на третий этаж и постучал рядом с моей открытой дверью.

- Входите! — сказал я, но он остался снаружи, в коридоре. Он лишь пришел сообщить мне, что собирается в короткую поездку на угольную шахту в Колорадо. Приходится ездить туда раз в год, сказал он, поэтому он поедет на следующий день после работы. В то утро я зашел в кабинет после того, как он ушел в офис. На пуфике приготовлены вещи для поездки — билет на самолет и паспорт, а также несколько флаконов с таблетками. На одном из них было написано название лекарства, которое принимают люди со СПИДом.

* сын Джесси Джексона-старшего, известного афроамериканского общественно-религиозного лидера.

Но, присмотревшись внимательнее, я убедился, что его может принимать человек, не имеющий ВИЧ, по иным причинам. Затем я подошел к столу, чтобы изучить бумаги. В тот день там нашлась только брошюра, в которой утверждалось, что, вопреки другим заявлениям, Библия ничего не говорит о гомосексуальности в том виде, в каком мы знаем, и, следовательно, не содержит ничего, что осуждало бы ее.

Час спустя я все еще сидел в кабинете, рассматривая его альбомы, когда зазвонил телефон, и я услышал бодрый, задорный голос моего арендодателя, просившего звонившего оставить сообщение (*...и я вам перезвоню! Спасибо, хорошего дня!*), а затем послышался женский, слабый, усталый голос:

- Привет, это твоя мама! Просто хотела поблагодарить за присланное тобой и коробку конфет. Это так в твоем стиле. Я ценю это. Мы тебя любим!

Непристойное сообщение не могло бы меня шокировать больше. Моего домовладельца любили — его родители. Именно это объясняло его неисправимую отчужденность, — раздражающее сочетание дружелюбия и дистанции. Они были единственными людьми, которые действительно имели для него значение. А та огромная сеть друзей на самом деле не была семьей: они, в отличие от телевизионных ситкомов, были просто друзьями. Пока я рассматривал уютную комнату, маленькое радио на столике у окна играло на громкости, едва слышной

человеческому уху, а собака следила за мной взглядом, кабинет показался мне еще более пустым, чем когда-либо, несмотря на все наполнявшее его. Облегчением для меня стала необходимость выйти из дома в колледж. Я начал свой путь на несколько часов раньше по Массачусетс-авеню в состоянии глубокого уныния. Прогулка предстояла долгая, предполагавшая даже слишком много времени на размышления, что всегда заставляло меня вспоминать смерти любимых мною людей. Правда ли, как говорила медсестра, что семья поддерживает жизнь своих близких, даже когда те хотят уйти? Была ли это темная, кошмарная сторона заботливых отношений? Проявил ли мой отец себя лучше их всех, умерев быстро, в течение недели после того, как его отвезли в тот же дом престарелых, где его жена прожила немало лет? Было ли все это проявлением эгоизма с моей стороны? Неужели мы все просто боимся смерти? Нигде я не осознавал подобную уверенность, что все, что я делаю, — это просто убить время, как во время этого пути в колледж.

Я завидовал своему домовладельцу в его насыщенной жизни. Казалось, у него была какая-то животная энергия, которую я меньше всего чувствовал, отправляясь в колледж. Опустошенность всегда усиливалась с каждым часом, проведённым в неспешном подъёме к Уорд-Серкл* — отчасти потому, что погода

* круглая площадь со сквером, где размещен памятник **Артемасу Уорду**, первому главнокомандующему в войне за независимость США.

почти всегда была мягкой и ровной, отчасти потому, что я почти всегда был один здесь; настолько, что я с нетерпением ждал, когда увижу человека, иногда стоявшего у посольства Ватикана, на полпути к колледжу с плакатом *СВЯЩЕННИКИ РАЗВРАЩАЮТ ДЕТЕЙ ПО ВСЕМУ МИРУ*. В посольствах не было ни малейшего признака жизни, а некоторые из них выглядели даже обветшалыми — и заставляли задуматься, как некоторые страны, печально известные бедностью своих граждан, могут позволить себе такие величественные, хотя и не слишком ухоженные, замки в стиле *бозар*. При ближайшем рассмотрении в нескольких из них чувствовалась какая-то особенная потрепанность, оставленность, впрочем, соответствовавшая моему настроению: мусор в кустах, засохшая трава, решётки на окнах. Элегантностью встречала только Шеридан-Серкл: ирландское и египетское посольства, дом, когда-то принадлежавший сестре Натали Барни*, затем мечеть, минарет которой служил ориентиром, если заблудишься вдруг в других частях города, затем ложбина парка Рок-Крик, склон к статуе Уинстона Черчилля и британскому посольству, выглядевшему как построенная в пятидесятые средняя школа, и, наконец, посольство Ватикана, чей аристократический палаццо осмеивал невысокий, стройный мужчина, почти каждый день появлявшийся перед ним со своей

* **Natalie Barney** (1876-1972) - американский драматург, поэтесса и писательница. Жила в эмиграции в Париже.

табличкой. Часто в моем одиночестве я останавливался и разговаривал с ним, выслушивая рассказ о священнике, который в пятнадцать лет во время лыжной поездки в Доломиты* предложил ему нечто неприличное, а затем, когда мир пополнился еще одной жалобой, оставлял его, звонящего в колокол, подобно маяку в тумане, предупреждающему корабли о рифах. Этот звук сопровождал меня до половины пути к Национальному собору, где я иногда сворачивал на Кафедральный проспект — и начинал спуск мимо псевдотюдоровских домов с яблонями во дворах, а затем уже в ущелье огромных многоквартирных домов, из которых людям не нужно выходить без какой-либо необходимости.

В одном из самых больших, где жил Барри Голдвотер — жила и мать нашего, с моим домовладельцем, общего друга, умершего в 1983 году. Каждый раз, проходя мимо, я говорил себе, что должен навестить её, хотя мысль о таком визите казалась мне мрачной (не было никакой причины навещать её, кроме того факта, что её сын умер). Так что, я всегда проходил около её дома, не останавливаясь, — каждый раз вспоминая, что последнее письмо её сына ко мне было написано, когда он не мог уснуть и сидел в четыре утра с диареей на унитазе. Но сегодня я решил навестить её.**

* **Dolomites** - *Доломитовые Альпы*, горный массив на северо-востоке Италии.
** **Barry Goldwater** (1909-1998) - американский политик, один из лидеров и идеологов консервативного крыла Республиканской партии США.

- Так мы вспоминаем умерших, — подумал я и свернул на территорию комплекса. Консьерж за двумя стеклянными дверями впустила меня, так как я сказал по домофону, что хотел бы видеть миссис Диксон. Вестибюль был практически пуст: огромный холл белого мрамора с полукругом почтовых ящиков, одинокими стулом и столом. Дама за стойкой передала мне трубку; я представился миссис Диксон; она спросила, не хотел бы я поужинать с ней сегодня вечером, и я ответил утвердительно.

Из здания я вышел, чувствуя себя намного лучше, спустился в заросший парк, откуда смотрел на таунхаусы с бассейнами, заметными сквозь деревья, но все еще накрытые брезентом, женщин, выгуливающих собак, и группу выходцев из Центральной Америки, которые, казалось, выполняли всю физическую работу в Вашингтоне в этот исторический период, ожидавших автобуса; и наконец, поднялся на холм, близ частной начальной школы, где каждый раз, когда я проходил, дети стояли на углу тротуаров, одетые регулировщиками дорожного движения, наслаждаясь возможностью останавливать машины, когда кто-то хотел перейти дорогу; и, наконец, достиг кампуса колледжа. Здание кафедры английского языка, со светящимися окнами на вершине холма, всегда выглядело инкубатором, в котором вызревают яйца при контроле освещения и влажности, однако, независимо от того, как я себя чувствовал, когда заходил и проходил по

коридору, заполненному угрюмыми студентами, сидевшими на скамейках с видом посетителей госпиталя, пришедших за результатами компьютерной томографии, моя коллега по кабинету всегда поднимала мне настроение. Поскольку постоянно носила красивый шарф и серьги, а ее густые, жесткие волосы были собраны в эффектный конский хвост на затылке. Ещё она была в восторге от получения постоянной должности; ждала рецензий ее первой книги (*Печали и горести в американской литературе XIX века*); а также обдумывала, должен ли мужчина, с которым она встречалась, стать отцом ее детей. Она постоянно пыталась меня свести то с мужчиной из церковного хора, в котором пела, или с кем-то с экономического факультета, или даже с приглашенным в этот год поэтом, крупным лысым мужчиной моего возраста, который жил в маленьком городке штата Огайо со своей матерью до ее смерти годом ранее, мужчиной, который был гораздо более далек от преподавательской жизни, чем даже я.

- Вы, должно быть, замечательный преподаватель, — сказал я, лишь только вошел в кабинет. - Всякий раз, когда иду сюда, какая-нибудь молодая девушка сидит у вашей двери и ждет встречи с вами. Они приходят к вам, как паломники в Сантьяго-де-Компостела*. Что вы для них *делаете*?

* город на северо-западе Испании. Всемирно известен как конечная точка знаменитого паломнического пути Святого Иакова (El Camino de Santiago) и духовный центр католического мира

- Объясняю, почему не могу повысить оценку за их последнюю работу, — улыбнулась она. - Вот почему они ко мне приходят. Эти ребята очень практичные.
- Тогда дайте мне какой-нибудь практичный совет, — сказал я. - Я собираюсь навестить мать моего друга, который умер от СПИДа. Но раздумываю, стоит ли говорить о её сыне или нет. А вы что думаете?
- Она даст вам знать, — сразу последовал ответ. - Некоторым людям не хочется вспоминать, а некоторым хочется. А теперь, прежде чем я пойду на лекцию, уже вы должны дать мне совет. Как вам моя прическа, если сделаю так, — сказала она, ослабляя резинку и выпуская волосы рассыпаться по плечам, — или оставить?, — она снова собрала их вместе.
- Оба варианта хороши, — заметил я.
- Вам следует быть более решительным, — ответила она. - Но спасибо за комплимент. Что ж, — она поднялась и взмахнула руками, — пора начинать! Горе и скорби в викторианском романе. Интересно, прочитают ли они хотя бы половину?
Несколько часов спустя день начал угасать, но я выключил свет, — так что комната наполнилась серым сумраком, проникающим сквозь запыленные окна, — и вышел в коридор. Колледж стремительно пустел. В холодном мужском туалете с открытыми окнами; кто-то сидел в кабинке, терпеливо ожидая. На стене рядом с писсуаром красовалось объявление для мужчин, которым

нравятся выходцы из Южной Азии. Я понятия не имел, кто находится за закрытой дверью. Обычно в субботнее утро сюда всегда заходил мужчина средних лет, в бейсболке, лихо сдвинутой наискось, обходивший университетские туалеты в свой выходной, подобно рыбаку, проверяющему *верши. Но человек в кабинке, скорее всего, был студентом. Хотя у меня не было времени выяснять. Я вымыл руки, хлебнул воды и вернулся в кабинет, теперь заполненный сумеречным полумраком. Я был рад побыть один. Ничто не подходило моему настроению больше, чем этот кабинет после окончания рабочего дня, когда здание опустело, и зимний, угасающий дневной свет начал отступать от книг на полках, — книг о викторианской эпохе, о феминизме, романтизме, структурализме, постструктурализме, трауре, скорби и мазохизме, книг, которые превратились в другую книгу (как у моей коллеги).**

Я посидел здесь некоторое время, чувствуя, что именно здесь, в этом кабинете, я хотел бы оставаться сколь возможно дольше, а затем встал, чтобы еще раз сходить в туалет перед тем, как окончательно уйти, — и чуть не столкнулся с поэтом, выходившем оттуда. Он посмотрел на меня печальными глазами.

- Как дела? — спросил я.

- Нормально, — ответил он.

- Я так понимаю, вы тоже живете в маленьком городке, в деревне?

* сетчатая ловушка для рыбы и раков

- Да, — сказал он и удалился.
Тогда я решил уйти, чтобы встретиться с матерью моего старого друга, но, в принципе, было еще рано. Когда кому-то нужна мать, подойдет любая. Я смотрел на играющих в футбол детей на школьной площадке, чтобы скоротать полчаса на вершине холма, а затем спустился к жилому комплексу на Кафедральном проспекте. Она появилась в вестибюле в белой блузке с широким воротником, черной юбке, в ожерелье искусственного жемчуга, но не хотела приглашать меня в свою квартиру, потому что там все еще было полно не распакованных коробок с тех пор, как она продала дом в Чеви-Чейз* и переехала пять лет назад, сразу после того, как вторая жена ее бывшего мужа исключила ее из завещания. Мягкий голос, улыбка, слегка чудаковатый вид немедленно вызвали во мне воспоминания о моем друге. Мы прошли длинным подземным тоннелем в другое здание, чей вестибюль переходил в большой обеденный зал, светившийся мягким розовым светом; мои туфли утонули в толстом ковре; столы покрывали льняные скатерти, на горках льда в серебряных вазах лежали маленькие квадратики масла. Мы прошли мимо запотевших кувшинов, в окружении корзин с булочками, и направились к столику на двоих у окна, где лишь только мы заняли наши места, она достала очки из сумочки и молча погрузилась в изучение меню, подобно даме в ресторане

* **Chevy Chase** - район на северо-западе Вашингтона

пересекающего Атлантику старого *Queen Mary, — что мой друг часто проделывал в детстве, хотя, когда я его знал, он был нищим гомосексуалом, обитавшим в высотке Нижнего Ист-Сайда Нью-Йорка и пытавшимся оплачивать аренду, удаляя нежелательные волосы со спин мужчин электроэпиляцией. У его матери было такое же спокойное, безмятежное выражение лица, какое было у него — та же улыбка, та же сияющая белая кожа, кожа, которую ее сын тщательно оберегал, скрупулезно избегая солнца. Я уже привык находить своих умерших друзей в их матерях, когда наконец встречал их. Так было и в этот раз. Вот откуда у него такой цвет лица; тот цвет, который он столь тщательно хранил в мире, где все остальные, казалось, настойчиво хотели загореть. Даже летом я видел его прогуливающимся по пляжу на Файр-Айленде или пыльными тротуарами Четырнадцатой улицы, белого, как кольд-крем, под соломенной шляпой на голове. Он хотел быть идеальным — отсюда и удаление буквально каждого волоска на торсе электроэпиляцией, что он практиковал на себе задолго до того, как ему пришла в голову идея делать это с другими и за деньги.**

После его смерти я однажды оказался в Музее Метрополитан, в зале на первом этаже, полном фрагментов греческих статуй с их римскими копиями, и сразу подумал о нем, —

* британский трансатлантический лайнер, выполнявший рейсы с 1936 по 1967 год. В настоящее время - корабль-музей в городе Лонг-Бич (Калифорния, США).

каким белым, каким идеально пропорциональным было его тело. Он единственный, кого я знал, перестал ходить в спортзал, потому что не хотел слишком сильно разрастаться. Но проводил дни, поддерживая свои пропорции; готовился, подобно гейше, предстать перед богатыми мужчинами. А когда кто-то из них повез его на острова Карибского моря, то там придерживался целого ряда оздоровительных программ, включавших сон под лампами от насекомых, протеиновые коктейли и отказ от нахождения на солнце. И эта преданность своему телу не была просто внешней. Еще до СПИДа он профилактически принимал диотокин, чтобы защитить себя от амебиаза*, профессионального риска, напрямую связанного с сексом в Нью-Йорке в те дни, и читал книги о силе разума. К моменту нашей встречи он настолько обеднел, что жил на продовольственные талоны — и тогда решил изменить реальность, научившись смотреть на нее по-другому; это означало, что он увлекся EST методом Сильвы***, научился ходить по раскаленным углям и говорил, что нам не везет в знакомствах, потому что мы *делаем все неправильно*, в силу завышенных требований и ожиданий. Затем последовало самое большое испытание для правильного**

* бактериальная инфекция

* **Erhard Seminars Training** - семинары Вернера Эрхарда с 1971г. в Сан-Франциско, основанные на познании действительных желаний и попытках взгляда на мир вне рамок привычных стереотипов.

** **Silva Mind Control** - психологические практики Хосе Сильвы в Техасе 1960-х, основанные на развитии интуиции и объективной самооценки.

восприятия жизни: ему сообщили, что у него ВИЧ. После чего, как заметил один наш друг, тот несколько недель выглядел словно олень, ослепленный светом автомобильных фар. И даже, когда увидел врача, озвучившего ему эту новость, в продуктовом магазине на Второй авеню, то встал в отделе овощей и фруктов, и громко возвещал тому, что он не прав.

- Я получил то, чему сопротивлялся, — сказал он перед смертью тем же спокойным голосом, что и его мать.

Мы не говорили о нем, пока она не расстегнула свою сумочку и не достала фотографии. Их было всего две, сделанные, когда он был так болен, что вернулся в Вашингтон, чтобы она могла за ним ухаживать. На одной из них мой друг очаровательно улыбался, так, что даже не выглядел больным; на другой был изображен в профиль, исхудавший и измученный, смотрящий куда-то вниз на что-то за кадром, — размышляя о собственной смерти.

- Он настолько ослаб, что не мог нести свой чемодан, когда добрался до Вашингтона, — сказала она, когда я вернул фотографии. - Мне пришлось тащить его от платформы к вокзалу. Я тогда сказала ему:

- Я не носила ничего такого тяжелого с тех пор, как носила тебя.

Она снова расстегнула сумочку и положила фотографии внутрь. Взглянула в окно, в котором, по ее словам, часто видела оленей на лужайке внизу. - Вчера вечером я

услышала глухой удар в потолок, — сообщила она мне тихим голосом, положив сумочку, — а потом - тишина. Я постучала по потолку, но ответа не получила. И сразу решила, что это упал мужчина в квартире надо мной, позвонила в 911. Конечно же, я оказалась права. У него случился инсульт. Сейчас он в больнице.

Хотя ей было за восемьдесят, она, казалось, не беспокоилась о своем будущем; ее главной заботой по-прежнему оставался сын, чья смерть была нелегкой. Все эти часы в спортзале, омлеты и ростки люцерны, молочные коктейли с протеиновыми добавками, избегание солнечного света, курсы по контролю над разумом, хождение по углям, — думал я, — все напрасно, хотя, разговаривая с его матерью, я понимал, откуда у него взялась вера в способность разума управлять реальностью. Она излучала спокойствие женщины, которая рассматривала жизнь в совершенно рациональных терминах. То же самое сделал и ее сын — за исключением того, что, как нам тогда казалось, зашел слишком далеко в этой вере и наделил разум способностями, встречающимися в основном в комиксах о героях с рентгеновским зрением. Я сидел и слушал, как она рассказывала о своей диссертации по государственному образованию и о работе, которую провела в школах Вашингтона относительно тем, по которым с ней до сих пор консультируются. Она обладала рациональным убеждением, присущим каждому местному жителю, что

изучение проблемы почти решение. Поэтому меня не удивило, когда она мимоходом упомянула, что жизни после смерти нет.
- Вы не думаете, что мы можем проснуться на том свете? — спросил я. - Как просыпаемся после сна?
— Нет, — ответила она мягким голосом, легко коснувшись столовых приборов рядом со своей тарелкой. - Люди думают так только потому, что проводят аналогию. Но разница велика. Когда мы просыпаемся, мы всё ещё живы, тело и мозг функционируют, получают кровь. Когда же умираем, они функционировать перестают. Следовательно, сознания нет. Следовательно, мы не можем проснуться. Это всего лишь ложная экстраполяция*, которую люди желают полагать, потому что не могут смириться с мыслью о собственном исчезновении.
- Но тогда почему, — сказал я, — люди всё ещё чувствуют, что мёртвые с нами? И почему мы чувствуем какую-то вину перед ними?
- Что вы имеете в виду?
- Я читаю письма Мэри Тодд Линкольн, — ответил я. — И думаю о жене Генри Адамса, Кловер, — и о том, как обе женщины были сокрушены скорбью, горем.
- Ах да, — оживилась она. - Кловер Адамс обожала своего отца — и ухаживала за ним, когда тот умирал. Потом покончила с собой. Но, знаете, это было наследственное. Двое её братьев, насколько я помню, покончили с собой. На самом деле, до того, как Генри женился на ней, брат Генри предупреждал его

* аналогия, перенос по принципу подобия

о склонности в их семье к самоубийствам.
- Но, похоже, она умерла от чувства вины, — продолжил я, — что, думаю, было и в случае с Мэри Тодд Линкольн. От того, что она привела своего мужа в Белый дом, от того, что была слишком амбициозна ради него, — и эти амбиции, похоже, стоили ей всех, кого она любила. Вот почему она носила траур до конца своей жизни. Чувство вины было настолько глубоким. Этот траур до конца жизни, словно символ покаяния или даже укор самой себе. Я думаю, обоих женщин угнетало чувство вины.
- Ну, каждый в какой-то степени чувствует вину за то, что пережил потерю любимого человека. Как врач, наверное, потерявший пациента. Будто можно сохранить тому жизнь навсегда. Но, конечно, это невозможно.
- А что, если это грех? — спросил я.
- Грех? — переспросила она.
- Да. Как загладить вину, когда человек, которому ты причинил зло, мертв?
- Думаю, нужно сделать что-нибудь хорошее для тех, кто еще жив. Я часто вспоминаю строчку Софокла: у нас целая вечность, чтобы угождать мертвым, но совсем немного времени, чтобы любить живых.
- Но у нас нет, — не согласился я, — целой вечности, чтобы угождать мертвым. В том-то и проблема. Если, как вы говорите, нет жизни после смерти, мы не можем загладить свою вину перед ними. Мы не можем прояснить все. Так что нельзя разговаривать или извиняться перед тем, кто умер. Тишина

абсолютна. Вот почему люди раньше увлекались спиритическими сеансами. И потому Мэри Тодд Линкольн пыталась таким образом связаться со своим сыном и мужем.
- Так же поступала и Гарриет Бичер Стоу*, — сказала она, — и Артур Конан Дойл. Многие так делали — особенно после Первой мировой войны, когда погибли очень многие молодые люди. Мы испытываем раскаяние. Мы отказываемся принять очевидный факт, что они никак не могут услышать нас. Я не могу загладить вину перед Ником за то, что ему пришлось страдать и умереть. И он не может видеть нас сейчас, разговаривающих о нем.
- Думаю, вероятно, и может. Думаю, мертвые могут нас видеть, — все-таки продолжил мысль я. - Мне кажется, в некоторых местах их можно почувствовать.
- На кладбищах? — сразу спросила она.
- Нет, — ответил я. - Места, где был с ними — места, которые напоминают о них, когда возвращаешься туда, так, как ничто другое не может. Площадь Лафайет, в случае с Генри Адамсом. Дом, где умер Линкольн. Или аэропорт Гейнсвилль.
- Когда моя сестра приезжала в гости, я обычно забирал маму из дома престарелых и мы отправлялись в аэропорт Гейнсвилль вместе, чтобы встретить её — потому что, когда она приезжала, мы могли не возвращать маму в дом престарелых целых две недели, ведь нас было двое, и мы могли по очереди

* **Harriet Beecher Stowe** (1811-1896) - американская писательница, аболиционистка, автор знаменитого романа *Хижина дяди Тома (1852)*.

ухаживать за ней. Это всегда было чудесное время — мама знала, что уезжает домой надолго, а сестра приезжает, - появлялась возможность сменить обстановку. Сестра же привносила столько северной энергии! День, когда мы с мамой ехали в аэропорт Гейнсвилль, стал для меня подобным Рождеству в детстве. Мы обычно ждали сестру у автоматических дверей, через которые пассажиры проходят в вестибюль после выхода из самолёта. Это один из тех маленьких аэропортов, где нужно идти по взлётно-посадочной полосе. Сестра входила в дверь, а мы уже ждем. Она наклоняется и целует маму. Это так трогательно.

Потом мама умерла. Я избегал всех мест, которые ассоциировались с ней. Я даже не в состоянии был проезжать мимо дома престарелых. Делал дальний крюк, чтобы его объехать. Сменил врача, потому что кабинет предыдущего был недалеко. Но прошлым летом мне пришлось ехать в аэропорт, чтобы взять машину напрокат. Я не был там пять лет, но как только вошел, почувствовал всё, — как будто я стоял там, откатив назад мамину инвалидную коляску, чтобы она могла видеть через окно момент, когда сестра выходит из самолета. Всё счастье вернулось, а потом ко мне вернулись заботы о маме, — как будто никуда и не исчезали. И я подумал: она существует. Существует. Где? В моём сердце. Там, где существуют умершие — в наших сердцах. Вот, где находятся умершие. И я понял это, когда меньше всего ожидал.

Я вошел туда, где не был пять лет, и — в тот момент понял, что они действительно существуют — только где-то, о чем знать мы не можем.
Мать моего умершего друга нежно улыбнулась поверх розовых гвоздик в вазе между нами и перевернула нож около своей тарелки.
- Но сознание — функция мозга, — сказала она, — и когда мозг разрушается, как это происходит после смерти, может ли существовать какое-либо сознание?
Это было так похоже на совершенно безумное спокойствие ее сына, который сидел на диване с отсутствующим выражением на гладком белом лице, не в силах понять, как так могло случиться с человеком, настолько озабоченным своим здоровьем, что он пьет лишь воду из бутылок и никогда не выходит на солнце.
- Я убил свою мать из скуки. Она имела несчастье попасть в зависимость от ребенка, который был не афиширующим себя гомосексуалом, годами скрывавшим от нее свою настоящую жизнь, так что, когда пришла пора заботиться о ней, не было ничего, кроме него и нее - ни жизни, ни семьи, ничего, кроме его собственного одиночества. Поэтому каждый день она просыпалась, ела одну и ту же овсянку и ждала, пока я войду в ее дверь - ждала меня, у которого вообще не было ничего общего с ней, кроме родства. Каждый день там был только я, мое затворничество, одиночество и рутина, в которой мы существовали и которой не было

альтернативы.
— Вы не убивали свою мать! - категорично возразила мать моего друга. - Она умерла естественной смертью, насколько понимаю, в глубокой старости.
- Я поддерживал ее жизнь дольше, чем она хотела, — возразил уже я. - Мне так сказала старшая медсестра. Объяснила, что семьи часто цепляются за пациентов, потому что не могут их отпустить.
- Вы говорите, что она страдала, — сказала миссис Дисон.
— Но никогда не жаловалась, — ответил я.
- Ну, это часть любви — видеть, как страдают те, кого любим.
- Но я был неправ, не отпустив ее.
- Абсурд, — вздохнула она. — Вы собирались ее убить? Каждый чувствует себя виноватым, когда теряет кого-то, — думая, что мог бы сделать что-то еще, чтобы спасти. Когда не можешь, то просто не можешь спасти людей от смерти. Все, что можешь, это чувствовать виноватым относительно того, как обращался с ними, когда они были живы, когда умирали.
— Вот я и говорю, — подтвердил я.
- Но вы же заботились о ней насколько возможно! Кем бы вы ни были, вы не бросили ее! Вы чувствуете себя виноватым из-за недостаточно хорошей реализации возможного. Это форма снобизма. Это лишь способствует чувству вины. Проблема с этим чувством, - сказала она, намазывая маслом хлеб, - заключается в том, что люди в жизни, которые должны чувствовать себя виноватыми,

этого не делают, а те, кто не должен - чувствуют. Это все, что следует высказать о чувстве вины. Посмотрите на Кловер Адамс! Она должна была гордиться тем, что ухаживала за отцом до его кончины. Вместо того она лишь чувствовала себя никчемной. И я подозреваю, что вы правы насчет Мэри Линкольн, - она, вероятно, ощущала тяжелейшую вину. Ведь очень хотела, чтобы ее муж стал президентом, очень хотела тогда в театр! Но она продолжала жить. И мы тоже. А вы не убивали свою мать. Конечно, есть матери, которые хотели бы, чтобы их дети так думали. Вполне возможно, что в раннем детстве она сделала что-то, чтобы вы чувствовали это после ее смерти, — заключила она. — Вы не думали насчет этого?
- Да, думал, — ответил я. — Она часто пугала меня таким образом — говорила: "Ты почувствуешь себя по-другому, когда меня не станет", и всякое такое. И знала, что эти слова меня пугают. Странно, но когда это наконец случилось, спустя столько лет, я чувствовал себя так, будто меня никто не предупреждал. Но у вас было то, что, как считается, гораздо хуже — смерть ребенка, еще до смерти родителя. Именно через подобное прошла Мэри Линкольн. Вот почему прибегала к спиритическим сеансам, — тогда люди верили, что можно как-то связаться с умершими.
Им приходилось так делать, потому что тогда люди теряли близких и тех, кого любили, гораздо чаще, из-за болезней, о которых нам

уже не нужно беспокоиться. Над миссис Линкольн из-за этого потешались. Скажите, как вы объясните тот факт, что люди так по-разному переносят горе?
- Я думаю, что мы все стараемся сохранить определенные условия, — сказала она, — как кастрюлька на плите. Что бы с нами ни случилось, хорошее или плохое, мы возвращаемся к одному и тому же уровню счастья. Будто наши души настроены подобно термостату. Некоторые люди от природы жизнерадостны, а другие — меланхоличны — так, в Средневековье считалось, что людей характеризует кровь и желчь. Некоторые люди сломлены горем, а другие преодолевают. Но вы действительно должны решить, позволяете ли вы себе это или нет. Плутарх говорил своей жене, чтобы она не позволяла горю поглотить ее после смерти их дочери, - здесь она еще более смягчила голос. - И эти люди вот-вот скажут нам, что ресторан закрывается, — улыбнулась она и поднялась. После пожеланий спокойной ночи турецкой семье, управлявшей рестораном, уже в вестибюле, я снова почувствовал, что мы будто возвращаемся в свои каюты на корабле, на котором мой друг столько путешествовал в детстве; хотя все, что сделали именно мы, это прошли обратно тем же туннелем, все так же зловеще освещенным, как Национальный архив, к зданию, в котором она жила, где остановились у лифтов.
Я не знал, ожидала ли она когда-нибудь снова увидеться или нет, но по какой-то

причине (желание расположить к себе, представление, чтобы облегчить собственное затруднительное положение) я сообщил ей, что навсегда переезжаю в Вашингтон, словно это означало, что я буду здесь, чтобы заботиться о ней. Мне пришло в голову, что я мог бы позаботиться о ней, хотя бы ради моего друга или ради себя самого. А пока лишь поблагодарил ее за возможность поговорить. И вспомнил как нельзя уместное из книги *Мэри Тодд Линкольн: жизнь и письма*, что сразу решил выучить: *Для такой скорби, как наша, нет бальзама, и только могила и небеса, воссоединение с любимыми, могут исцелить наши израненные, кровоточащие сердца.*

Слегка пожав мою руку, она улыбнулась и вошла в лифт.

Я прошел мой путь домой под дождем и сразу взялся за книгу: "Где бы я ни была, мне так печально, я веду жизнь в уединении, выдерживая дистанцию, хотя именно здесь я уже несколько недель, и уверена, мало кто об этом знает. Я чувствую себя недостаточно хорошо ни душой, ни телом, чтобы отправиться в Италию этой зимой!"

Раздался дверной звонок. Я спустился вниз. Это был парень, с которым я познакомился в секс-клубе, он пришел сказать мне, что обнаружил язву на головке своего пениса и, возможно, заразил меня сифилисом. Я поблагодарил его и вернулся наверх. Через полчаса дверной звонок трезвонил снова. Молодой человек заявил, что знает моего

домовладельца, живет всего в нескольких домах от меня, и только что попал в автомобильную аварию на Дюпон-Серкл, его жена в больнице, а ему нужно семьдесят долларов, чтобы забрать машину из эвакуационной компании. Я ответил ему, что все это уже однажды было, и на этот раз я ничего ему не дам, с чем закрыл дверь.
По прошествии нескольких дней, я спустился вниз, чтобы выключить свет, а мой домовладелец сидел за столом и читал газету, которую тотчас отложил, увидев меня.
- Знаешь, — сказал он с какими-то детскими интонациями удивления, — я ведь не сомкнул глаз прошлой ночью. Ни разу.
- Почему? — спросил я.
- О, иногда жизнь становится слишком однообразной, — вздохнул он. — Особенно когда не можешь уснуть без всякой причины, кроме тревоги.
- Из-за чего? — спросил я.
- Из-за того, что мы умираем посреди всего этого, буднично, Бог знает где и с кем. Я имею в виду, мне самому очень интересно, — продолжал он, — как вышло, что я оказался один.
- И каков вывод? — спросил я.
- Ну, я не всегда был одинок. У меня был любовник, — сказал он. — Вот почему я оказался в психиатрическом отделении больницы Джорджтауна, чему завтра будет ровно двадцать лет.
- Почему?

- Потому что он был неверен, — ответил он.
- И это еще мягко сказано.
- Почему неверен?
- Ну, он был очень симпатичным, — глубокомысленно глядя вдаль, сказал мой домохозяин, снова взявшись за газету. - Все хотели его, — он снова заглянул в *Пост*, - и заполучили, - здесь он рассмеялся, выпрямился и углубился в чтение газеты.
Я отошел к столу у входной двери, осмотрел конверты — письма еще для моих предшественников, жильцов, которые когда-то обитали здесь и теперь не имели адреса для пересылки корреспонденции: актер, кларнетист, старший сержант, активист. Все эти письма лежали на столике, собирая пыль, как и почта, адресованная умершим, потому что выбросить ее, — все равно что признать, что они просто исчезли; точно так же, когда кто-то звонит с предложением вашей матери подписаться на журнал, а вы отвечаете, что она "вышла" или в отъезде, а не умерла.
Однако, среди конвертов я неожиданно заметил адресованный мне, с обстоятельным, в старомодной манере письмом, таким, какие сейчас пишут лишь старики, - от моего соседа из Флориды, пожилого мужчины, который почти каждый день проводил согнувшись под соломенной шляпой во дворе через дорогу, терпеливо вырывая сорняки с газона.
- Хорошие новости? — спросил мой домовладелец, подняв взгляд от газеты, когда я отложил письмо.

- Да, — ответил я. — С моим домом все в порядке. Вторжений не было.
- Похоже, ты разочарован, — он перевернул страницу.
- Ну, я бы и хотел немного, чтобы что-нибудь случилось, — сказал я. - Удар молнии, лесной пожар. Потому что иначе не представляю, как выбраться оттуда. Да и не представляю, как быть с вещами, — уж точно не продавать на гаражной распродаже. Конечно, крыша протекает, и в балках жуки-древоточцы. Мне кажется неправильным, что придется заменить крышу — я всегда думал, что крыша навсегда.
- О нет, — тотчас отозвался мой домовладелец. — Крышу нужно менять. Ты же знал, что она протекает, еще до того, как приехал сюда?
- Да, — ответил я. — Но откладывал. Думал, что я единственный человек в том доме, какая разница, если протекает крыша? Для меня хватит и такой.
Он улыбнулся.
- В доме много других проблем, — добавил я, — но ремонтировать их все для одного? Человека, живущего там в одиночку? Это казалось эгоистичным.
- Трудно жить только для себя, — сказал мой домохозяин, — хотя я знаю много людей, которые ровно так считают. Они возвращаются, чтобы заботиться о родителях, планируют продать дом сразу после их смерти, а потом, двадцать лет спустя, они все еще там, — он снова перевернул

страницу, — живут в Грей Гарденс*.
Дом действительно следует содержать. Если, конечно, не чувствуешь, что он держит.
- В каком смысле? — спросил я.
- В смысле дальнейшей жизни, — ответил он. — Ну, ипотечные ставки сейчас очень выгодные. Никогда не были такими низкими. На самом деле, на этой же улице продается трехкомнатная квартира — двое моих друзей, кстати, решили, что хотят провести остаток жизни путешествуя.
- Хм, — сказал я.
- Ведь, что касается дома, не похоже на что-то серьезное, — улыбнулся он, переворачивая последнюю страницу газеты. - Возможно, ты вообще никогда не избавишься от дома — и от вещей в нем. Таких людей много. Они умирают в окружении семейного хлама, — как бездомные.
- Я только что навестил одну из них, — сказал я. - Мать Ника Диксона. Она сразу сообщила мне, что не может пригласить к себе в квартиру, потому что та забита коробками, которые она не распаковала с тех пор, как переехала. Я ответил, что живу так же, но она не изменила решения. И рассказала мне, что мужчина в квартире над ней упал, и ей пришлось вызывать скорую помощь.
- Старость — это ужасно, — сразу заявил мой арендодатель. — Вот, например, сколько людей сели бы за стол, если бы знали, что

* Grey Gardens (1975) - легендарный документальный фильм о замкнутой жизни матери и дочери в ветшающем особняке под собственным именем *Грей Гарденс*.

будет на десерт! Слава богу, нам пока не приходится в полной мере сталкиваться. На самом деле, меня завтра вечером пригласили на вечеринку к моим друзьям, ты тоже можешь прийти. Там будут в основном юристы и их очень привлекательные бойфренды — в действительно шикарной обстановке. Еще одна бессмысленная светская встреча — эта вашингтонская особенность. Нет? Тогда позволь попросить об одолжении, — я буду дома только завтра вечером, поздно, и если не затруднит, не мог бы ты выгулять Бисквит? Если не сможешь, я найду кого-нибудь другого, так что не беспокойся.
- С удовольствием прогуляюсь с Бисквит, — ответил я.
- Спасибо, — сказал он. Он встал, зевнул, повернулся к зеркалу. - Как тебе прическа? Парень, который меня стрижет, только что все обновил.
- Думаю, лучше оставить как обычно. Это попытка сделать что-то, что лучше не делать.
- Ну, у меня было настроение, — ответил он, распределяя и чуть взъерошивая короткую челку, затем отправился выключать свет. Мы поднялись в свои комнаты, как давняя супружеская пара, затемнив дом, в ночной тишине обсуждая действительно важные вещи.

ГОРЕ ПОДОБНО Осирису*; его разрезают на части и бросают в Нил. Оно способствует

* древнеегипетская легенда, в которой убитый Осирис был еще разрублен на части, и в таком виде все это брошено в Нил, однако, сестра Осириса, Изида собрала части тела, а Боги воскресили его.

росту неведомым способом, что-то новое пробивается во всех уголках нашей жизни, формируясь в густую поросль, пока, наконец, Жизнь не расцветает снова. Те же Римляне были практичны: каждую похоронную процессию сопровождали проститутки, готовые помочь скорбящим возобновить чувственное существование.

Я не мог понять, когда вышел из дома с собакой на следующий вечер, получал ли я удовольствие от того, что оказал услугу своему домовладельцу, или от того, что некоторым образом вообразил себя им; что на мгновение его жизнь стала моей. По крайней мере, так я себя чувствовал, остановившись на Н-улице в вечерних сумерках и выжидая, пока собака обнюхает клумбу перед домом. Конечно, само освобождение собаки было радостным. На улице ей было на что реагировать, проявляя свои бдительность и чувствительность, включая каждый клочок бумаги из сети фастфуда в ветвях кустов, мимо которых мы проходили по тротуару.

Я понял, что она съела бы что угодно — даже лишь только воспоминание о гамбургере. Мы спустились к пляжу на Р-улице — длинному травянистому склону у ручья, протекающему через парк Рок-Крик, который всё ещё оставался настолько популярным местом у гомосексуалов, что использованные презервативы мелькали в траве вдоль тропинок и на песке школьной площадки над оврагом. Мой домохозяин предупредил, что тропа под мостом вдоль ручья, может быть

опасна, но я всё равно прошел там, хотя и заметил среди деревьев, наблюдавшего за нами мужчину с таким же измождённым, обветренным лицом, как на фотографиях заговорщиков, планировавших убийство Линкольна и Сьюарда.
- Бесполезно. Бесполезно, — такими были последние слова Джона Уилкса Бута, стрелявшего в Линкольна. Казалось, именно это и выражало лицо человека в зарослях.
Я возвратился на открытое пространство и побежал с собакой так быстро, как только мог. Вид того, как она резво и легко несется в траве, лишь наводил на мысль, что такая возможность была очень редкой для нее. Когда мы остановились, какой-то прохожий спросил, какой она породы. Потом я увидел, что она нюхает на редкость вонючую лужицу чьей-то рвоты, поэтому снова пристегнул поводок и отвел ее домой.
На следующий вечер раздался стук в стену рядом с моей дверью.
- Я просто хотел поблагодарить за то, что ты выгулял Бисквит, — сказал домовладелец, — Это очень ценно.
Я только ответил, что никаких трудностей не возникло, — это всегда доставляет удовольствие.
- Здесь всё в порядке? — он впервые прошел в мою комнату. - С термостатом проблем не возникало? — спросил он, глядя на стрелку.
- Не слишком жарко ночью?
Я заверил его, что всё хорошо.
- Ну, спокойной ночи! — пожелал он и ушел,

собака последовала за ним. Утром на стойке лестницы лежала еще одна благодарственная записка.
- Это для установления границ, — отметил Фрэнк.
На самом деле, в комнате бывало даже жарко, — я открывал окна по ночам, пока однажды не почувствовал, что в доме включился кондиционер. Весна наступала. На клумбах крокусы и тюльпаны раскрывали бутоны. Людей на улицах становилось все больше. Молодой человек, живший со своим парнем в цоколе, сидел на ступеньках, словно весенняя птица на краю гнезда, читал книгу, поднял взгляд и тотчас опустил, - как раз вовремя, чтобы не заметить мужчину, обернувшегося и рассматривающего его. Семестр почти закончился. После окончания курса причин оставаться больше не было: по крайней мере, какие-либо обстоятельства, которые я мог бы признать весомыми, отсутствовали. Тем временем мой домовладелец однажды попросил помочь натянуть сетку над стеной сада, чтобы ели не разрастались на соседский двор — владения адвоката, с которым у него был конфликт. Приближалось лето: сезон, которого он явно ждал. В тот день, когда мы отправились на кладбище Конгресса, лютики уже цвели вовсю.
- Это называется гей-уголок, — сказал он, остановившись у могилы Леонарда Матловича*, чтобы прочесть слова на его надгробном

* **Leonard P. Matlovich** (1943-1988) - первый открытый гей в армии США, боровшийся за свои права служить.

камне (*Мне дали медаль за убийство двоих человек, а за любовь к одному - уволили*), а затем показал мне, тут же, совсем рядом могилу Клайда Толсона*, постоянного спутника Дж. Эдгара Гувера(они обедали каждый день в отеле *Мэйфлауэр****), а также самого Гувера и его семьи.**

Затем мы подошли к могиле Питера Дойла***, **близкого друга Уолта Уитмена, а затем к могилам двоих, связанных со смертью Линкольна, человек. Первый - оказавший помощь Буту в побеге после покушения; похоронен в могиле своей сестры, поскольку заговорщику не разрешалось размещение своего имени на надгробном камне. Второй - камердинер Линкольна — человек, находившийся роковой ночью у президентской ложи в театре Форда, пока охранник сидел в баре и выпивал, человек, впустивший Бута в ложу после того, как Бут передал ему визитку.**

- И знаешь что? — провозгласил мой домохозяин. - Мэри Тодд Линкольн знала, как камердинер любил Линкольна, и отдала ему одежду, в которой Линкольн был тем днем, — но не ту, в которой его настиг убийца, а ту, которую сменил, прежде чем идти на спектакль. Его голос затих, и мы молча смотрели на могилу.

* **Clyde Tolson** (1900-1975) - заместитель Эдгара Гувера.
** **John Edgar Hoover** (1895-1972) - первый директор ФБР.
*** **The Mayflower Hotel** - исторический отель в центре Вашингтона. Открылся в 1925 году и по настоящее время работает.
**** **Peter Doyle** (1843-1907) - очень близкий друг поэта и очевидец покушения на А. Линкольна.

В такие моменты мой домовладелец казался очень печальным и чувствительным человеком. Однако с каждым днем, по мере того как погода становилась теплее, его голос становился громче, как и смех, когда он говорил по телефону с распахнутыми дверьми кабинета, что только усиливало мое раздражение.

Однажды вечером он спустился вниз в пластиковой реплике нагрудника римских полководцев (что-то из закупок для своего магазина в горах); в другой вечер — в маске. Я слышал музыку за дверями его спальни. В другой вечер показалось, что внизу кто-то напевает *Из тех, кто присмотрит за мной*, и когда я спустился вниз, выяснить, что происходит, то обнаружил незнакомого мужчину на диване.**

- Не смущайся, — сказал я с улыбкой, спускаясь по лестнице.

- Даже не думал, — ответил тот.

Вероятно, это кто-то из друзей моего арендодателя, или знакомый, - не мог я понять, — свидетельство его беспокойной личной жизни, - поэтому я просто прошел к двери и вышел из дома.

Время, когда мой домовладелец уходил на работу, также изменилось; он уходил все позже и позже. Однажды утром, опять-таки спускаясь вниз, я столкнулся с ним, когда он пронесся по лестнице совершенно голый.

* *Someone to Watch Over Me (1926)* - написана Джорджем Гершвином для мюзикла **Oh, Kay/О'Кей**, который пользовался огромной популярностью и в США и В Англии. Композицию использовали в своем репертуаре Ф. Синатра, Э. Фицджеральд, Барбра Стрейзанд и др.

За исключением того, что его спину и плечи покрывала тонкая поросль темных волос, грудь же блестела серебром, однако, у него все еще было то тело, которое, должно быть, привлекало людей в семидесятые, хотя, как и у всех в определенном возрасте, оно несколько обвисло.

- О боже! — воскликнул он, увидев меня, наклонился вперед и, смеясь, прикрыл руками гениталии. Он действительно был беззаботным и веселым, хотя часто, когда начинал смеяться, казалось, что какой-то родственник много лет назад велел ему не быть легкомысленным, потому что внезапно останавливался и принимал серьезное выражение лица. На улице цвели магнолии, плакучие вишни и багряник, и даже одевшись, — как мне показалось, опаздывая на работу, — он часто останавливался на пути к метро, чтобы поболтать с соседкой в окружении розовых цветов. Ночи же несли такую прохладу и очарование, что он долго сидел на крыльце с Бисквит, разговаривая с новой шведской моделью, поселившемся в пяти домах от него. Летом, как он мне рассказывал, он ходил в общественный бассейн в пяти минутах ходьбы от дома, популярный среди молодых геев, и, без всякого стеснения, *просто пробирался туда и запрыгивал*. Он собирался насладиться сезоном, которого я никогда не видел в Вашингтоне — летом; казалось, открытие этого сезона ознаменовало включение воды на площади Дюпон-Серкл, и теперь она изливалась на пышных кариатид,

поддерживающих большую плоскую чашу фонтана.
По ночам я с возрастающим раздражением слышал смех за распахнутыми дверями кабинета, которые он больше не удосужился закрывать, словно у него не было от меня никаких секретов.
- Это потому, что ты уезжаешь, — сказал Фрэнк, когда мы встретились на площади однажды вечером по его просьбе. Он весь день провел в походе по врачам, сдавал анализы, и пока не хотел возвращаться домой. Фрэнк огляделся по сторонам, прежде чем достать из кармана брюк сигарету. - Теперь возможна большая открытость, потому что ты уезжаешь, — повторил он. - Так все возвращается в то состояние, в которое ты прибыл, — отсюда и благодарственное письмо. Думаю, это к лучшему. Нельзя привязываться к такого рода местам или людям. Средний американец переезжает двенадцать раз за жизнь. Так что, вперед! Например, мы с Лугом едем на Кейп-Код* в пятницу, и я хотел бы попросить тебя об одолжении. Не мог бы ты зайти и покормить Сэмми? И убедиться, что в его миске есть вода? Он почти ничего не ест, он такой старый, и я не удивлюсь, если он помрет, когда меня не будет, но мне просто нужно ехать. Я был бы очень признателен.
- Конечно, — заверил его я.
- Спасибо. Знаешь, одинокие люди могут этим

* **Cape Cod** - полуостров на северо-востоке США, в штате Массачусетс. Здесь находится легендарный Провинстаун - культовый гей-курорт.

заниматься — присматривать за домашними животными. Нужно же чем-то заниматься, потому что я вижу, что у тебя впереди ещё лет двадцать. Возможно, не все они будут хорошими, но я вижу, что двадцать есть точно.
- Так ты видишь людей? — удивился я. - Сколько лет им осталось?
- Именно так я их и вижу. Как татуировка на лбу.
- Потому что ты зациклен на своих собственных, — сказал я.
- Верно. Думаешь, что любовь трудно найти. Попробуй найти лекарство от рака! Врач говорит, что у меня шанс рецидива сорок процентов. Вот почему я с нетерпением жду этого лета, — продолжил он, потягиваясь. - Я обоснуюсь на этой скамейке — и буду есть мороженое весь день! А ты будешь рядом, — он взглянул на меня. - выставишь напоказ свои ягодицы в коротких шортах и эти замечательные дельтовидные мышцы, которые раскачал в спортзале! Ты должен остаться здесь, понимаешь? Ты мне нужен. И это ради тебя самого. Ты не можешь вернуться в тот дом и к тому, какой ты был, хотя я знаю, что тебе бы этого хотелось. Все хотят спрятаться, но ты не можешь себе этого позволить.
Мы попрощались, я ушел домой. И в гостиной наблюдал, как тот самый ветеран в клетчатом пиджаке один за другим подбирает листья с тротуара, тогда как я пытался придумать, что сказать студентам, — на прощание,

своего рода, в изложение всего, что я думал и чувствовал о жизни, — в предупреждение, по сути, что независимо от того, был ли ваш муж убит рядом с вами, когда вы смотрели третьесортный спектакль, или споткнулись о ковер и сломали шею, или в момент сексуального возбуждения (или скуки, или одиночества) заразились смертельным вирусом, жизнь имеет свойство внезапно переворачиваться, и что-то, когда-то, где-то, почти наверняка перевернет ее для них в той или иной степени — но лишь решил, что все это будет звучать мрачно, поэтому на следующий день завершил занятие множеством практических замечаний о сроках и объеме сдачи их итоговых проектов, - так семинар закончился на невыразительной ноте.
С чем я выдвинулся на Кафедральный проспект в сгущающейся темноте, — прошел мимо огромного многоквартирного дома, в котором жила мать моего покойного друга, мимо автобусной остановки перед ним, где застал приезжего поэта, ужинающего в одиночестве, склонившись над героическим сэндвичем под моросящим дождем, мимо резиденции вице-президента, где не было ничего, кроме темноты елей и людей в черном, курсирующих по кругу на велосипедах, мимо Шеридан-Серкл, потом Дюпон, где этой теплой весенней ночью, когда дождь прекратился, все уличные кафе наполнились людьми, а их фигуры в зловещем свете уличных фонарей, призванном бороться с преступностью, образовывали типичную картинку

исторической части Парижа. Наконец, я вошел в дом, из которого уходил, и взялся снова за мемуары Мэри Тодд Линкольн. Я приближался к концу книги. На суде, инициированном сыном Робертом в Чикаго, ее уже признали невменяемой. Она протестовала против этого решения, пытаясь отравиться в вестибюле отеля после суда, предварительно обойдя несколько аптек на Уобаш-авеню, где искала опиум у фармацевтов, но они, предупрежденные ранее, подменили порошок, который она просила, сахаром. Лишь только ее освободили из-под ареста, она тотчас уехала в Нью-Йорк. Ее последнее письмо оттуда датировано 21 марта 1882 года. Я едва смог заставить себя его прочитать. Она остановилась в отеле *Гранд Централ* после процедур при отеле *Миллера* на Западной Двадцать третьей улице в *турецких, электрических и римских ваннах*. Она теряла зрение, хромала настолько, что едва могла ходить, и всё ещё настойчиво добивалась повышения пенсии от Конгресса, подозревая всех, отдалившись от своего единственного выжившего сына, который и отправил её в психиатрическую клинику, не доверяла даже старым друзьям, собиралась поездом, который должен был отвезти её вверх по реке Гудзон, отправиться в Буффало, Кливленд и Толедо, добраться до дома её сестры в Спрингфилде, штат Иллинойс, дома, в котором она когда-то вышла замуж.

"Я очень боюсь этой поездки, с моими конечностями, всё ещё парализованными..", —

это была последняя строчка, которую она написала, — сказал я Фрэнку, когда мы встречались несколько позже вечером на площади Дюпон-Серкл, чтобы передать ключи.
- Но я так же отношусь к путешествиям! — воскликнул он. - Особенно с Лугом! - оглядевшись, чтобы убедиться, не увидит ли кто-нибудь поблизости, как достаёт пачку сигарет, опасаясь, что к нему подойдут и попросят сигарету. Однако, неподалеку стоял мужчина, который, казалось, как раз и ждал этого, мы совсем замолчали, а Фрэнк сложил руки на коленях. Наконец тот ушел. Фрэнк закурил и продолжил:
- Знаешь, ведь действительно стоит задаться вопросом, почему ты так зациклен на этой женщине. У меня три теории. Во-первых, ты скорбишь, и, судя по твоим рассказам, она, по-видимому, занималась этим всю оставшуюся жизнь после Белого дома. Во-вторых, ты жалеешь того, кому было хуже, чем тебе, — именно в таком качестве мы в конечном итоге и используем большинство наших публичных деятелей. И в-третьих, она напоминает тебе мать! Да, — он повысил голос, — кстати, как и собака твоего домовладельца также!
Я сразу ответил, что это чушь; мне просто жаль собаку, потому что он запирал её на весь день, иногда до поздней ночи, и она была совсем одна, не могла сама никуда выйти, и фактически была заключена в той комнате, пока кто-нибудь не откроет дверь, чтобы выпустить её.
- Ого, что это ты только что так точно

описал? Мэри Тодд Линкольн в отеле во Франкфурте? Старушка в доме престарелых — ждёт визита сына! — язвительно заметил он.
- Поверь, я знаю. Только моя меня не узнавала, что облегчило задачу. А ты всё ещё мечтаешь отправиться в дом престарелых, покормить свою мать ужином!
- Как можно желать такого?
- Потому что ты чувствовал себя полезным! И любимым! У тебя никогда не было опыта такого рода отношений — или возможности самоотверженности — и тем самым избавления от чувства вины за то, что ты гей! Тебе не нужно мне об этом рассказывать. Я через это прошел, дорогуша.
- Не совсем, — сказал я.
- Что ты имеешь в виду? — вопросительно посмотрел на меня Фрэнк.
— Есть вещи, о которых я тебе не рассказывал, — ответил я. — Во-первых, незадолго до смерти моя мать попросила меня забрать её домой навсегда. Сейчас я понимаю, что она знала, что умирает, но я, конечно, погряз в своей рутине, что даже не хотел и думать о её исчезновении. Я *был* счастлив, как ни странно, теперь только понимаю, — по всем тем причинам, которые ты только что указал. Поэтому, когда она сказала, что ей осталось недолго, и спросила, не заберу ли я её домой навсегда, я промолчал, подумав, что она слишком драматизирует. А потом она умерла, как и сказала. Другими словами, я отказал ей в том единственном, чего желаем мы все, —

умереть в своей постели, среди своих вещей, а не в окружении незнакомцев. Вот почему люди не хотят умирать в тюрьме, понимаешь? Вот почему я боюсь летать. Никто не хочет умирать в окружении незнакомцев. Если бы я знал, конечно, я бы обратился в хоспис и забрал её домой. Но я не знал, или не хотел знать, потому что не мог смириться с мыслью о её смерти. В детстве она дразнила нас, как это делают матери, угрозами своей смерти. Потом это случилось. И я отказался забирать её домой, когда она знала, что умирает. Как Роберт Линкольн, отправивший Мэри Тодд в психиатрическую лечебницу. Он тоже считал, что это к лучшему, и понятно, почему он так поступил. Но это было неправильно.

- Понятное дело, после того, как случилось! — изрек Фрэнк.

- Но есть ещё кое-что, — продолжил я. - Последнее, что она мне сказала.. мы тогда были дома, на выходных. Она была так слаба, что едва могла держать голову, можно было видеть, как Смерть давит на неё, почти физически. Я только что повесил трубку после разговора с тобой. Раньше она спрашивала меня, почему мне звонят только мужчины, и я всегда придумывала какое-нибудь объяснение. Но на этот раз, когда я повесил трубку, она спросила: *Ты гомосексуален?* Это единственное, что могло бы всё объяснить. Вместо того я лишь вышел из комнаты — потому что не хотел давать ей такую власть — знать обо мне.

Но теперь я понимаю, что она имела полное право узнать это. В конце концов, я был её произведением.
- И это тебя беспокоит? — спросил он.
- Да, — ответил я.
Он закатил глаза.
- Должен ли я напоминать тебе о том, что говорил тебе в первую неделю твоего пребывания здесь? — он снова посмотрел на меня.
- Что именно?
- Мертвым всё равно, гомосексуал ты или нет! Думаешь ли ты о мертвых, скорбишь ли, посещаешь ли их могилу, желаешь ли, чтобы они были живы, или могли бы принять твои извинения, или знали, что ты испытываешь раскаяние, — они ничего этого не замечают! Ты не можешь извиниться перед мертвыми и не можешь любить их, потому что.. они мертвы! Без сознания! Разложились! Распались! Всё!
Я смотрел на землю.
- Ты думаешь, они вообще за нами не наблюдают? — спросил я.
- Нет! — отрезал он. - И я не думаю, что собака твоего домовладельца — твоя мать! Я думаю, его собака — это *ты*: возвращаешься в тот дом, ждешь темноты, чтобы погулять, постоянно там один, вместо того, чтобы начать уже обживаться здесь, - он встал. - Я знаю, трудно найти любовь. А иногда собака — это все, что нам остается. Но в какой-то момент человек делает шаг к.. людям. Извините, у меня закончились, — улыбнулся он подошедшему, чтобы попросить

сигарету. - Пожалуйста, не забудь убедиться, что в миске есть вода, — сказал он, развернувшись ко мне.
- Не забуду. Как не забыл и кое-что еще, что ты говорил, — ответил я.- Помнишь, когда ты сказал, что боишься, что Луг тебя бросит? Так вот, то, чего ты боялся, не случилось. Тебя не бросили.
- Нет, — заявил он. - Не Луг. Но Сэмми умирает, и это, может быть, даже хуже. Он взглянул на фонтан. Несмотря на свой внушительный рост и привлекательную внешность, Фрэнк в этот момент словно уменьшился в своих мешковатых штанах и старой толстовке. - Кот со мной уже шестнадцать лет, — проговорил он, светлые волосы блестели в свете уличного фонаря, проникающего с окраины парка. - Он был со мной везде, где я жил, с тех пор как вернулся из Европы. Не могу представить, что его нет. Но он старый. И он умирает. Так что будь с ним помягче. И спасибо. Я это ценю, — он ушёл.
- Эй, братан, как дела? — обратился ко мне мужчина, которому отказали в сигарете. Грязный и перепачканный, как шахтер, от него исходил запах перегноя, которым засыпали цветочные клумбы по всему городу. И на мгновение я подумал: вот что делала Мэри Тодд Линкольн все эти годы после убийства мужа, — отказывалась притворяться, что у нее есть дом на земле, демонстрируя это тем, что всегда носила черное, обычай, которого больше никто не соблюдает, —

я подумал и о том, что она, должно быть, чувствовала в день, когда покидала Белый дом, какую утрату, какую горечь, тогда как Грант* и Джонсон наблюдали за военным парадом на соседней улице. После смерти любимого человека ты становишься словно бездомным, потому что когда-то он был рядом. Мертвые смотрят *на* тебя.**

Бездомные вокруг меня на площади Дюпон-Серкл были похожи на Мэри Тодд Линкольн во вдовьем одеянии: демонстрировали отверженность. Однако, я оставил их в парке и вернулся в уютный и тихий дом своего домовладельца.

К моему ужасу, он был пуст. В воскресенье я пошел кормить кота Фрэнка. Когда выходил, на ступеньках сидел и читал парень жильца снизу. Ему было около тридцати, но выглядел он на шестнадцать: темно-каштановые волосы, идеальные черты лица: вздернутый нос, глаза с длинными ресницами и копна темных блестящих каштановых волос, подстриженных под школьника или английского хориста, пропевающего утреннюю службу в глубине какого-нибудь собора, — он сидел на ступеньках, как зверёк, покинувший нору, чтобы понюхать воздух, но не собирающийся уходить далеко, на случай, если придется быстро вернуться. Он постоянно поднимал голову от книги, посматривая на улицу. Ветер переворачивал одну из страниц его книги, он опускал взгляд, разглаживал

* **Улúсс С. Грант** (1822-1885) - 18-й президент США
** **Эндрю Джонсон** (1808-1875) - 17-й президент США

страницу и продолжал читать, так что каждый раз не замечал проходящего мимо человека, оборачивающегося, чтобы посмотреть на него. Через несколько мгновений он снова поднял голову, едва не упустив еще одного поклонника.

Очевидно, он не очень-то хотел читать — хотя, когда я вышел, а он услышал, как позади него открывается дверь, то снова опустил голову, пока я не поздоровался. Мы поговорили о погоде, о том, что он там читает, о Вашингтоне; он же спросил меня об *Eagle, баре, куда его любовник не разрешал ему ходить, о школе, о моем доме. Я сказал, что иду через Дюпон-Серкл, так как мой друг просил покормить кота, который может внезапно умереть. Он предложил пройтись вместе. Было так рано, что единственными людьми на Дюпон-Серкл были все те, которых я оставил накануне вечером, еще в их спальниках на скамейках.**

П-улица была пуста. Кота нигде не было видно в доме, пока я не зашел в спальню и не увидел его на кровати, с мордочкой на лапах. Когда я разбудил его, он моргнул с таким раздраженным выражением, словно его разбудили от долгого сна под действием лекарств. Я отнес его на кухню, положил еду в миску и пошел в гостиную. Мой спутник стоял у книжного шкафа, вычитывая названия книг. Я снова вернулся на кухню, поднял кота от миски и унес обратно на кровать. Он был таким мягким, что казалось, в нем

* см. прим. стр. 89

совсем нет костей. Выходя из квартиры, мы украдкой, еще раз оба взглянули на бедное животное.

Мой домохозяин также спал, на диване внизу, газета выпала из рук, собака лежала на полу рядом. Я стоял и смотрел, а собака глядела на меня снизу. Весна заполнила дом: двери в сад открыты, белые лепестки какого-то цветущего дерева медленно дрейфуют по золотистому полу. На столе свежий букет лавандовых тюльпанов, а шторы на окнах сменились с полупрозрачных серебристых, плетением похожих на колготки, на более тропического вида бамбуковые жалюзи, которые, словно задавая тон, заставили моего домовладельца облачиться в шорты цвета хаки и топсайдеры* на босу ногу.

- Привет, дружище, — сказал он, открывая глаза, как это делают некоторые после сна, не осознавая, что уснули. - Помнишь о коте?

- Только что его покормил, — ответил я, — хотя он очень старый, я не знаю, как он до сих пор жив.

- Я сам себя спрашиваю о том же, — сказал он, поднимаясь и усаживаясь. — Я так и хочу умереть. Просто уснуть.

Я рассказал ему, что со мной ходил парень жильца снизу.

- Он такой милый, — улыбнулся домовладелец. — Как его вторая половинка?

- Думаю, нормально. Я его давно не видел.

- Ну, я вообще с ним много лет не

* изначально модель обуви для яхтсменов, похожая на лоферы или мокасины, но с рифленой подошвой.

разговаривал.
- Почему? — удивился я.
- Потому что это тот самый человек, который отправил меня в психушку в Джорджтауне. Двадцать лет назад.
- Ох, — вырвалось у меня.
— К тому времени он уже владел частью дома, — продолжал мой арендодатель. - Я позволил купить, когда мы были парой. Потом был развод, но ни один из нас не хотел продавать. Ведь это стало домом для нас обоих. Потом у него возникла небольшая проблема с кокаином, и ему пришлось продать мне свою долю, — и теперь он снимает квартиру внизу со своим новым любовником. Что поделаешь? Каждому нужен дом, - он поднял на меня взгляд и улыбнулся.
- Забавно, я только что подумал.. вот чего миссис Линкольн так и не нашла.
- Нет, не нашла.
- И в этом была ее проблема. Она думала, что жизнь кончена, — заметил я
- Так и было, — согласился он.
- Но она все еще была жива, — поддержал я.
- В этом-то и *заключалась* проблема. Но я не думаю, что ее чувства были необоснованны. Иногда нужно признать, что жизнь прошла! — сказал он, потягиваясь. - Ты просто пытаешься сделать то, что осталось, как можно менее раздражающим. И никогда больше не сможешь быть счастлив. Вот почему она никогда не возвращалась в дом своей сестры — в дом, где она вышла замуж, — пока у нее не осталось выбора, — и даже тогда она

спала только на одной стороне кровати, оставляя другую половину Линкольну, лежа в темной комнате с одной-единственной зажженной свечой, потому что ее глаза были очень чувствительны к свету, в то время как на улице соседские дети играли и смеялись над сумасшедшей. Ты уже дочитал книгу? — спросил он.
- Только что, — ответил я.
- Столько тире и восклицательных знаков! — воскликнул он, открывая книгу. Именно там, где я оставил закладку: "Ужасный холод, казалось, поразил мой позвоночник, и я не могла сидеть из-за острой, жгучей боли в спине. Сейчас у меня компресс от плеч до самого низа, и большую часть времени я лежу на диване - Врач говорит, что эта проблема вызвана скорее беспокойным, взволнованным состоянием, чем какой-либо реальной локальной причиной, но, конечно, и говорит, что существует большая склонность к заболеваниям позвоночника - Можешь себе представить, или, скорее, не можешь - Но я пережила это последнее время, и лишь мрачная хозяйка квартиры заглядывала ко мне раз в несколько часов. Я часто думаю, что меня поддерживает что-то незримое, любящие меня безмолвно наблюдают за мной, и это может быть ОЧЕНЬ тяжело видеть меня такой одинокой, подавленной и временами такой беспомощной - Завтра годовщина дня рождения моего драгоценного мужа - и, возможно, если мое здоровье продолжит ухудшаться, как это происходит сейчас, еще один день рождения я

обрету вместе с ним."
- Ты когда-нибудь, — сказал он, закрывая книгу, — читал вообще такую безумную смесь жалости к себе, мелодрамы, китча и настоящей скорби? Она же просто надрывается! Причем все это от фигуры, чья трагедия не имеет себе равных в американской истории, до отчаянной, параноидальной шопоголички!
- Потому что она так и не смогла смириться, — ответил я. — Не позволяла себе, — она была верна Линкольну до конца. Любовь *навеки*. Она скорбела. А в чем смысл скорби? Чего можно этим достичь? Только этого — верности. И любви.
Он на мгновение замолчал, взглянул в окно, - прохожие на улице остановились и показывали на эркер его дома.
- Знаешь, та квартира, о которой я рассказывал, которая в конце квартала, все еще продается — ну, которой владеют двое парней, планирующих провести остаток жизни в путешествиях. Её стоит посмотреть, — прервал затянувшееся молчание он. — Люди никогда не говорят ничего хорошего о Вашингтоне, но я думаю, ты со мной согласишься — здесь можно наслаждаться одним прекрасным днем за другим, - он поднялся. - Но сейчас я иду встречаться с молодым человеком, который хочет снять комнату — он переезжает из Нью-Йорка, чтобы собирать средства для Музея Холокоста — ещё одна интересная тема! Если ты уедешь до того, как я проснусь завтра, дружище,

просто оставь ключи в почтовом ящике.
- Почему он называл меня так*, я понятия не имел. Собака рядом с ним наблюдала за мной со своим обычным настороженным выражением, но не попыталась подойти ко мне; ко мне, который освобождал её всякий раз утром и вечером. С поднятыми ушами и открытой пастью, она была на пути со своим хозяином — она отправлялась в путешествие. Они были единым целым, лишь вдвоем: она принадлежала ему.

В ТУ МИНУТУ, когда они вышли за дверь, я пошел наверх и возвратил книгу обратно, - туда, где нашел её, между двумя стеклянными держателями. Затем собрал свои книги и бумаги, снял всю одежду с вешалок в шкафу, уложил вещи. Когда я закончил, комната обрела тот самый вид, как в день моего приезда. Так что, подумал я, это всё-таки было просто коммерческой сделкой — как и многое другое в этой стране. В ванной я выскреб налипшее мыло из мыльницы и убедился, что на фаянсе не осталось ни волоска, ни следа моего присутствия. Затем улегся на кровать и смотрел, как меняется освещенность в комнате, как и в день приезда. Я с трудом мог поверить, что вот-вот уеду. Часы шли. Когда я проснулся, уже стемнело. Я спустился вниз, чтобы совершить последнюю прогулку, остановившись для начала перед зеркалом.
Освещение сменилось другим, наступила весна

* sport в оригинале

— света стало больше.
- Ты уезжаешь, — сказало мое отражение, — покидаешь этот город со всеми его людьми, фонтанами, музеями и прогулками. А возвращаешься — обратно в пустой дом — по причине, которую даже сам не понимаешь.
Разозленный, я вышел на крыльцо.
Город никогда не выглядел прекраснее — к моему огорчению. Вниз по Массачусетс-авеню открывались превосходные виды: в центре Скотт-Серкл генерал на коне, окруженный вишневыми деревьями в цвету, словно преодолевающий волны розовой пены. Цветущие кизил и багряник на дорожке между Белым домом и зданием Казначейства. Далее высокие деревья, начинающие выпускать листву, вокруг памятника генералу Шерману, унылый Эллипс, а потом - Национальная аллея. День неудержимо клонился к вечеру, люди шли по домам с мрачными выражениями на лицах, и лишь тогда, когда я начал подниматься по склону к Вашингтонскому монументу, я вдруг почувствовал странный прилив духа, который всегда возникает в такой момент, как у ребенка, намеревающегося запустить воздушного змея. Я свернул налево на длинный бульвар самой Национальной аллеи, прошел мимо нескольких пропылившихся уже семей, вышедших из Музея авиации и космонавтики, и двоих морских пехотинцев, со вспотевшими лицами, но преисполненными восторга от собственных усилий, пробежавших гравийной дорожкой.
Весна вступала в свои права, но все еще

было холодно, и в центре Национальной аллеи огромные клубы пара поднимались над вентиляционными решетками, где разместились бездомные, завернувшись в спальные мешки. Тонкий серп ранней луны, словно сабля, сверкал над крышей Смитсоновского института, - я же сидел и наблюдал, как темнеют деревья, трансформируясь в силуэты, а твердый белый мрамор Капитолия оплывает на фоне бледно-голубого неба. Самолеты, заходящие на посадку в Национальном аэропорту, включили прожектора, как и автомобили, а бездомные, возлежащие рядом на кучах своих одеял, пустились в обсуждения, сравнивая достоинства городских отделений неотложной помощи, словно знатоки, оценивающие четырехзвездочные рестораны, один из них, молодой и красивый блондин, был очень похож на Билли Бадда*, каким обычно его изображают. Что привело его сюда? Какова его история? Я не спрашивал. Вместо этого я сидел и размышлял, что, возможно, одна из фигур, идущих навстречу мне по гравийной дорожке, может стать любовью всей моей жизни.

На следующее утро я уехал из города на одном из синих микроавтобусов, которые постоянно курсируют по его улицам, доставляя людей в аэропорты, подобно клеткам, удаляющим свободные радикалы из крови. На тротуарах, мимо которых мы

* главный герой повести **Германа Мелвилл**а *Billy Budd, Sailor/Билли Бадд, моряк (1891)*, опубликованной лишь в 1924г., но получившей широкую известность и экранизированной в 1962г.

проезжали, стояли красивые мужчины в темных костюмах и галстуках.
Обратный путь напомнил мне перелет в Вашингтон: гробовая тишина, и все снова совершенно незнакомые.
В тот момент, когда я вошел в дом, скорбь вернулась; и я упал на колени между кроватями родителей и с глубокой благодарностью вознес молитву: Спасибо Тебе, Боже, за то, что Ты благополучно вернул меня домой. Благословен Господь, благослови же отца и мать моих.

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ *ГОРЕ*

Как обычно, Эндрю Холлеран написал уникальную и трогательную историю, которая, кажется, происходила, пока мы были заняты поисками где-то еще. Это один из самых трогательных рассказов о горе и утрате, которые я читала, и настолько тщательно изложенный, что неожиданно утешает, одновременно обнажая суровую реальность.

- Энн Битти [1]

- Вот где мы сейчас находимся, — сказал я себе, дочитывая последнюю страницу этой книги, такой душераздирающей, блестящей и ужасающей. Путешествие, начавшееся с холлерановского *Танцора из танца*, теперь заканчивается, как могут подтвердить все, кто еще жив, со скорбью. Величие этой книги, *Горе*, почти невыносимо.

- Ларри Крамер [2]

Эндрю Холлеран объединяет личную боль своих персонажей и историческую боль нашей страны в поучительном и неотразимом повествовании. Я прочитала эту книгу на одном дыхании и многому научился.

- Шон Уилси [3]

[1] **Ann Beattie** - американская писательница. Лауреат ряда литературных наград.
[2] **Larry Kramer** (1935-2020) - американский драматург, сценарист, активист. Автор романа *Faggots/Педики (1978)*, который часто сравнивают с романом **Э.Холлеран**а *Танцор из танца (1978)*.
[3] **Sean Wilsey** - американский писатель, кинорежиссер и переводчик.

Роман Эндрю Холлерана умудряется быть одновременно печальным и волнующим, при этом почти на каждой странице содержатся прекрасные, проницательные пассажи о неумолимости утраты. Глубокое понимание Холлераном опустошения «выживших» после СПИДа сочетается с великолепным чувством реального Вашингтона — города, который ускользал и громил столь многих романистов. *Горе* — это лаконичное, великолепное достижение.

- Томас Маллон [4]

Замечательная книга. Прекрасная, терпеливая, язвительная, а наблюдения душераздирающе точно подмечены. В одном абзаце прозы Эндрю Холлерана больше искусства и смелости, чем иногда в целых романах. Я благодарен ему за талант и смелость, которые потребовались для написания этой истории. Всем остальным могу сказать только одно: прочитайте и прослезитесь.

- Адам Хаслетт [5]

[4] **Thomas Mallon** - американский романист, эссеист и критик.
[5] **Adam Haslett** - американский писатель-фантаст и журналист. Лауреат престижных премий.